

Цитаты номера

Конференция МАГАТЭ по ядерной безопасности, прошедшая в июне 2011 г. в Вене, примечательна тем, что она дала ответ на вопрос о том, закончился ли *ядерный ренессанс*? После Фукусимы появилось много скептиков, которые говорили, что *ренессанса* больше нет, что атомная энергетика бесперспективна. Германия заявила, что будет сворачивать свои ядерные программы, в Италии прошел референдум о будущем атомной энергетике. Некоторые страны заявили, что не будут заниматься атомной энергетикой. Что же теперь, все, идем на попятную? Вена дала ответ: нет, ядерная энергетика должна развиваться и будет развиваться, альтернативы ей нет.

Новая ядерная политика США — не романтика и идеализм, и не очередное издание нового мышления а-ля Горбачев, а прагматичная и просчитанная стратегия. Суть этой стратегии проста: в политическом отношении США — миротворцы и по-прежнему *старшие* на планете; в военном же отношении американские генералы остаются *при своих*. В этом и состоит *ядерный гамбит* Барака Обамы: США в любом случае сохраняют свое подавляющее военное превосходство в высокоточном оружии шестого поколения, оставляя другие ядерные страны, в том числе и Россию, с их *ядерным величием* в XX в.

С тех пор, как эксперты *Голдман Сакс* выпустили в свет акроним БРИК, в Амазонке, Волге, Янцзы и Ганге утекло немало воды. Прошли два саммита БРИК, к акрониму добавилась буква «С», расширились и приобрели регулярный характер контакты по линии заинтересованных ведомств. Многократно умножились ряды сторонников и противников нового формата (так называемых *БРИКС-оптимистов* и *БРИКС-пессимистов*), ведущих бесконечные интеллектуальные битвы вокруг его будущего. И в нашей стране, и за рубежом появилось немало работ, где с разной силой отразились сполохи этих сражений...

Идеология ядерного сдерживания, не только взаимного, есть осмысление (на современном псевдонаучном жаргоне — концептуализация) реально существующей ситуации в отношениях некоторых, далеко не всех, ядерных государств, которая, в свою очередь, возникает в результате политического или политико-идеологического конфликта между ними. *Идеология*, точнее политика или стратегия ядерного сдерживания, будет сохраняться до тех пор, пока существуют конфликты, эскалация которых блокируется ядерным сдерживанием, взаимным или односторонним.

Михаил Лысенко

Сергей Кортюнов

Борис Мартынов

Юрий Федоров

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (98) 2011

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 3 (98), Том 17

ОСЕНЬ 2011

Журнал ПИР-Центра

Владимир Ельченко

УКРАИНА С РОССИЕЙ, УКРАИНА В ЕВРОПЕ

Илья Рогачев

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: КАК ВЫСТРОИТЬ БАРЬЕРЫ?

Совет по устойчивому
партнерству с Россией

РОССИЯ–США: НОВАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ

Михаил Лысенко

ПОСЛЕ ФУКУСИМЫ

Юрий Крупнов,
Лев Левинсон

ВОЙНА С НАРКОТИКАМИ — ПРОИГРАНА?

Клэр Люсьен

ЕВРОПРО: ЧТО ДУМАЮТ САМИ ЕВРОПЕЙЦЫ

2867
1.03.20112809
1.04.20112786
1.05.20112810
1.06.2011

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ,

Весной 2012 г. произойдет очень важное для нас, знаменательное событие — мы выпустим сотый номер журнала Индекс Безопасности. Хотим, чтобы оно стало не менее знаменательным и для всех наших читателей — в России и по всему миру.

По случаю выхода юбилейного номера, который будет обращен к нашим корням, уходящим в журнал Ядерный Контроль, мы проведем три научно-практических семинара — в Москве, Женеве и Вене, где сотый номер будет презентован авторитетной российской и международной аудитории и где будут обсуждены актуальные вопросы ядерного нераспространения, разоружения и ядерной безопасности. Сотый номер также будет представлен делегатам Подготовительного комитета 2012 г. к Обзорной конференции ДНЯО, участникам Саммита по ядерной безопасности в Сеуле в апреле 2012 г. и на других ключевых международных форумах.

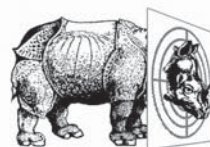
Приглашаем государственные и частные компании, наших давних партнеров и новых друзей к сотрудничеству в подготовке сотого номера журнала, а также в проведении торжеств и научно-практических семинаров в Москве, Вене и Женеве, приуроченных к этому событию. Наши читатели в России и по всему миру смогут подробнее узнать о вашей деятельности, а семинары в трех городах дадут вам отличную возможность непосредственного контакта с потенциальными клиентами.

Обращаемся ко всем, кто хочет поддержать нас в подготовке юбилейного номера журнала и в его презентации на русском и английском языке. Вы сможете:

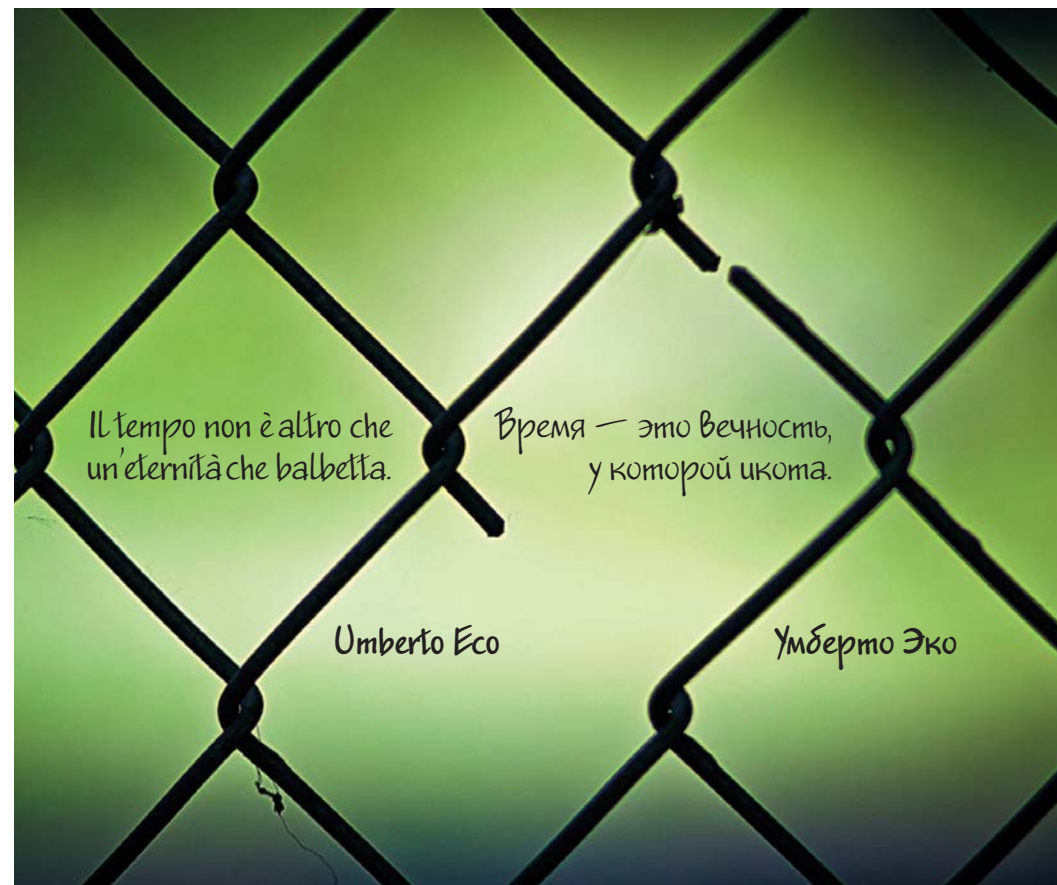
- ✓ разместить рекламу в сотом номере;
- ✓ стать спонсором или партнером по выпуску этого номера;
- ✓ стать спонсором или партнером по проведению всех или одного из семинаров.

Более подробную информацию можно получить у помощника главного редактора журнала Индекс Безопасности Ирины Мироновой по тел.: +7 (495) 987-19-15 или e-mail: editor@pircenter.org.

Редакционная коллегия журнала Индекс Безопасности

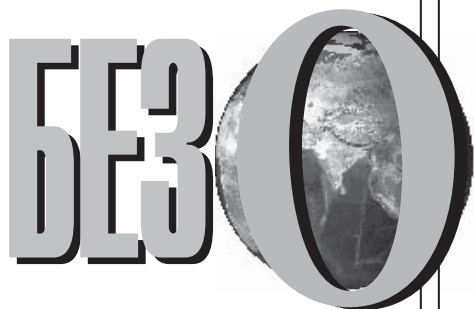
О ВРЕМЕНИ

К О Н Е Ц Ц И Т А Т Ы

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (98), Том 17
Осень 2011

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Дмитрий О. Рогозин
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*.
Выходит четыре раза в год на русском и английском языках.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Андрей А. Баклицкий, стажер
Олег В. Демидов, стажер
Ксения А. Дмитриева, специалист по работе с интернет-представительством
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зильхарнеев, директор образовательной программы
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Лиана В. Когошвили, координатор образовательной программы
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор проекта по обычным вооружениям
Александр С. Колбин, помощник президента
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Ирина Ю. Миронова, помощник главного редактора журнала
Индекс Безопасности
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала
Индекс Безопасности
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, менеджер по распространению периодических изданий
Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета
Иван В. Трушкин, координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия»
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Юрий А. Юдин, консультант Европейского отделения ПИР-Центра (Женева)
Михаил В. Якушев, председатель Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 3 (98), Том 17
Осень 2011

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Ирина Ю. Миронова, помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Екатерина А. Труханова, технический редактор
Елена И. Макеева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Никита В. Перфильев, Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Ташкент: Галия Р. Ибрагимова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7 (495) 987-1915 (многоканальный)
Факс: +7 (495) 987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать (см. с. 16)
- по всему миру: ООО *Триалог*, <http://pircenter.org/club>
- по всему миру: East View Information Services, <http://www.eastview.com/>
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), <http://www.tandf.co.uk/journals>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Международного фонда технологий и инвестиций (МФТИ), Международного научно-технического центра (МНТЦ), Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушерс.

Тираж (российское и международное издания) 2000 экз. **Подписано в печать** 29 августа 2011 г.

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2011

О Т Р Е Д А К Т О Р А

7 **Основы безопасности**

Ядерная безопасность затрагивает и военную мощь государства (физическая безопасность ядерных арсеналов), и невоенную сферу (безопасность деятельности АЭС). После весенних событий в Японии внимание снова оказалось приковано к вопросу ядерной безопасности, и снова, как и в 1986 г., под вопросом — будущее атомной энергетики. Однако катастрофу такого масштаба может вызвать и ненадлежащее хранение ядерных боеприпасов. Общей проблемой остается возможность использования радиоактивных материалов в террористических целях. Так каковы же решения? — обращается к авторам номера — военным, физикам-ядерщикам, атомщикам — помощник главного редактора Ирина **Миронова**.

Ключевые слова: ядерная безопасность, атомная энергетика, атомный ренессанс, Фукусима, физическая ядерная безопасность.

В Д Е С Я Т К У

10 **Чернобыль**

И Н Т Е Р В Ь Ю

11 **«Европейская конвенция о борьбе с киберпреступностью недостаточна для ответа на новые вызовы» — Илья Рогачев**

Насколько успешно взаимодействие в решении задач по борьбе с терроризмом в рамках ООН? Какую роль играет Россия в разработке и продвижении мер по борьбе с терроризмом? Какое место должны занимать и реально занимают негосударственные игроки в антитеррористическом партнерстве? Об этом рассказывает директор департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ.

Ключевые слова: нетрадиционные вызовы безопасности, борьба с терроризмом, незаконный оборот наркотиков, коррупция, киберпреступность.

17 **«Россия–Украина: альтернативы развитию стратегического партнерства нет» — Владимир Ельченко**

Столкновение интересов в треугольнике Россия–Украина–ЕС, Таможенный союз, система ПРО в Европе... Как эти острые вопросы видятся с украинской стороны? Каковы перспективы сотрудничества России и Украины по ключевым аспектам европейской безопасности? Каковы перспективы торгово-экономических отношений двух стран? На наши вопросы отвечает Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Российской Федерации.

Ключевые слова: Россия–Украина, европейская интеграция, Таможенный союз, экономические реформы.

- 23 **«Реформа Совета Европы давно назрела»** — Жерар Штудман
Специальный представитель Генерального секретаря по развитию и реформированию Совета Европы в беседе с корреспондентом журнала *Индекс Безопасности* рассказал об основных направлениях деятельности Совета Европы, о приоритетах реформирования организационной структуры Совета, а также о выстраивании взаимодействия Совета Европы с Россией.

Ключевые слова: права человека, демократия, новые угрозы безопасности, реформа Совета Европы.

Д О С Ь Е

- 27 **Шаги, необходимые для придания устойчивости партнерству между Россией и США** — заседание Совета по устойчивому партнерству с Россией

В день подписания нового договора СНВ, 8 апреля 2010 г., был создан Совет по устойчивому партнерству с Россией (СУПР). Создателями Совета выступили ПИР-Центр (Россия) и фонд Плаушерс (США). 2–3 февраля 2011 г. Совет провел очередное заседание в швейцарском Гштааде, чтобы обсудить следующие шаги, которые следует предпринять России и США в области ядерного разоружения, а также ответы на вызовы, исходящие из региона Ближнего Востока.

Ключевые слова: работа СУПР, контроль над вооружениями, разоружение, Ближний Восток.

- 33 **Рекомендации Совета по устойчивому партнерству с Россией руководству России и США**

Ратификация и вступление в силу нового договора СНВ — шаг в верном направлении, который помог США и России перезагрузить двусторонние отношения. Однако это лишь первый шаг к ядерному разоружению. На сегодняшний день существует 50-процентная вероятность того, что эти отношения потеряют импульс к дальнейшему сотрудничеству и вновь вернуться в период охлаждения.

Ключевые слова: Новый договор СНВ, ПРО, ДОВСЕ, ЗСОМУ на Ближнем Востоке, иранская ядерная программа.

А Н А Л И З

- 39 **Ядерный гамбит Барака Обамы** — Сергей Картунов

В политическом отношении США — миротворцы и по-прежнему старшие на планете; в военном же отношении американские генералы остаются *при своих*. В этом и состоит ядерный гамбит Барака Обамы: США в любом случае сохраняют свое подавляющее военное превосходство в высокоточном оружии шестого поколения, оставляя другие ядерные страны, в том числе и Россию с их ядерным величием, в XX в., пишет видный российский политолог в своем эссе, переданном в редакцию *Индекса Безопасности* накануне его безвременной кончины.

Ключевые слова: Новый договор СНВ, ядерный ноль, ядерная политика США.

- 57 **Ближневосточная зона, свободная от ОМУ: от идеалов к реальности** — Иван Трушкин

Не стоит ожидать от конференции 2012 г. немедленного решения вопроса создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Однако от нее нужно ждать выработки *дорожной карты* — плана того, как странам региона необходимо двигаться на пути к ЗСОМУ. Вопрос денуклеаризации Ближнего Востока — это в первую очередь вопрос политической воли. На экспертном уровне за последние 35 лет уже проделана огромная работа, которая могла бы лечь в основу будущей зоны.

Ключевые слова: Ближний Восток, нераспространение, ДНЯО, ЗСОМУ.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 73 **Ядерная безопасность: на пути к Сеульскому саммиту** — Сергей Антипов, Геннадий Евстафьев, Дмитрий Ковчегин, Евгений Маслин, Владимир Орлов, Сергей Перцев, Олег Рожков, Алексей Убеев

Участники круглого стола обсудили вопросы о том, нужно ли России копировать зарубежный опыт в сфере ядерной безопасности, и как связаны между собой вопросы нераспространения и обеспечения безопасности ядерных материалов.

Ключевые слова: Государственная система обеспечения безопасности ядерного оружия, физическая защита, антитеррористическая устойчивость.

- 85 **Война с наркотиками — проиграна?** — Юрий Крупнов, Лев Левинсон
 Борьба с наркотиками на сегодняшний день является неотъемлемой частью национальной политики безопасности. Существует два принципиальных типа антинаркотической политики — запретительный и дифференцированный. Какой из них наиболее эффективен? В чем должен заключаться успех в борьбе с наркотиками? И существует ли средство, которое поможет выиграть войну с наркотиками в конечном счете? *Индекс Безопасности* публикует переписку двух экспертов, занимающих разные позиции и по-разному представляющих принципы борьбы с наркотиками.
Ключевые слова: Глобальная комиссия по наркополитике, классификация наркотических веществ, наркотрафик.

КОММЕНТАРИИ

- 99 **Никогда больше: предложения по достижению важнейшей цели ядерной безопасности** — Августин Алонсо, Владимир Асмолов, Адольф Биркхофер и др.
 Только такая атомная энергетика приемлема для общества, которая не представляет угрозы ни для здоровья и безопасности населения, ни для окружающей среды. Для достижения этой цели необходимо удвоить усилия по недопущению аварий с большими выбросами радиоактивности за пределы площадки. В публикуемом нами открытом письме ученых-ядерщиков сформулированы проблемы безопасности, которые важно еще раз проанализировать в каждой стране с атомными электростанциями, не дожидаясь результатов всестороннего изучения уроков Фукусимы.
Ключевые слова: тяжелые аварии на АЭС, допущения проектных основ АЭС, стратегии управления авариями, культура безопасности.

- 111 **Закончился ли ядерный ренессанс?** — Михаил Лысенко
 До Фукусимы вопросы ядерного нераспространения доминировали в международной повестке дня, между тем как вопросы *safety* — то есть ядерно-эксплуатационной безопасности, безопасной работы техники, — обсуждались параллельно и несколько приглушенно. Конференция в Вене, прошедшая в июне 2011 г., пожалуй, впервые показала, что эти два направления — *security and safety* — неразделимы и должны идти рука об руку, им необходимо отводить должный приоритет.
Ключевые слова: ядерная безопасность, министерская конференция МАГАТЭ, авария на АЭС Фукусима.

- 113 **Секторальная ПРО: взгляд из Европы** — Клэр Люсьен
 Политические элиты большинства европейских стран признают чрезвычайную важность сотрудничества для обеспечения безопасности на европейском континенте. Однако политизация вопроса противоракетной обороны и слишком высокие ожидания от сотрудничества в данной области со стороны как НАТО, так и России могут помешать внедрению данного проекта и положить конец улучшению отношений между Россией и НАТО.
Ключевые слова: Россия–НАТО, секторальная система ПРО.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

- 125 **Индекс *iSi* в апреле-июне 2011 г.: громовые раскаты** — Галия Ибрагимова
 Основными причинами снижения Индекса весной стали продолжающееся военное противостояние в Ливии войск Муаммара Каддафи и повстанцев, поддерживаемых силами НАТО, а также не стихающие выступления против властных структур в других государствах Северной Африки и Ближнего Востока.
Ключевые слова: Ливия, Сирия, Иран, Усама бен Ладен, стратегическая стабильность, ядерная безопасность.

- 133 **Глазами либерала: весеннее обострение мировой политики** — Юрий Федоров
 Если судить о международных отношениях по заголовкам СМИ, то весной 2011 г. их эпицентр прочно утвердился в зоне Большого Ближнего Востока. Эксперты и журналисты увлеченно обсуждали последствия падения режимов в Тунисе и Егип-

те, репрессии против сирийской оппозиции, волнения в Йемене, гражданскую войну в Ливии, операцию НАТО против режима Каддафи, и, разумеется, ликвидацию Усамы бен Ладена. Происходящее на Ближнем Востоке, сколь бы любопытным оно ни было, отвлекло внимание от событий, имеющих не меньшее, а, скорее всего, заметно большее значение для мировой политики.

Ключевые слова: США и ближневосточные конфликты, исламизм, арабизраильский конфликт, предстоящие выборы президента США, кризис Европы.

144 **Глазами консерватора: нулевые позади — время подводить итоги — Дмитрий Евстафьев**

Теперь события начинают приобретать присущий мировой истории динамизм, а с ним и остроту, которую подчеркивают многочисленные и, возможно, неслучайные стихийные бедствия, то тут, то там проверяющие на прочность национальные государства, которые с момента прекращения противоборства наднациональных идеологических систем, которое было по праву символом века XX, остаются основой системы международных отношений.

Ключевые слова: Усама бен Ладен, авария на АЭС Фукусима, арабские революции, военная реформа в России, Европа, Афганистан.

Б И Б Л И О Т Е К А

157 **После перезагрузки — Владимир Орлов**

Есть книги, которые должны быть на книжной полке специалиста: it's a must! У специалистов по нераспространению ОМУ среди таких книг на русском языке — Тиммербаев первый. Новый труд Арбатова–Дворкина, безусловно, займет там свое место. А, если потребуется, он заслуживает того, чтобы потеснить соседей.

Ключевые слова: Россия–США, перезагрузка, ядерное оружие, нераспространение, разоружение.

161 **БРИКС: заря новой эры или business as usual? — Борис Мартынов**

С тех пор как эксперты *Голдман Сакс* выпустили в свет акроним БРИК, в Амазонке, Волге, Янцзы и Ганге утекло немало воды. Прошли два саммита БРИК, к акрониму добавилась буква «С», расширились и приобрели регулярный характер контакты по линии заинтересованных ведомств. Многократно умножились ряды сторонников и противников нового формата (так называемых *БРИКС-оптимистов* и *БРИКС-пессимистов*), ведущих бесконечные интеллектуальные битвы вокруг его будущего.

Ключевые слова: БРИКС в международной системе, перспективы БРИКС, интеграция внутри БРИКС.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

169 **Андрей Баклицкий, Олег Демидов, Галия Ибрагимова, Лиана Когошвили, Маргарита Колесниченко, Павел Лузин — сотрудники, стажеры и выпускники образовательной программы ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.**

П И С Ь М О Р Е Д А К Т О Р У

179 **Индекс безопасности iSi требует иной методики подсчета — Сергей Кондратов**

181 SUMMARY

185 ОБ АВТОРАХ

189 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

193 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

194 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

«Наша память устроена так, что со временем детали стираются, острота ощущений притупляется и все произошедшее становится размытым и нечетким, словно кто-то невидимый уменьшает в объективе истории глубину резкости»¹.

Среди событий последних нескольких месяцев одним из наиболее важных, с точки зрения влияния на международную безопасность, развитие региональной и мировой энергетической и экономической системы, стала авария на АЭС Фукусима-1, произошедшая в результате землетрясения и цунами в марте 2011 г. Параллели с аварией в Чернобыле стали появляться сразу, а месяц спустя Фукусиме был присвоен тот же, что и у Чернобыля, 7-й уровень сложности, что заставило задуматься: а не повторится ли такое снова и что несет за собой ядерная катастрофа? Не вдаваясь в научные подробности, которых человек без специального образования не знает, ответ состоит, наверное, в следующем: авария на АЭС — это пустота, осознание *рукотворности* опустошения, это боль и ощущение *беспомощности* перед угрозой радиации. Это ощущение того, что мы слишком сильно зависим от атомной энергетики, чтобы от нее отказаться, и при этом, видимо, не обладаем достаточными знаниями, чтобы предотвратить такие аварии.

Реакция на чернобыльскую аварию и чувство пустоты ярко прослеживались на прошедшей весной 2011 г. в Московском доме фотографии выставке «Чернобыль. 25 лет спустя», центральным элементом которой стал проект Сергея Шестакова «Поездка в будущее. Остановка № 1». Фотограф побывал в Припяти и показал, как город выглядит спустя 25 лет после аварии. На фото — простота и повседневность под толстым слоем пыли и времени. Цивилизация и разрушение. Смерть и новое начало.

Выставка в целом и проект в частности готовились до аварии в Японии и были приурочены к 25-летию аварии в Чернобыле. Однако вышло так, что выставка, предлагающая поразмышлять о прошлом, оказалась в центре происходящего *здесь и сейчас* и обращалась с вопросами в будущее. Чернобыль — это *остановка № 1?* Остановка № 1 на пути фотографа в творческом познании катастроф, но и остановка-катастрофа № 1 на пути человечества. *Рукотворный хаос* и пустота — это то будущее, которое нас ждет.

Ядерная безопасность — это та область *безопасности как концепции*, которая затрагивает и военную мощь государства (физическая безопасность ядерных арсеналов), и невоенную сферу (безопасность деятельности АЭС). После весенних событий в Японии внимание снова было приковано к вопросу ядерной безопасности (nuclear safety), и снова, как и в 1986 г., под вопросом будущее атомной энергетики. 25 лет

назад авария, последовавшая за аварией на АЭС *Тримайл-Айленд* в 1979 г., вызвала резкий спад в строительстве новых атомных электростанций.

Однако к концу XX в. намечился значительный рост энергопотребления во всем мире и прежде всего в странах за рамками ОЭСР, менее вовлеченных в инициативы по энергосбережению и эффективному использованию энергии, при отсутствии принципиально новых источников энергии. Это заставило страны снова обратиться к энергии атома, и период с конца 1990-х гг. характеризуется как время *атомного ренессанса*. При этом вопрос о принципах обеспечения безопасности АЭС остается острым.

Ядерную катастрофу крупного масштаба может вызвать и ненадлежащее хранение ядерных боеприпасов. Общей проблемой остается возможность использования радиоактивных материалов в террористических целях. Каковы же решения? И действительно ли необходимость бороться с последствиями ядерных катастроф — неизбежное будущее?

В открытом письме **«Никогда больше: Предложения по достижению важнейшей цели ядерной безопасности»** международная группа специалистов атомной отрасли дает анализ основных проблем безопасности АЭС и путей их решения. Их основной посыл состоит в том, что у атомной энергетики *есть* безопасное будущее, но для его обеспечения необходима политическая воля. Участники круглого стола **«Обеспечение ядерной безопасности: новые вызовы, новые ответы»**, в свою очередь, делятся идеями о необходимых мерах безопасности хранения ядерных материалов.

Михаил **Лысенко**, участвовавший в конференции МАГАТЭ по вопросам ядерной безопасности, состоявшейся в Вене (Австрия) в июне 2011 г., в своем комментарии отметил неразделимость двух направлений ядерной безопасности — *safety* и *security* — в свете общих задач, стоящих между ними. Что же касается перспектив атомной энергетики, то «Вена дала ответ: атомная энергетика должна и будет развиваться, ибо альтернативы ей нет».

Номер, тем не менее, не тематический, поэтому отмечу еще несколько материалов, не имеющих к ядерной безопасности непосредственного отношения, а скорее относящихся к нашей традиционной нераспространенческой тематике. Мы публикуем материалы заседания **Совета по устойчивому партнерству с Россией** (СУПР), которое прошло в Гштааде (Швейцария) в феврале 2011 г. На заседании были разработаны рекомендации по двум крупным вопросам — дальнейшие шаги в сфере разоружения и нераспространения, которые должны быть предприняты Россией и США, а также рекомендации по грядущей конференции 2012 г. по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке. Рекомендации были переданы президентам России и США и уже вызвали отклик в российском и американском экспертных сообществах.

Эссе Сергея **Кортунова**, безвременно ушедшего осенью 2010 г., посвященное нюансам политики США в области разоружения, предостерегает против чрезмерного оптимизма по поводу *перезагрузки* в российско-американских отношениях. «В политическом отношении США — миротворцы и по-прежнему старшие на планете; в военном же отношении американские генералы остаются *при своих*. В этом и состоит *ядерный гамбит* Барака Обамы: США в любом случае сохраняют свое подавляющее военное превосходство в высокоточном оружии шестого поколения, оставляя другие ядерные страны, в том числе и Россию, с их ядерным величием в XX в.»

Этот номер в печать мы готовим уже после летних отпусков, тогда как основной массив материалов поступил в редакцию еще весной. Август же, не успевший проявить себя на страницах номера, заставляет задуматься о том, что такое история, что такое память и как правильно *помнить историю*.

Отмечу два августовских события, которые заставляют взглянуть на вопрос истории именно в этом ракурсе. 13 августа в Германии *отметили* 50 лет с начала строительства Берлинской стены, 19 августа в России — 20 лет после Августовского путча. События, конечно, разного порядка, но оба символизируют начало новой эпохи. Не важно, как — хорошо или плохо — относиться к Советскому Союзу, к холодной войне, к идее *поделить* — Германию, Корею, мир — факт остается фактом. Это прошлое, и с ним необходимо считаться, то есть воспринимать его адекватно и *учиться*. Искреннее восхищение вызывает способность немцев помнить о трагической странице своего прошлого, но при этом без негатива. Просто — помнить. Чтобы не повторилось.

Помним ли мы о всем том *сложном*, позитивном и негативном, что несет в себе *наше* прошлое? Готовы ли *мы* говорить о нем не в черно-белых тонах, не ругая, не восхваляя и идеализируя, а адекватно оценивая ошибки? Готовы ли мы учиться у своей истории? «Об СССР у нас вообще теперь принято говорить только с уважением и только хорошее — как о покойнике, которым он, собственно, и является уже 20 лет. Мы все никак не можем честно признаться самим себе, что XX в., за исключением отдельных моментов, вроде победы над нацизмом и полета Гагарина, был нескончаемой трагедией», — говорит в своем радиокomentarии член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* Константин фон Эггерт². Признать то, что была трагедия — не значит признать поражение.

Август показывает, что *мы* слишком быстро забываем и склоняемся к тем же ошибкам. Для того чтобы помнить и для того чтобы не допускать тех же ошибок, необходимо *усилие*. Возможно, если правильно учить урок, *остановка № 2* не будет катастрофой.

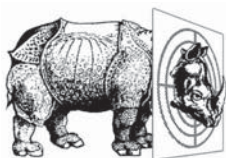
Примечания

¹ Шестаков Сергей, фотограф, автор проекта о чернобыльской аварии «Поездка в будущее». Из предисловия к выставке «Чернобыль. 25 лет спустя».

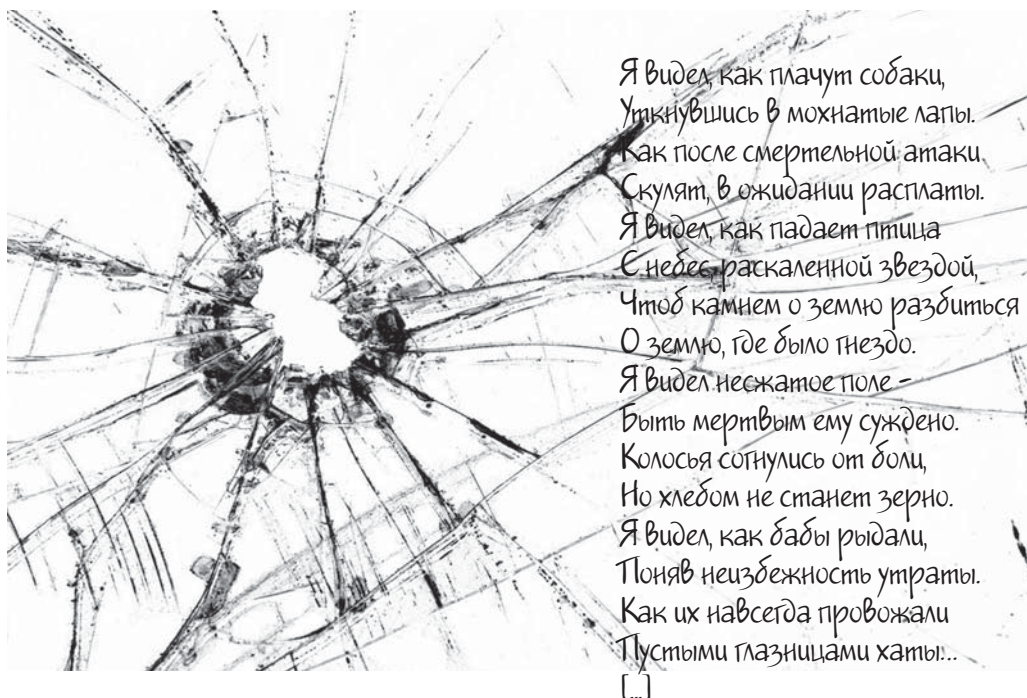
² Фон Эггерт Константин. Это был тот несчастный случай, когда мы освободили кого-то, не требуя ничего взамен; <http://www.kommersant.ru/doc/1752258> (последнее посещение — 16 августа 2011 г.).

Ирина Миронова
Помощник главного редактора

В ДЕСЯТКУ: ЧЕРНОБЫЛЬ

Я видел как плачут собаки,
Уткнувшись в мохнатые лапы.
Как после смертельной атаки
Скулят, в ожидании расплаты.
Я видел, как падает птица
С небес раскаленной звездой,
Чтоб камнем о землю разбиться
О землю, где было гнездо.
Я видел несжатое поле -
Быть мертвым ему суждено.
Колосья согнулись от боли,
Но хлебом не станет зерно.
Я видел, как бабы рыдали,
Поняв неизбежность утраты.
Как их навсегда провожали
Пустыми глазницами хаты...
[...]

Алексей Юбев
член Экспертно-Консультативного Совета ТИР-Центра
Припять, 1986 год

Илья Рогачев:

«ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ
С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕДОСТАТОЧНА
ДЛЯ ОТВЕТА НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ»

Насколько успешно взаимодействие в решении задач по борьбе с терроризмом в рамках ООН? Какую роль играет Россия в разработке и продвижении мер по борьбе с терроризмом? Какое место должны занимать и реально занимают негосударственные игроки в антитеррористическом партнерстве?

Директор Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ И.И. Рогачев ответил на вопросы редакции журнала Индекс Безопасности¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие основные задачи стоят перед государствами в том, что касается борьбы с терроризмом? Насколько успешно взаимодействие в решении этих задач в рамках ООН?

РОГАЧЕВ: Терроризм продолжает оставаться одной из основных угроз международному миру и безопасности. Особую опасность терроризм приобретает в свете возможного использования террористами высоких технологий, элементов оружия массового уничтожения. Ясно, что противостоять такой опасности можно только сообща, развивая международное антитеррористическое сотрудничество.

В 2001 г. Совет Безопасности ООН объявил терроризм угрозой международному миру и безопасности. Впервые международная проблема, имеющая негосударственное происхождение, получила такой статус.

Россия выступает за укрепление международной системы противодействия терроризму с упором на оказание содействия государствам в укреплении их контртеррористических потенциалов. Главным координирующим центром такой системы являются ООН и Совет Безопасности.

Необходимо обеспечить скорейшую и всеобъемлющую реализацию положений Глобальной контртеррористической стратегии ООН (ГКС) в плане профилактики террора, пресечения *воспроизводства* идеологии экстремизма и насилия, а также использования в террористических целях медийного пространства, глобальной сети Интернет.

Думаю, стоит позитивно оценивать итоги второго обзора Стратегии, который состоялся 7 сентября 2010 г. в Нью-Йорке. Концептуальные параметры ГКС должны оставаться неизменными, с учетом ее консенсусной поддержки на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 г.

С подписанием в марте и апреле 2010 г. Деклараций о сотрудничестве ОДКБ и ШОС с ООН будет возрастать вклад этих региональных организаций в общие усилия в борьбе с новыми вызовами и угрозами.

Поэтому в целом я склонен считать международное сотрудничество в борьбе с терроризмом успешным. За последние годы достигнут определенный прогресс в плане силовых и правоохранительных мер по борьбе с терроризмом. Продолжая уделять этой работе неослабевающее внимание, необходимо одновременно действовать на опережение, ставить перед собой в качестве приоритетных задачи профилактики терроризма, в том числе пресечения распространения террористической идеологии и пропаганды.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль играет Россия в разработке и продвижении мер по борьбе с терроризмом?

РОГАЧЕВ: Россия все активнее берет на себя лидирующую роль на многих новых направлениях международного антитеррористического сотрудничества. Именно по российской инициативе и с ее ведущим участием была выработана вступившая в силу в 2007 г. Конвенция Совета Европы (2005) о предупреждении терроризма. Наша страна первой ратифицировала эту Конвенцию, положения которой стали составной частью российского антитеррористического законодательства.

В целом, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма представляет собой первый международно-правовой инструмент, концентрирующийся на превентивных аспектах антитеррора. Основная несущая конструкция Конвенции 2005 г. — блок статей об уголовной ответственности за новые составы преступлений, такие как публичное подстрекательство к терроризму, вербовка и подготовка террористов. Государства-участники обязуются ввести в своем законодательстве уголовную ответственность за такие преступления, а также обеспечивать в полной мере международное сотрудничество по связанным с ними уголовным делам. Важным достижением стало четкое закрепление в Конвенции Совета Европы уже упоминавшегося принципа «либо суди, либо выдай».

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие есть сложности в проведении международной контртеррористической политики?

РОГАЧЕВ: Успех на пути борьбы с нетрадиционными угрозами, к которым относится терроризм, не может быть обеспечен усилиями только государств, необходим широкий диалог с различными структурами гражданского общества, которые могут сыграть огромную роль в сфере образования идеалов терпимости и взаимопонимания между конфессиональными и этническими группами, соблюдения прав человека, неприятия идеологии насилия.

Сегодня ясно, что глобальная террористическая угроза требует глобального ответа, а противостоять современным террористическим угрозам, используя потенциал только государственных структур, невозможно. Необходимо объединять усилия всех ветвей и уровней государственной власти, общественных и бизнес-структур, средств массовой информации. В то же время противодействие терроризму должно вестись на основе комплексного подхода, включающего превентивные меры и мероприятия по минимизации последствий террористических атак.

Ситуация в Афганистане, Пакистане, Иране, других регионах мира подтверждает, что международное сообщество, вынужденное вести войну с терроризмом, зачастую проигрывает террористическим идеологам в борьбе за умы и сердца людей, позволяя террористам осуществлять в угрожающих масштабах вербовку новых сторонников по всему миру. В этом и заключается основная сложность. К настоящему моменту в мировом сообществе созрело понимание важности шагов по эффективному противодействию и пресечению подстрекательства терроризму, недопущению апологетики терроризма, радикализации на этой основе общественных настроений, особенно молодежи.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какое место должны занимать и реально занимают негосударственные акторы в антитеррористическом партнерстве?

РОГАЧЕВ: Думаю, не должно быть сомнений в том, что в противодействии терроризму должны участвовать и государственные структуры, и гражданское общество —

общественные организации, религиозные и образовательные учреждения, наука и культура, СМИ, деловые круги.

Сотрудничество бизнеса и государства в отражении террористической угрозы совершенно очевидно. Стремясь укрепить международную антитеррористическую коалицию, добавить ей целый пласт участников, новое направление сотрудничества, Россия в качестве председателя G-8 в 2006 г. выдвинула международную инициативу создания и укрепления антитеррористического партнерства государств и бизнеса.

Важную роль в этом призвана сыграть принятая на московском Глобальном форуме в ноябре 2006 г. Международная Стратегия антитеррористического партнерства государств и бизнеса, задающая политические и организационные рамки для активного, добровольного, эффективного государственно-частного антитеррористического диалога и сотрудничества, причем именно на глобальном, не только *восьмерочном* пространстве. По сути, Форум и Стратегия запустили самостоятельный международный процесс сотрудничества. Важнейший его элемент — ряд конкретных проектов антитеррористического партнерства — реализуется при ведущей роли российских госструктур и компаний.

Тема государственно-частного партнерства в противодействии терроризму прочно закрепилась в повестке дня многих международных организаций, включая ООН, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС, Совет Европы и др. В качестве одного из наиболее ярких примеров хотел бы упомянуть прошедшую 14–15 октября 2010 г. в Астане конференцию ОБСЕ по теме «Успешные стратегии, эффективная политика и наилучшая практика предупреждения терроризма», ставшую ключевым антитеррористическим мероприятием года в формате этой организации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем, на Ваш взгляд, заключается роль гражданского общества, когда дело касается борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности?

РОГАЧЕВ: Активное подключение к антитеррористическому партнерству гражданского общества играет, на мой взгляд, очень важную роль. Здесь хотелось бы выделить деятельность известной НПО Международной академии телевидения и радио (МАТР). 2–4 ноября 2010 г. в Лимассоле (Кипр) состоялась очередная, уже 6-я, международная конференция «Терроризм и электронные СМИ», организованная МАТР, в ходе которой особое внимание было уделено рассмотрению вопросов укрепления антитеррористического взаимодействия государственных органов и СМИ. Следующая, 7-я, конференция пройдет в конце 2011 г. также на Кипре.

Активно подключается к антитеррористическому государственно-частному партнерству и научно-образовательное сообщество. В развитии итогов международной научно-образовательной конференции «Антитеррористическое партнерство государств, бизнеса и гражданского общества: практика, наука, образование», организованной МИД России совместно с Российским университетом дружбы народов (РУДН) (Москва, 18–19 марта 2010 г.), идет процесс создания на базе этого университета Международного научно-образовательного центра проблем противодействия терроризму и издания информационно-аналитического и научно-практического журнала «Антитеррористический вестник». Заметным событием стала и проведенная РУДН 27–28 октября 2010 г. международная научно-практическая конференция «Правоохранительные органы в России и за рубежом на современном этапе. Взаимодействие с общественными институтами в борьбе с терроризмом», в работе которой приняли участие представители Целевой группы секретариата ООН по имплементации Глобальной контртеррористической стратегии и Межрегионального института ООН по проблемам преступности и правосудия (ЮНИКРИ).

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как можно охарактеризовать задачи, которые решает Россия в борьбе с незаконным оборотом наркотиков?

РОГАЧЕВ: Область борьбы с наркоторговлей для нас приоритетная. Россия расположена на так называемом *северном маршруте* наркотрафика из Центральной

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

Азии и Европу, по которому проходит до 40% производимого в Афганистане героина. В борьбе с трафиком афганского героина мы сотрудничаем с французскими партнерами. Франция дала начало так называемому Парижско-московскому процессу, и в 2003 г. в Париже состоялась первая конференция министерского уровня, на которой обсуждались возможности прекращения трафика наркотиков по *северному маршруту* из Афганистана. В 2006 г. состоялась конференция на эту же тему в Москве. Сейчас мы совместно готовим третью конференцию, которая пройдет в Вене в 2011 г. Задача, как я уже отметил, состоит в том, чтобы по возможности прекратить наркотрафик либо создать максимальное воспрепятствование наркотрафикантам на пути из Афганистана.

Есть и вторая, самостоятельная задача — прекратить поставку прекурсоров в Афганистан. Прекурсоры — это химические вещества, которые необходимы для очистки опиума и переработки его в героин, и они требуются в огромных количествах. На решение этих двух задач направлен Парижско-московский процесс. Мы также приветствуем поддержку других государств.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Проблема коррупции для России стоит крайне остро. Понятно, что в большинстве конкретных случаев эта проблема носит трансграничный характер (коррупционеры не обязательно будут держать свои средства в России). Вы довольны сотрудничеством России с другими государствами в борьбе с коррупцией? Что Россия может улучшить в сфере борьбы с отмыванием денег и что Вы хотели бы видеть более активно на повестке дня Группы по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)?

РОГАЧЕВ: Финансовые преступления и коррупция — это разные вещи. Коррупция гораздо шире, чем просто передача взятки, пачки денег; проблема коррупции связана и с ценностями нематериального характера.

Наша страна стоит на верном пути в части имплементации Конвенции ООН против коррупции. В соответствии с нашими обязательствами по этой конвенции созданы специализированные органы, которые занимаются противодействием именно этому виду преступлений, в частности Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией. По решениям Совета уже была создана целая система антикоррупционных органов, это стало первым необходимым бюрократическим шагом на пути борьбы с коррупцией. Хотя суть, конечно, заключается в дальнейшей эффективной работе этих органов.

Важнейшим элементом международного сотрудничества в борьбе с коррупцией является, помимо известных элементов, возвращение активов, полученных в результате актов коррупции и вывезенных за рубеж. Как известно, такие активы во многих случаях вернуть чрезвычайно сложно. Страна, в которую такие активы ввезены, зачастую заинтересована в их поступлении, в том, чтобы они отмывались и работали на местную экономику. Это одно из направлений, по которому ведется работа в рамках ООН, в рамках Конвенции по противодействию коррупции, то есть на международном уровне.

Говоря о финансовых преступлениях в целом, отмечу, что несколько лет назад было создано специализированное ведомство — Росфинмониторинг, орган финансовой разведки. Через это ведомство РФ участвует в работе на международном уровне на всех направлениях противодействия преступлениям в сфере финансов.

С ФАТФ мы сотрудничаем вполне успешно и поддерживаем эту организацию. В частности, была создана Евроазиатская группа (ЕАГ) — региональная группа по модели ФАТФ, которая включает Россию, центральноазиатские государства, а также Китай. Ее задачи — имплементация стандартов ФАТФ в области противодействия финансовым преступлениям и создание национальных финансовых разведок. В реализации этих целей РФ оказывает существенную помощь членам ЕАГ, в частности в подготовке персонала на базе Росфинмониторинга.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли у России идеи по поводу того, как бороться с киберпреступностью?

РОГАЧЕВ: Киберпреступность — это преступления, совершаемые в киберпространстве с целью получения выгоды. Эта область относится к уголовно-правовому полю. Мы считаем, что в области киберпреступности необходимо внедрять международно-правовое регулирование. На данный момент в этой узкой сфере международно-правовое регулирование фактически отсутствует. Европейскую конвенцию о борьбе с киберпреступностью Россия не считает достаточной для решения проблем. Такие вопросы, как юрисдикция в киберпространстве, проведение расследований в киберпространстве, отсутствуют в Конвенции и фактически не регулируются ни на международном, ни на национальном уровне.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем Вы видите основную проблему для международного сотрудничества в борьбе с новыми вызовами безопасности?

РОГАЧЕВ: На национальном уровне государства отдают приоритет разным проблемам — будь то наркоторговля, торговля людьми, киберпреступность и др. Преступные организации действуют все более решительно, им не мешают границы, они пренебрегают пределами национальной юрисдикции, которыми ограничены национальные правоохранительные органы, поэтому они далеко впереди по уровню сотрудничества, нежели организации, им противодействующие. В этом я вижу основную проблему на настоящем этапе. 🐘

Примечания

¹ Текст интервью подготовлен на основе выступления И.И. Рогачева на заседании Международного клуба *Триалог* 1 декабря 2010 г.

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер
----	-------	-------

на газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:
----------------	---------------------------	--------------	--------------	---------------------------

на 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Владимир Ельченко:

«РОССИЯ–УКРАИНА: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЮ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА НЕТ»

Столкновение интересов в треугольнике Россия–Украина–Европейский союз (ЕС), Таможенный союз, система ПРО в Европе... Как эти острые вопросы видятся с украинской стороны? Каковы перспективы сотрудничества России и Украины по ключевым аспектам европейской безопасности, особенно с учетом председательства Украины в ОБСЕ в 2012 г.? Каковы перспективы торгово-экономических отношений двух стран?

Редакция журнала Индекс Безопасности побеседовала с Чрезвычайным и Полномочным Послом Украины в Российской Федерации В.Ю. Ельченко.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Часто говорят о треугольнике Россия–Украина–ЕС. Это касается как торговли энергоресурсами, так и общеполитических вопросов. Противоречит ли стратегия Украины по отношению к России европейскому курсу Вашей страны? Существует ли столкновение интересов ЕС и России на украинском направлении?

ЕЛЬЧЕНКО: При всей важности энергетики в современном мире названный треугольник, конечно же, не сводится только к торговле энергоресурсами. Для Украины и Россия, и ЕС являются не просто ближайшими соседями, но и прежде всего, неотъемлемыми частями единой цивилизации, членами одной общеевропейской семьи. Украина также является членом этой семьи и именно исходя из такого понимания строит и последовательно проводит свою евроинтеграционную политику.

Важно подчеркнуть — европейская интеграция для Украины является не столько внешнеполитическим курсом, сколько национальной стратегией развития государства и общества. Членство Украины в ЕС относится к числу долгосрочных составляющих этой стратегии, но отнюдь не самоцелью. Ее главные цели — построение современного, высокоразвитого, демократического, уверенного в своих силах государства, укрепление его позиций как одного из значимых факторов общеевропейских процессов. Мы действительно считаем, что этой цели будут способствовать такие шаги, как создание зоны свободной торговли с ЕС и постепенная отмена визового режима между Украиной и ЕС.

Но такую же важную роль в достижении этих целей играет и всестороннее укрепление отношений стратегического партнерства между Киевом и Москвой. В подтверждение того, что приверженность Украины европейской интеграции с одновременным курсом на всестороннее углубление сотрудничества с Россией является эффективной политикой, приведу только один, но убедительный пример. В прошедшем 2010 г., несмотря на продолжавшийся мировой экономический кризис, объем двусторонней торговли между Украиной и Россией составил более 160 % по сравнению с предыду-

щим годом. А сам товарооборот достиг рекордных для наших стран показателей — почти 42 млрд долл. США. В текущем году наши торгово-экономические отношения развиваются еще более динамичными темпами — Украина прочно заняла место третьего по значимости (после Китая и Германии) торгово-экономического партнера России.

Как известно, Украина также является одним из наиболее последовательных приверженцев скорейшего заключения нового современного договора о зоне свободной торговли в рамках СНГ, она заинтересована в согласовании оптимального механизма своих взаимоотношений с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана. В более широком контексте, Украине не могут не импонировать идеи создания в будущем единого экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока». Практическая политика Украины, направленная на укрепление политических, экономических, гуманитарных связей как с Россией, так и с ЕС, способствует формированию для этого благоприятных предпосылок.

Поэтому в Киеве не только не усматривают никакого противоречия между нашими отношениями с Россией и ЕС, но и глубоко убеждены, что чем дальше Украина продвинется в своем диалоге с ЕС, тем более ценным партнером она будет становиться для России, тем более весомым и значимым будет вклад нашей страны в общеевропейские процессы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Россия приветствовала бы участие Украины в Таможенном союзе и в Едином экономическом пространстве России, Белоруссии и Казахстана. На Ваш взгляд, имеют ли эти обсуждения под собой достаточные основания в свете параллельных дискуссий о приоритетности вхождения Вашей страны в зону свободной торговли ЕС?

ЕЛЬЧЕНКО: По своей сути этот вопрос созвучен предыдущему и во многом на него уже дан ответ. В то же время обсуждение затронутых в нем тем в последнее время отмечается неоправданной политизацией, поэтому будут уместными некоторые разъяснения.

Как и для России, для Украины ЕС является исключительно важным торгово-экономическим партнером. Справедливости ради стоит отметить, что в процентном соотношении ЕС занимает даже существенно большую долю во внешней торговле России, чем Украины. Например, по результатам прошлого года на ЕС приходилось 29% всей внешней торговли Украины, в то время как доля ЕС в торговом обороте России составила 49%.

Учитывая такое значение ЕС для экономических интересов Украины, а также его ведущие позиции на мировых рынках, наше государство заинтересовано в согласовании наиболее оптимальных условий своей торговли с этим объединением. Официально Украина и ЕС начали переговоры о создании зоны свободной торговли в феврале 2008 г., но на самом деле такая цель была определена еще в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и ЕС, подписанном в 1994 г. Сейчас Киев и Брюссель вышли на заключительный этап переговоров и принципиально готовы их завершить к концу текущего года. Существенно и то, что наши переговоры с ЕС ведутся с учетом вступления Украины в 2008 г. во Всемирную торговую организацию, что изначально являлось обязательным условием для их начала.

С другой стороны, в 2010 г. начал функционировать Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана — объединение, включающее не менее важных торгово-экономических партнеров Украины. Однако, в соответствии с заключениями экспертов, присоединение Украины к Таможенному союзу будет иметь следствием фактический пересмотр условий нашего членства в ВТО, а также приостановку переговоров о создании зоны свободной торговли с ЕС.

Именно поэтому президент Украины В.Ф. Янукович выступил с предложением выработать оптимальный механизм сотрудничества Украины с Таможенным союзом по

формуле «3 + 1». Предложенная формула отражает естественное стремление Украины максимально эффективно решить все вопросы, возникающие в связи с созданием нашими ближайшими соседями и партнерами Таможенного союза. Уверен, что общими усилиями такой взаимовыгодный механизм будет найден.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ранее сообщалось, что в 2011 г. планируется провести ряд экономических реформ на Украине. Какие сейчас имеются планы и текущие проекты, в частности в сфере налогообложения? Как это отразится на торгово-экономических отношениях с Россией?

ЕЛЬЧЕНКО: Действительно, Кабинет министров Украины принял Национальный план действий на 2011 г. по реализации Программы экономических реформ на 2010–2014 гг. Основная цель этого плана состоит в практической реализации запланированных среднесрочных реформ. Так, например, в этом году планируется завершить все необходимые процедуры для осуществления налоговой и бюджетной реформ.

Значительная работа будет проведена в сфере налогообложения. В частности, в ближайшие два года произойдет усовершенствование системы администрирования налогов и сборов, а также поэтапное упразднение наименее эффективных из них. Кроме того, намечено внедрение налога на имущество и единого социального взноса, а также сокращение сферы применения упрощенной системы налогообложения для малого предпринимательства.

Что касается стабилизации госбюджета Украины, то в текущем году также планируется разработать и принять закон о государственной помощи реальному сектору экономики.

Одной из целей осуществления экономических реформ в стране является упрощение условий ведения бизнеса для предпринимателей вне зависимости от их национальной принадлежности. Мы рассчитываем на создание благоприятного инвестиционного климата, который будет содействовать развитию торгово-экономических отношений со всеми нашими внешнеэкономическими партнерами.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В последнее время в области торговли оружием Китай занимает все более сильные позиции. Сможет ли Китай занять место России в военно-техническом сотрудничестве Украины?

ЕЛЬЧЕНКО: Устойчивый рост экономики КНР создает благоприятные условия для развития оборонного сектора промышленности, что естественным образом влечет за собой укрепление позиций этой страны на мировом рынке вооружений. Стратегия Пекина ориентирована как на самостоятельное серийное производство вооружения, так и на развитие тесного международного сотрудничества, в том числе с Украиной и Российской Федерацией, что не в последнюю очередь объясняется наличием у наших стран современных оборонных технологий.

Военно-техническое сотрудничество между Украиной и Россией базируется на кооперационных связях в оборонной промышленности, сложившихся еще со времен СССР, и сегодня, в контексте благоприятных межгосударственных отношений, имеет тенденцию к развитию, причем на взаимовыгодной основе. Это, в свою очередь, предполагает дальнейшее углубление научно-технической и производственной кооперации, а также расширение сферы взаимных услуг в оборонном секторе промышленности.

Украина открыта к развитию взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере и с Россией, и с Китаем, в том числе и в трехстороннем формате. Надеюсь, что уже в ближайшем будущем смогут быть реализованы некоторые конкретные проекты.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько приоритетной украинская сторона видит сотрудничество в сфере атомной энергетики? Каковы перспективы создания совместного ядерного топливного цикла? Какие корпорации, кроме *Росатома*, претендуют на активное присутствие в секторе атомной энергетики Украины? Повлияет ли ситуация на АЭС *Фукусима* в Японии на планы в атомной энергетике Украины?

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

ЕЛЬЧЕНКО: Сотрудничество Украины и России в области атомной энергетики имеет глубокие корни и у нас есть все основания охарактеризовать его как стратегическое. Так, сейчас совместно с РФ реализуются программы по обеспечению безопасной эксплуатации и продлению ресурсов 15 украинских ядерных энергоблоков (на четырех АЭС). Необходимо подчеркнуть, что на Украине около 50% всей электроэнергии вырабатывается на АЭС. Российская сторона подтвердила готовность создать совместное предприятие для строительства завода по производству ядерного топлива после утверждения технико-экономического обоснования и выбора места для его строительства на Украине.

Кроме *Росатома* Украина работает и с другими ведущими компаниями, например, с американской компанией *Westinghouse*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Изменились ли отношения Украины с Грузией после прихода к власти президента В.Ф. Януковича, если да, то каким образом? Есть ли у Вас видение, хотя бы в отдаленной перспективе, того, каким образом можно вывести ситуацию на Южном Кавказе из тупика? Может ли Украина сыграть здесь особую роль?

ЕЛЬЧЕНКО: Украина выступает за урегулирование этой ситуации исключительно мирным путем, на основе принципов и норм международного права. В целом, конфликт в Грузии подтвердил неэффективность действующих миротворческих механизмов на ее территории. Вместе с тем Украина рассматривает международное присутствие в зоне конфликта как важную предпосылку для поиска взаимоприемлемых решений с целью окончательного урегулирования конфликта. В связи с этим украинская сторона поддерживает восстановление работы миссий ООН и ОБСЕ в Абхазии и Южной Осетии. Мы также поддерживаем деятельность мониторинговой миссии ЕС в Грузии. На наш взгляд, на данном этапе ключевым является сохранение диалога между сторонами конфликта. Мы внимательно наблюдаем за развитием Женевских консультаций и надеемся на их дальнейшее продолжение в существующем формате.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как развиваются отношения Украины и Североатлантического альянса? Как повлияло снятие с повестки дня вопроса о вступлении Украины в НАТО на общую динамику сотрудничества с альянсом?

ЕЛЬЧЕНКО: В Законе Украины «Об основах внутренней и внешней политики» от 1 июля 2010 г. зафиксированы намерения Украины как европейского внеблокового государства продолжать конструктивное партнерство с Организацией Североатлантического договора. Развитие такого партнерства остается одним из направлений политики безопасности Украины. Мы продолжаем развивать взаимодействие с НАТО в вопросах преодоления традиционных и новых вызовов и угроз, используем его для целей достижения нашим государством ведущих стандартов развития и обороноспособности. Со своей стороны НАТО также демонстрирует свою заинтересованность в продолжении и развитии партнерства с Украиной, что, в частности, было подтверждено в новой Стратегической концепции альянса, принятой на Лиссабонском саммите этой организации 19–20 ноября 2010 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: 24–25 февраля 2011 г. Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен посетил заседание Совета глав МИД стран ГУАМ в Киеве, на котором обсуждался вопрос размещения в Украине объектов ПРО. Существующая концепция размещения объектов ПРО противоречит интересам безопасности России. С Вашей точки зрения, существует ли столкновение интересов в этой сфере? Какова оценка российского предложения по секторальной ПРО в Киеве?

ЕЛЬЧЕНКО: Украина положительно относится к процессу *перезагрузки* в отношениях между Россией и НАТО. Мы также позитивно оцениваем начатый диалог по вопросу создания совместной системы ПРО. Что касается возможного участия Украины, мы бы хотели в первую очередь понять логику переговоров между Россией и Североатлантическим альянсом в отношении того, на каких принципах, когда, где и для каких целей эта система будет создаваться. Со своей стороны, в случае достижения пони-

мания между Россией и НАТО, мы будем готовы активно участвовать в этой дискуссии и вынести на рассмотрение сторон свои конкретные идеи и предложения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: После вступления в силу нового договора об СНВ на повестке новые вопросы ограничения вооружений, в частности судьба Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Какова позиция Украины по этому договору и ограничению обычных вооружений в Европе? В каком направлении должны идти переговоры?

ЕЛЬЧЕНКО: ДОВСЕ стал, по общему признанию государств-участников, краеугольным камнем европейской безопасности. Однако с изменением военно-политической ситуации в Европе, распадом ОВД и трансформацией НАТО Договор начал терять эффективность как общеевропейский механизм укрепления доверия и безопасности в военной области.

Важным вопросом сегодняшней международной повестки дня является решение проблемы стагнации режима контроля над обычными вооружениями в Европе исходя из понимания необходимости укрепления и модернизации ДОВСЕ с учетом существующих военно-политических реалий.

Украина принимает активное участие в консультациях по согласованию Рамочного документа об основных принципах и элементах новой договоренности по контролю над обычными вооружениями в Европе, после согласования которого можно будет приступить к непосредственной выработке текста будущего соглашения.

На наш взгляд, концептуально новый документ должен отличаться от действующего Договора отсутствием положений о балансе сил между военно-политическими блоками. Система баланса сил должна быть заменена системой национальных и территориальных уровней вооружений. В новом соглашении необходимо предусмотреть создание адекватных механизмов обмена информацией и верификации. В качестве основы для таких механизмов можно было бы использовать уже существующие и хорошо себя зарекомендовавшие процедуры ныне действующего ДОВСЕ.

Очень важно предоставить возможность всем желающим европейским государствам, независимо от того, принадлежат ли они к военно-политическим союзам или остаются внеблоковыми государствами, присоединиться к новому договору.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Традиционные вопросы безопасности важны, тем не менее, граждане наших стран оказались не защищенными перед новыми угрозами, особенно перед теми, что касаются безопасности личности. Один из наиболее болезненных вопросов — торговля людьми. Есть ли у Украины политика по борьбе с этим злом? Стоит ли этот вопрос в повестке отношений Украины с Россией, европейскими и другими странами? Какие меры принимаются?

ЕЛЬЧЕНКО: Противодействие торговле людьми является одним из приоритетных направлений государственной политики Украины.

На сегодняшний день украинское законодательство в этой сфере без преувеличения отвечает самым современным международным стандартам. В частности, подписание и ратификация Украиной «Протокола о предупреждении и прекращении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» — документа, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенцию Совета Европы о противодействии торговле людьми — создало почву для реализации государственной политики и применения системных мероприятий на качественно новом уровне. С 1998 г. на Украине установлена уголовная ответственность за торговлю людьми.

Важная роль на данном направлении работы принадлежит неправительственным организациям, которые способствуют защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от международного трафика, обеспечивая им реабилитационную, финансовую, психологическую и медицинскую поддержку. Также Департамент борьбы с киберпреступностью и торговлей людьми МВД Украины тесно сотрудничает с Международной

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

организацией миграции, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также с Американской ассоциацией юристов.

Кроме того, ввиду транснационального характера торговли людьми МВД Украины принимают комплексные меры, направленные на налаживание действенного сотрудничества с международными правоохранительными организациями и полицейскими ведомствами других стран.

На сегодняшний день налажено очень плотное сотрудничество в этой сфере между Украиной и Россией. При этом на регулярной основе поддерживается соответствующий диалог, как в рамках структурных органов Украинско-российской межгосударственной комиссии, так и на уровне профильных учреждений Украины и России. В качестве примера можно привести недавнее совместное заседание Коллегий Министерств внутренних дел Украины и России, результаты которого позволят еще в большей степени повысить эффективность украинско-российского сотрудничества в сфере борьбы с торговлей людьми.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В заключение давайте отвлечемся от текущих вопросов. Каким Вы видите отношения России и Украины в 2025 г.?

ЕЛЬЧЕНКО: История двадцатилетних украинско-российских межгосударственных отношений свидетельствует — альтернативы развитию и углублению стратегического партнерства, базирующегося на равноправии, взаимоуважении и прагматичном подходе, не существует. Все иные модели диалога, как мы уже не единожды могли убедиться, заранее ущербны и противоречат национальным интересам как нашей страны, так и, уверен, интересам Российской Федерации.

Поэтому я глубоко убежден в том, что и в 2025 г., и в последующие годы наши государства будут продолжать развивать двусторонние отношения в духе стратегического партнерства, расширяя периметр взаимодействия и умножая количество совместных взаимовыгодных проектов. В связи с этим особенно приятно, что именно мы стали свидетелями закладывания необходимых для такого конструктивного и плодотворного сотрудничества основ. 🐘

Жерар Штудман:

«РЕФОРМА СОВЕТА ЕВРОПЫ ДАВНО НАЗРЕЛА»

Каковы основные направления деятельности Совета Европы? В чем состоят приоритеты реформирования организационной структуры Совета? Как выстраивается взаимодействие России с Советом Европы?

Жерар Штудман, специальный представитель Генерального секретаря по развитию и реформированию Совета Европы, почетный член Европейского отделения ПИР-Центра в Женеве (*centre russe d'etudes politiques*) отвечает на вопросы корреспондента журнала Индекс Безопасности Ирины Мироновой.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Права человека, демократия и верховенство права — вот три основных приоритета в деятельности Совета Европы. Некоторые международные межправительственные организации критикуют состояние российского общества по этим аспектам — к примеру, один из последних отчетов *Transparency International* был довольно критичным по отношению к России. Как Вы думаете, улучшилось ли положение по какому-либо из этих направлений? Какой вклад делает Совет Европы, чтобы в России наметилось улучшение?

ШТУДМАН: Начну с того, что цель Совета Европы — внести вклад в строительство общего юридического и культурного панъевропейского пространства, которое разделяет общие ценности. И, конечно, Совет Европы известен своей деятельностью в контексте прав человека, в контексте судебной системы. Россияне хорошо это знают.

Помимо таких *традиционных* направлений, Совет работает в России и по другим направлениям, что позволяет надеяться на общую позитивную динамику в российском обществе. Во-первых, Совет работает с гражданским обществом — к примеру, поддерживает гражданское общество в отдаленных регионах России. Во-вторых, он помогает воплощать процесс модернизации с привлечением экспертных комитетов, таких как группа экспертов по борьбе с терроризмом, или группа экспертов по семейному законодательству, по вопросам детства. Существуют и специальные проекты, такие как помощь Министерству Юстиции в его реформе законодательной ветви власти.

Мы будем активно действовать в вопросе поддельных медицинских препаратов (вопрос здравоохранения — это тема, важная для 800 млн граждан Европы). Была принята новая конвенция о медицинских преступлениях, и мы надеемся, что Россия к ней присоединится. Проблема подделки медицинских препаратов — это *большой*

вопрос в странах бывшего Советского Союза; я говорю о тех людях, около 1 млн человек в год, которые в последнее десятилетие пострадали или даже умерли от приема поддельных лекарств.

Вопрос прав человека следует рассматривать не с очень узкой точки зрения «прав», а с точки зрения социальных прав, права на здравоохранение и права на жизнь в предсказуемой и защищенной среде. Очень важно, чтобы к этому относились всеобъемлюще, не сводя эти темы к узким вопросам.

Отмечу, что Совет Европы не сводит свою деятельность только к рассмотрению дел Судом по правам человека. Спектр его деятельности гораздо шире.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули, что существуют различные сферы сотрудничества между Советом Европы и Россией. Вносит ли Россия какой-то вклад в работу Совета Европы?

ШТУДМАН: Россия довольно активна в некоторых сферах, в основном социальной и культурной. Нет такой сферы, которая бы не интересовала Россию или в которой она не участвовала бы, кроме, пожалуй, Европейского банка реконструкции и развития, членом которого Россия не является. Считаю очень важным обратить внимание на то, что на сегодняшний день Совет Европы — это единственная европейская организация во всей европейской архитектуре, которая объединяет все страны Европы на основе юридически оформленных обязательств. Вот почему миссия Совета Европы — предоставить платформу для сотрудничества для всех стран Европы, независимо от того, являются ли они членами Евросоюза или нет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Мы уже вскользь упомянули, что, конечно, существуют сферы, в которых Совет Европы проявляет большую активность — меры по противодействию терроризму, организованной преступности, коррупции и киберпреступности. По Вашему мнению, может ли это создать взаимно интересную повестку дня для диалога России с Советом Европы? Какие события здесь стоило бы отметить?

ШТУДМАН: За последние 10 лет вызовы перед Европой эволюционировали, и комитет министров должен был отразить это в своей работе. Главный вопрос в том, что нас всех одинаково волнует то, что происходит в наших европейских обществах. Все страны сталкиваются с растущим риском радикализации и разделения на части. *Де-факто* в Европе сложилось мультикультурное и мультирелигиозное общество, которое развилось в наших странах довольно быстро не как результат воплощения какого-то плана или государственной политики, но как результат миграционного движения. Большинству европейских правительств приходится решать эти социальные вызовы в той или иной форме. Во всей Европе население реагирует на эти изменения в социальном ландшафте.

Сегодня правительства столкнулись с проблемами, которые выходят далеко за рамки их государств, независимо от того, насколько велика страна. Это проблемы, связанные с организованной преступностью, начиная с нелегального перемещения людей и заканчивая киберпреступностью, не говоря уже о коррупции. Они требуют четкой политики и реакции. Это некоторые из самых больших вызовов, с которыми мы столкнулись повсюду в Европе — от Португалии до России. Роль Совета Европы заключается в том, чтобы внести свой вклад в разрешение этих проблем на основе общих правил и ценностей. Это то, что мы называем *установкой стандарта*. Россия играет важную роль в обсуждении этих проблем в Страсбурге.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете инициативу российского президента по Договору о европейской безопасности (ДЕБ)?

ШТУДМАН: Проект ДЕБ соответствует идее общего Европейского пространства демократии, поскольку он направлен на создание общей зоны безопасности, где такие вызовы, как нелегальное перемещение лиц и коррупция, будут решаться на многосторонней основе, это в конечном итоге приведет к улучшению состояния прав человека. В современном мире безопасность и стабильность не определяются только военными мерами, поэтому всеобъемлющий подход, который давал бы ответ на все вопросы, влияющие на стабильность наших обществ, должен быть воспринят положительно. Совет Европы вносит свой вклад в стабильность путем выработки норм и стандартов для всего континента, путем построения общего юридического пространства с юридически обязывающими инструментами. Как мы все знаем, риски сегодня исходят не столько от внешней военной агрессии, хотя тут могут быть исключения, сколько от намного более сложных проблем, которые часто зарождаются внутри наших границ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сейчас часто упоминают различия между Россией и Европой. По вашему мнению, существует ли различие в восприятии ценностей и вызовов? Насколько оправданны эти заявления о существовании различных ценностей? Возникают ли из-за этого трудности у Совета Европы в его работе в России?

ШТУДМАН: Прежде всего следует помнить, что Совет Европы должен быть тем местом, где все члены разделяют общие ценности. Я бы не стал говорить об отличии в восприятии ценностей, но в случае с Россией, я уверен, нужно прежде всего помнить, чему нас учит история: демократии Западной Европы развивались в течение 200 лет, а не за одну ночь. Кроме того, ничего не достается и не остается раз и навсегда. Всегда есть риск отката назад. Так что ситуация, существующая во многих европейских странах, — это результат двухсотлетней эволюции. Демократическая эволюция в России намного моложе, ей всего лишь 20 лет. Это во-первых. История говорит нам, что есть разные формы демократических систем, которые сосуществуют. Если вы посмотрите на функционирование швейцарской и французской демократии, вы увидите, что эти две соседние страны очень отличаются. Они функционируют по-разному. Но станете ли вы утверждать, что французы и швейцарцы не разделяют одни и те же демократические ценности? Нет, они функционируют по-разному, но на базе одних и тех же принципов. В большинстве случаев исторические и культурные различия, как и местные политические тенденции, приводили к той или иной форме демократии. Так что нельзя мерить всех одним аршином. Но есть какие-то базовые принципы и ценности, которые являются универсальными и должны уважаться везде, как, например, принцип *сдержек и противовесов*.

Действительно, одни и те же слова могут восприниматься по-разному. Организация политической системы разными способами — это одно. А если страны не разделяют общих принципов — это другое. Вот почему я уверен, что мы должны настаивать на соблюдении общих принципов, уважая при этом традиции и политическую культуру друг друга. Россия находится в Европе с ее европейскими ценностями, несмотря на различия в некоторых чувствительных моментах и восприятии.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы — специальный представитель генерального секретаря по вопросам развития и реформирования организации. Каковы основные направления реформирования Совета Европы? Существуют ли структурные проблемы, которые вы бы хотели поднять?

ШТУДМАН: Реформа Совета Европы давно назрела. Сегодня это главная цель генерального секретаря. Должна быть проведена *политическая реформа*, а не

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

только административная. Конечно, административное устройство должно модернизироваться, оно должно стать более эффективным и целесообразным в использовании средств. Но это не главный вопрос. Основная цель — все-таки сделать организацию политически более нужной. Совет Европы должен вносить свой вклад в разрешение общих проблем, помогать странам, которые в него входят, реагировать на новые вызовы. В этом контексте необходимо сделать эту организацию панъевропейским пространством, где бы члены Евросоюза и те, кто ими не являются, могли бы ежедневно сотрудничать по вопросам, представляющим взаимный интерес для европейцев.

Что нужно странам-членам сегодня? Им нужна международная организация, которая бы помогала им экономить время и деньги при разрешении проблем, с которыми они сталкиваются. Это и есть цель реформы.

ШАГИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРИДАНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПАРТНЕРСТВУ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США

**Заседание Совета по устойчивому партнерству с Россией,
2–3 февраля 2011 г., Гштаад**

В день подписания нового договора СНВ, 8 апреля 2010 г., был создан Совет по устойчивому партнерству с Россией (СУПР). Создателями Совета выступили ПИР-Центр и Фонд Плаушерс¹. Основная цель Совета — способствовать усилиям по налаживанию стабильного и долгосрочного партнерства между Российской Федерацией и США по ключевым вопросам международной безопасности.

Основными приоритетами для СУПР являются ядерное нераспространение и ядерное разоружение, хотя повестка дня Совета не ограничивается данными вопросами.

Все члены СУПР являются ведущими экспертами в области российско-американских отношений, ядерного нераспространения и разоружения. В состав группы входят российские и американские официальные лица, однако большинство ее членов работает в негосударственном секторе; при этом все члены группы представляют в ней исключительно свою личную позицию. СУПР также пригласил принять участие в своих заседаниях по одному представителю СМИ от каждой стороны в целях обеспечения прозрачности нашей работы для общественности наших стран. Полный список членов СУПР размещен на с. 193 текущего номера.

2–3 февраля 2011 г. Совет провел очередное заседание в швейцарском Гштааде², чтобы обсудить следующие шаги, которые следует предпринять России и США в области ядерного разоружения.

Обсуждались также возможности для повышения эффективности сотрудничества между Россией и США по наиболее неотложной проблеме регионального нераспространения на Ближнем Востоке.

Ниже предлагаем вниманию читателей изложение содержания заседания, проведенного по правилам Chatham House. Документ подготовлен координатором программы «Нераспространение и Россия» ПИР-Центра И. Трушкиным, который несет за него всю ответственность. Документ отражает краткое содержание дискуссии в ходе заседания; он не ставит своей целью формализовать какой-либо консенсус и не согласован участниками заседания.

1. ДВУСТОРОННИЙ И МНОГОСТОРОННИЙ КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И РАЗОРУЖЕНИЕ

- 1.1. Ратификация нового договора СНВ — шаг в верном направлении, однако это лишь первый шаг; ратификация не является самоцелью. С одной стороны, новые ограничения на размеры американского и российского стратегического арсенала не требуют сокращения имеющегося количества российского

ядерного оружия. С американской стороны сокращения будут минимальными. С другой стороны, новый договор СНВ оставляет за двумя странами право самостоятельно решать, каким образом они будут выполнять его требования.

- 1.2. Подписание нового договора СНВ позволило России и США провести *перезагрузку* двусторонних отношений. Однако на сегодняшний день существует 50-процентная вероятность того, что эти отношения потеряют импульс к дальнейшему развитию и вновь вернуться в период охлаждения.
- 1.3. Некоторые члены группы считают, что на повестке дня стоят два основных нерешенных вопроса: противоракетная оборона (ПРО) и обычные вооруженные силы в Европе.
- 1.4. Некоторые члены группы полагают, что следует ускорить проведение сокращений в рамках нового договора СНВ, чтобы внедрить их ранее оговоренной даты в 2017 г. Они также считают, что уже в 2011 г. следует приступить к новым двусторонним переговорам по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений до уровня 1000 или менее боеголовок.
- 1.5. Некоторые члены СУПР заявили, что дальнейшие сокращения наступательных вооружений должны быть увязаны с сокращениями оборонительных вооружений. Они считают, что следует юридически обязательным образом сформулировать и внедрить конкретные шаги в отношении оборонительных стратегических вооружений, в том числе в отношении системы противоракетной обороны. В качестве первого шага данные члены Совета предлагают принять недавнее российское предложение о сотрудничестве в создании секторальной системы ПРО в Европе. Однако России следует конкретизировать свое предложение, чтобы избежать недопонимания с Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО в Европе.
- 1.6. Некоторые члены Совета предложили начать работу над созданием совместной российско-американской интегрированной системы раннего оповещения в Европе с участием НАТО. Под интеграцией понимается, в частности, взаимоприемлемое и протестированное программное обеспечение, которое обеспечит реагирование данной системы раннего оповещения на ракетное нападение. Работа системы должна быть основана на выводах совместной с Россией оценки угроз. В качестве следующего шага России и США следует начать работу по созданию совместной Европейской системы ПРО, в которой, по мнению этих членов Совета, существует явная необходимость. Они полагают, что следует идти дальше простого обмена информацией и совместной оценки угроз, и считают желательным не останавливаться на обеспечении возможностей для «совместной работы» систем. Маловероятно, что Россия сможет принять активное участие в создании самих противоракетных систем, однако активное российское участие в информационном компоненте этих систем крайне важно.
- 1.7. Некоторые члены группы полагают, что для обеспечения успеха дальнейших переговоров США и России следует принять пункт о том, что все ядерное оружие должно быть расположено в пределах национальных границ. США следует достичь согласия со своими союзниками по НАТО об официальной отмене любых требований по размещению американского тактического ядерного оружия в Европе. Вывод американского ядерного оружия из Европы может быть необходимым шагом для начала переговоров о сокращении запасов тактического ядерного оружия.
- 1.8. Некоторые члены группы считают, что США и России следует уделять внимание не только сокращению ядерного оружия, но и вопросам обычных вооруженных сил и неядерных стратегических вооружений. Они полагают, что переговоры о новом ДОВСЕ следует начать уже в ближайшем будущем. Первым шагом в данном направлении могло бы стать прекращение проведения крупных военных учений вблизи государственных границ. Вопросы ДОВСЕ и нестратегических ядерных вооружений следует обсуждать в более широком контексте переформатирования европейской архитектуры безопасности.

- 1.9. В данном контексте некоторые члены группы отметили, что Россия и США, будучи ведущими европейскими игроками, должны работать в данном направлении совместно с другими европейскими государствами. Инициативу по Договору о европейской безопасности следует рассматривать как приглашение к открытому обсуждению с целью воплощения в жизнь идеи о построении эффективно функционирующего общего пространства безопасности, простирающегося «от Ванкувера до Владивостока».
- 1.10. Некоторые члены группы считают, что приоритетной задачей для руководства России и США является снижение уровня боеготовности своих ядерных сил. Поддержание высокого уровня боеготовности ядерных арсеналов является наследием холодной войны. Какой-либо военной или технической необходимости в этом нет, вопрос упирается лишь в наличие политической воли. Снижение уровня боеготовности следует рассматривать не только как техническое решение, но и как стратегический шаг, направленный на сокращение роли ядерного оружия в военных стратегиях России и США.
- 1.11. Ряд членов группы считает, что концепцию ядерного сдерживания, сохранившуюся со времен холодной войны, следует преодолеть, поскольку она бесполезна в борьбе с новыми нетерриториальными угрозами. Кроме того, эта концепция мешает переосмыслению Россией и США своих двусторонних отношений. Однако несмотря на изменившуюся ситуацию, концепция сдерживания все еще основывается на численных показателях (количество боеголовок и увеличивающийся размер бюджетов), а не на минимальном или даже виртуальном сдерживании.
- 1.12. Некоторые члены группы считают, что необходимо провести переоценку национальных ядерных стратегий и роли в них ядерного оружия. Эта переоценка должна включать запрет на разработку новых видов ядерного оружия и сокращение роли ядерного оружия в национальных стратегиях (особенно роли стратегического оружия для США и нестратегического оружия для России), а также снижение риска случайного запуска ядерного оружия. В ходе такой переоценки России и США следует выработать общие определения понятий «нестратегическое», «субстратегическое» и «тактическое ядерное оружие».
- 1.13. СУПР полагает, что России и США следует придерживаться всех, без исключения, рекомендаций, изложенных в форме Плана действий в Окончательном документе Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г., и избегать подхода, при котором выполняются только те действия, которые совпадают с собственной национальной политикой безопасности Москвы и Вашингтона.
- 1.14. Некоторые члены группы считают, что следует увеличить прозрачность с обеих сторон. Они полагают, что данная мера по укреплению доверия должна применяться не только к ядерным боеголовкам, но и к сотрудничеству в области ПРО.
- 1.15. В ходе обсуждения мер по обеспечению прозрачности и укреплению доверия некоторые члены группы высказали мнение о том, что США и России следует начать публиковать односторонние ежегодные отчеты об уничтожении своих ядерных боеголовок. В эти отчеты следует включать данные о количестве уничтоженных боеголовок и извлеченного из них ядерного материала, а также информацию о том, какое количество полученного материала было пущено на нужды гражданских ядерных программ.
- 1.16. Некоторые члены группы считают, что в ходе следующего раунда переговоров сторонам следует обсудить ограничения на развернутые стратегические системы (боеголовки и средства доставки), развернутые и неразвернутые пусковые

С материалами о деятельности СУПР – Совета по устойчивому партнерству с Россией – можно ознакомиться на сайте ПИР-Центра по адресу <http://supr.pircenter.org/>

установки, нестратегическое ядерное оружие и неразвернутые стратегические боеголовки.²

- 1.17. Некоторые члены группы считают, что если США и Россия станут добиваться дальнейшего сокращения своих ядерных арсеналов, включая все виды ядерного оружия, то данный процесс необходимо будет открыть для участия других ядерных держав. По мнению этих членов группы, решение не вовлекать в процесс другие государства, как ядерные, так и неядерные, было бы чрезмерным упрощением проблемы, поскольку такое решение оставляло бы возможность этим государствам заниматься разработкой ядерного оружия либо наращиванием уже существующих ядерных арсеналов.
- 1.18. Некоторые члены группы высказались за подписание пятью ядерными государствами — членами Совета Безопасности деклараций (в форме резолюций ООН) об отказе от наращивания своих ядерных арсеналов и от размещения ядерного оружия за пределами национальной территории. Некоторые участники группы высказали мнение (которое, впрочем, не отражает мнения всей Группы), что переговоры по ограничению и сокращению субстратегических ядерных вооружений должны быть многосторонними, с участием всех официальных и неофициальных ядерных государств.
- 1.19. Следует в ближайшее время поставить на повестку дня вопрос о ратификации ДВЗЯИ двумя оставшимися ядерными государствами, чтобы разблокировать вступление договора в силу. Некоторые члены группы отметили, что США должны решительно сыграть ведущую роль в данном процессе.
- 1.20. Некоторые члены группы отметили необходимость в начале многостороннего переговорного процесса по вопросу о запрете размещения ядерного оружия в космосе. Они полагают, что отправной точкой таких переговоров может послужить российско-китайский проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе либо какой-то другой взаимоприемлемый проект. Было бы полезно провести трехсторонние консультации по данному вопросу между США, Россией и Китаем.
- 1.21. Некоторые участники группы считают, что США и России следует больше внимания уделять совместным усилиям по переформатированию Договора о РСМД в многосторонний договор.

2. СОТРУДНИЧЕСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

- 2.1. Региональному сотрудничеству на Ближнем Востоке мешают политическая нестабильность, недостаток доверия и недостаток единства. Ситуация сложная, но считать ее безнадежной нельзя.
- 2.2. Члены группы согласились, что между Россией и США возможно налаживание практического сотрудничества по проблемам Ближнего Востока и что такое сотрудничество может стать первым шагом к устойчивому партнерству, которое внесет вклад в создание в регионе зоны, свободной от оружия массового уничтожения.
- 2.3. Некоторые члены группы считают, что Москве и Вашингтону следует работать над более широким участием ближневосточных государств в международной архитектуре контроля над ядерным оружием, особенно в отношении ДВЗЯИ, Конвенций о запрещении биологического и химического оружия, а также Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях МАГАТЭ.
- 2.4. Следует развивать региональные меры по укреплению доверия. Некоторые члены группы высказались за приглашение ближневосточных стран к участию в таких международных форумах, как Саммит по ядерной безопасности, а также к разработке совместных мер мониторинга и контроля. В число таких мер

может входить обязательство не применять силу против гражданских ядерных объектов в регионе.

- 2.5. Некоторые члены группы подчеркнули, что США и России следует поспособствовать успеху конференции 2012 г. с участием всех государств Ближнего Востока по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, предприняв конкретные шаги по подготовке к конференции. Никаких оправданий проволочкам по данному вопросу быть не может.
- 2.6. Некоторые члены группы считают, что работу МАГАТЭ и ее системы всеобъемлющих гарантий следует укрепить путем обеспечения ратификации Дополнительного протокола всеми государствами региона.
- 2.7. Некоторые члены группы высказали предложение о том, что России и США следует разработать проект по сотрудничеству и совместным усилиям в Персидском заливе, включающий меры по борьбе с терроризмом и распространением.
- 2.8. В регионе продолжится развитие ядерных программ. По мнению некоторых членов группы, США и России следует взять на себя роль по обеспечению развития мирного ядерного сотрудничества и поддержке строительства атомных электростанций в странах региона. Такая политика будет способствовать стабильному и предсказуемому развитию региона. Однако некоторые члены Группы считают, что помощь в строительстве АЭС на Ближнем Востоке следует оказывать только при определенных условиях. В число таких условий входит создание международных банков ядерного топлива для обеспечения поставок НОУ; создание международных центров по обращению с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами, а также неуклонное соблюдение положений о возврате отработанного ядерного топлива стране-поставщику.
- 2.9. Члены группы разошлись в своих оценках природы и степени угроз, исходящих из Ближневосточного региона. Некоторые участники считают, что в настоящее время серьезная угроза режиму нераспространения исходит из двух стран региона: Израиля и Ирана. Другие участники полагают, что наиболее явная угроза исходит из Ирана.
- 2.10. Говоря об Израиле, некоторые члены группы назвали в качестве наиболее серьезного риска тот факт, что территория Израиля находится вне системы гарантий МАГАТЭ. Они считают, что Москве и Вашингтону следует добиваться ратификации Израилем ДНЯО. По их словам, в качестве первого шага, крайне важного для обеспечения успеха конференции в 2012 году, необходимо обеспечить прозрачность текущего состояния израильского ядерного арсенала. Этой цели, по их мнению, поможет добиться соответствующая позиция США.
- 2.11. Говоря о ракетном потенциале Ирана, некоторые члены группы пришли к выводу о том, что иранскую ядерную угрозу Европе нельзя игнорировать, однако и преувеличивать ее тоже не следует. По их оценкам, Иран не будет иметь технической возможности нанести ракетный удар по Западной Европе как минимум до 2014 г., а по США — до 2020 г. Они полагают, что военный потенциал существующих иранских баллистических ракет невелик в силу их низкой точности, поэтому эти ракеты не будут иметь решающего значения в случае вооруженного конфликта, если на них будут установлены обычные, химические или биологические боеголовки.
- 2.12. Некоторые члены группы заявили, что несмотря на все это, латентная иранская ядерная программа сама по себе никуда не исчезнет. Поэтому, как они полагают, Москва и Вашингтон должны стремиться к сокращению риска создания Ираном ядерного оружия. Для этого им следует приложить больше усилий к проведению двусторонних консультаций, повысить их уровень и опубликовать некоторые совместные выводы и оценки по данному вопро-

су, чтобы продемонстрировать Ирану единство или близость позиций США и России.

- 2.13. Некоторые члены группы отметили, что хотя темой подобных консультаций должен стать прежде всего Иран, они не должны ограничиваться этой страной; темой обсуждения должен быть весь Ближний Восток. Однако это станет возможно только при общем понимании рисков и наличии общего списка возможных вариантов действий. Необходимо будет также совместно работать над интенсификацией дипломатических усилий и предотвращением военных действий против Ирана.
- 2.14. Некоторые члены СУПР подчеркнули, что любые военные действия против Ирана по какому бы то ни было поводу будут опасными и контрпродуктивными.
- 2.15. По мнению некоторых членов группы, по мере продолжения переговоров между Ираном и группой «ядерная пятерка плюс Германия» было бы полезно обеспечить производство ядерного топлива для Тегеранского исследовательского реактора до конца 2011 г., чтобы иметь его в наличии на случай положительного поворота в переговорах с Ираном по данному вопросу.
- 2.16. Некоторые члены группы полагают, что в определенный момент в эти консультации следует вовлечь Турцию в качестве третьей стороны и наблюдателя.
- 2.17. Некоторые члены группы считают, что на более позднем этапе Россия может и должна выступить посредником в налаживании прямых двусторонних переговоров между США и Ираном. 🗨️

Примечания

¹ Фонд Плаушерс базируется в Сан-Франциско и занимается вопросами нераспространения, контроля над вооружениями и разоружения. Фонд оказывает частичную поддержку изданию журнала *Индекс Безопасности*.

² Некоторые члены группы (мнение которых не совпадает с мнением большинства в группе) считают, что США и России следует ввести единый предельный уровень для всех ядерных боеголовок, учитывая отдельно лишь боеголовки, подлежащие утилизации. В ходе следующих переговоров следует стремиться к сокращению общего количества ядерного оружия до уровня 2500 боеголовок с каждой стороны, в том числе 1000 развернутых стратегических боеголовок. Каждая из сторон будет иметь право самостоятельно решать, какую долю в оставшихся 1500 боеголовок будут составлять нестратегические, а какую неразвернутые стратегические боеголовки. Данный подход, по мнению некоторых членов группы, приведет к созданию двухуровневой системы верификации. Используя механизмы, являющиеся частью нового договора СНВ, каждая из сторон будет иметь высокую степень уверенности в своей способности контролировать соблюдение ограничений на количество развернутых боеголовок и стратегических средств доставки. Учитывая, что стороны, скорее всего, не готовы пойти на проведение инспекций по принципу «в любое время, в любом месте», они будут иметь меньшую степень уверенности в своей способности контролировать соблюдение ограничений на нестратегические и неразвернутые стратегические боеголовки.

РЕКОМЕНДАЦИИ СОВЕТА ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ РУКОВОДСТВУ РОССИИ И США¹

Для обеспечения прочного и долгосрочного партнерства между Россией и США требуются дальнейшие шаги в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. По итогам заседания Совета по устойчивому партнерству с Россией (СУПР) в Гштааде (Швейцария) 2–3 февраля 2011 г. участники выработали пакет рекомендаций, которые затем были переданы руководству России и США. Ниже предлагаем ознакомиться с этими рекомендациями в изложении.

В ходе заседания члены СУПР обсудили две основные идеи, которые задали контекст дальнейшей дискуссии.

Во-первых, Европа остается чрезвычайно важным регионом как для США, так и для России, хотя и по разным причинам. Являясь ведущими европейскими игроками, Россия и США должны работать совместно с другими европейскими государствами. Российскую инициативу по Договору о европейской безопасности (ДЕБ) следует рассматривать как приглашение к открытому обсуждению с целью воплощения в жизнь идеи о построении эффективно функционирующего общего пространства безопасности, простирающегося «от Ванкувера до Владивостока».

Во-вторых, наш мир становится все более многополярным; основные ядерные угрозы в настоящее время лежат в области распространения и ядерного терроризма. В этих условиях сохранившаяся со времен холодной войны концепция сдерживания больше не может служить адекватной основой для российско-американских отношений. Российским и американским официальным лицам было бы полезно обсудить концепции, которые могут стать фундаментом для более стабильных двусторонних отношений, что позволит обеим сторонам сократить свои ядерные арсеналы.

ДВУСТОРОННИЙ И МНОГОСТОРОННИЙ КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И РАЗОРУЖЕНИЕ

Ратификация и вступление в силу нового договора СНВ — шаг в верном направлении, который помог США и России *перезагрузить* двусторонние отношения. Однако это лишь первый шаг к ядерному разоружению. На сегодняшний день существует 50-процентная вероятность того, что эти отношения потеряют импульс к дальнейшему сотрудничеству и вновь вернуться в *период охлаждения*. Чтобы сохранить импульс, который придал российско-американским отношениям новый договор СНВ, Россия и США могли бы предпринять новые шаги одновременно в нескольких областях.

Дальнейшие ядерные сокращения

США и Россия могли бы ускорить проведение сокращений в рамках нового договора СНВ, чтобы выйти на новые уровни намного ранее установленного договором край-

него срока в 2018 г. Провести эти сокращения желательно до 2014 г. (т.е. до начала следующей Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО). Одновременно Россия и США уже в 2011 г. могли бы начать новые двусторонние переговоры по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений до уровня 1000 или менее боеголовок. В ходе следующего раунда переговоров стороны могли бы обсудить ограничения на развернутые стратегические системы (боеголовки и средства доставки), развернутые и неразвернутые пусковые установки, нестратегическое ядерное оружие и неразвернутые стратегические боеголовки². Одновременно с этим правительства России и США могли бы рассмотреть следующие меры:

- снижение уровня боеготовности ядерного оружия, которое следует рассматривать не только как техническое решение, но и как стратегический шаг, направленный на *уменьшение роли ядерного оружия в военных стратегиях*;
- шаги, направленные на подготовку к вовлечению в процесс сокращения ядерного оружия остальных ядерных держав. Некоторые участники СУПР считают, что переговоры по ограничению и сокращению нестратегических ядерных вооружений должны быть многосторонними.

ПРО

Все члены СУПР признают наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями. Некоторые члены Совета считают, что для получения согласия России на дальнейшие ядерные сокращения может потребоваться принятие ограничений на системы противоракетной обороны. Другие члены Совета полагают, что Сенат не ратифицирует договор, содержащий значимые ограничения на системы ПРО. СУПР считает, что решением этой дилеммы может стать сотрудничество в области ПРО между Россией и НАТО. Правительствам США и России следует рассмотреть следующие меры:

- обеспечение большей прозрачности своих программ ПРО;
- интеграция данных американских и российских систем предупреждения и оценки, в том числе радаров и других сенсоров, в едином центре, совместно управляемом НАТО и Россией;
- интеграция процесса принятия решения о запуске ракет-перехватчиков путем заблаговременного согласования комплекса российско-натовских протоколов, определяющих в каждом конкретном случае, будет ли отдана команда на перехват баллистической ракеты натовскими и/или российскими перехватчиками³. Эти же протоколы могли бы использоваться военными НАТО и России при принятии независимых решений о запуске перехватчиков, формируя таким образом единую европейскую систему ПРО без необходимости в наличии единого натовского или российского командования для всей этой системы. В такой системе противоракетные потенциалы НАТО и России дополняли бы друг друга.

Нестратегическое (тактическое) ядерное оружие

Поиск согласия по вопросу нестратегического ядерного оружия всегда был очень непростой задачей в силу отсутствия паритета по данному типу вооружений, сложностями процесса верификации и важной роли, которую играет нестратегическое ядерное оружие в российских военных стратегиях. Чтобы выйти из этого тупика, российскому и американскому руководству необходимо разработать общие определения терминов «нестратегическое», «субстратегическое» и «тактическое» ядерное оружие. Мы полагаем, что правительствам России и США следует рассмотреть целесообразность следующих шагов:

- ❑ признание необходимости того, что *все ядерное оружие должно быть расположено в пределах национальных границ*⁴;
- ❑ внедрение всех без исключения рекомендаций, изложенных в форме Плана действий в Окончательном документе Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г. При этом следует избегать подхода, при котором выполняются только те действия, которые совпадают с собственной национальной политикой безопасности Москвы и Вашингтона;
- ❑ обеспечение большей прозрачности с обеих сторон.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе

Участники заседания СУПР пришли к единому мнению о том, что достижение прогресса по вопросу режима ДОВСЕ может способствовать подписанию нового российско-американского соглашения о дальнейших ядерных сокращениях. Вопросы ДОВСЕ и нестратегического ядерного оружия следует рассматривать в более широком контексте перестройки европейской архитектуры безопасности.

Публикация информации об уничтожении боеголовок

С целью обеспечения прозрачности и укрепления доверия Россия и США могли бы в одностороннем порядке публиковать ежегодные отчеты о ходе уничтожения ядерных боеголовок. В эти отчеты было бы полезно включать данные о количестве уничтоженных боеголовок и извлеченного из них ядерного материала, а также информацию о том, какое количество полученного материала было пущено на нужды гражданских ядерных программ.

Размещение оружия в космосе

Некоторые члены Группы отметили желательность начала многостороннего переговорного процесса по вопросу о запрете размещения ядерного оружия в космосе. Они полагают, что отправной точкой таких переговоров может послужить российско-китайский проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе либо какой-то другой взаимоприемлемый проект.

Роль ядерного оружия

России и США необходимо провести переоценку национальных ядерных стратегий и роли в них ядерного оружия. Эта переоценка могла бы включать запрет на разработку новых видов ядерного оружия и сокращение роли ядерного оружия в национальных стратегиях, а также меры по снижению риска случайного запуска ядерного оружия.

СОТРУДНИЧЕСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Региональному сотрудничеству на Ближнем Востоке мешают политическая нестабильность, недостаток доверия и отсутствие единства. СУПР считает необходимым укрепление практического сотрудничества между Россией и США по проблемам Ближнего Востока. Такое сотрудничество может стать шагом к созданию в регионе зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Потенциальное сотрудничество в области ядерной энергетики на Ближнем Востоке и меры по укреплению доверия также могут внести свой вклад в разрядку напряженности в регионе. Для достижения этих целей правительства США и России могли бы предпринять совместные шаги в нескольких направлениях.

Нераспространение

СУПР считает, что Москве и Вашингтону следует предпринять активные шаги по обеспечению более широкого участия ближневосточных государств в международной архитектуре контроля над оружием массового уничтожения, в том числе в ДВЗЯИ, Конвенциях о запрещении биологического и химического оружия, Дополнительном протоколе МАГАТЭ и Саммите по ядерной безопасности. США и России следует продолжать добиваться всеобщего присоединения к ДНЯО и соблюдения его положений со стороны его участников, имея в виду в данных контекстах в том числе Израиль и Иран. Уже сейчас следует начать работать над обеспечением успешного проведения очередной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2015 г.

Продвижение мирного использования ядерной энергии

В обозримом будущем на Ближнем Востоке будет продолжаться развитие мирных гражданских ядерных программ. Более тесное сотрудничество между США и Россией по оказанию содействия ближневосточным государствам в развитии ядерной энергетики даст дополнительные гарантии мирного характера ближневосточных ядерных программ. Кроме того, такое сотрудничество внесет важный вклад в стабильное и предсказуемое развитие всего региона. Для достижения этих целей США и Россия могли бы рассмотреть возможность следующих шагов:

- создание международных банков топлива, осуществляющих поставки НОУ;
- разработка совместных мер по мониторингу и управлению, а также принятие обязательств неприменения силы против гражданских ядерных объектов в регионе;
- создание международных центров по обращению с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами, а также создание системы по оказанию полного комплекса услуг в области ядерного топливного цикла.

Продвижение к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия

США и России следует взять на себя активную роль в обеспечении успеха конференции 2012 г. по созданию на Ближнем Востоке ЗСОМУ, предприняв вместе с Великобританией конкретные шаги по подготовке к конференции. Никаких оправданий проволочкам по данному вопросу быть не может. Работу МАГАТЭ и его системы всеобъемлющих гарантий следует укрепить путем обеспечения принятия Дополнительного протокола всеми государствами региона. Кроме того, некоторые члены СУПР полагают, что в качестве меры по укреплению доверия следует оказать давление на Израиль с целью обеспечения большей прозрачности его ядерной программы, особенно реактора в Димоне и остальной израильской ядерной инфраструктуры.

Оценка региональных ядерных и ракетных угроз

Члены Группы разошлись в своих оценках угроз, которые представляют собой ядерные и ракетные программы Ближневосточного региона. Некоторые участники заседания считают, что в настоящее время наиболее серьезной угрозой является секретная ядерная программа Ирана. Однако другие члены СУПР полагают, что в первую очередь нужно заняться проблемой Израиля и его военной ядерной программы, поскольку именно Израиль остается единственным государством на Ближнем Востоке, не подписавшим ДНЯО и владеющим ядерным оружием. При этом ситуация вокруг Ирана и его намерений остается неясной. Члены СУПР пришли к совместному выводу о том, что вызовы, которые представляют иранская ядерная и ракетная программы, не следует преувеличивать, однако игнорировать их тоже нельзя. По имеющимся данным,

Иран не будет иметь технической возможности нанести удар баллистическими ракетами по Западной Европе как минимум до 2014 г., а по США — до 2020 г. Члены СУПР считают, что в рамках поиска решения данной проблемы следует ускорить проведение совместной оценки региональных ядерных и ракетных угроз Россией и США на уровне правительств, а также на уровне российских и американских экспертов.

Иранская ядерная программа

Члены СУПР согласны в том, что военный удар по Ирану под каким бы то ни было предлогом был бы опасным и контрпродуктивным шагом. Однако латентная иранская ядерная программа сама по себе никуда не исчезнет. В связи с этим в краткосрочной перспективе Россия и США могли бы предпринять следующие шаги:

- более активно и на более высоком уровне проводить двусторонние консультации по иранской ядерной проблеме с целью выработки общего понимания рисков и возможных вариантов действий. Россия и США могли бы также опубликовать некоторые совместные выводы и оценки по данному вопросу, чтобы продемонстрировать Ирану единство или близость позиций США и России;
- провести консультации по обеспечению производства до конца 2011 г. топлива для Тегеранского ядерного реактора на случай положительного поворота в переговорах по данному вопросу.

Примечания

¹ В заседании СУПР в Гштааде 2–3 февраля 2011 г. приняли участие следующие **члены СУПР**: Евгений **Бужинский**, генерал-лейтенант, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, в прошлом начальник Международно-договорного управления — заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны (2002–2009 гг.), Москва, Россия; Леонид **Ганкин**, заведующий отделом внешней политики газеты *Коммерсант*, Москва, Россия; Игорь **Зевелев**, директор Московского филиала Фонда МакАртуров, Москва, Россия; Владимир **Орлов**, президент ПИР-Центра, Москва, Россия; Стивен **Пайфер**, посол, старший научный сотрудник Института Брукингса, Вашингтон, США; Джозеф **Сириционе**, президент Фонда Плаушерс, Вашингтон, США; Шэрон **Скуазони**, директор Программы по предотвращению распространения Центра стратегических и международных исследований, Вашингтон, США; Дэвид **Холловэй**, член Совета директоров Фонда Плаушерс, Сан-Франциско, США; Дэвид **Хоффман**, публицист, автор книги *The Dead Hand*, в прошлом редактор международного отдела газеты *Вашингтон Пост* (2001–2009 гг.), Вашингтон, США; Майкл **Эллеман**, старший научный сотрудник Международного института стратегических исследований, Вашингтон, США. Все члены СУПР принимали участие в заседании в личном качестве, и их позиции не обязательно отражают точку зрения организации, в которой они работают.

В заседании также приняли участие следующие **наблюдатели**, которые имели возможность принять участие в дискуссии в ходе заседания наравне с членами СУПР, но которые, однако, не участвовали в выработке данного документа по итогам заседания: Ричард **Берт**, посол, председатель движения *Global Zero* от США, Вашингтон, США; Виктор **Васильев**, заместитель Постоянного представителя России при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, Женева, Швейцария; Михаил **Лысенко**, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Директор департамента международного сотрудничества Государственной корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия; Жорж **Мартин**, посол, глава Управления по политическим вопросам МИД Швейцарии, Берн, Швейцария; Жан-Даниэль **Пра**, заместитель главы отдела по контролю над вооружениями и разоружением Управления по политическим вопросам МИД Швейцарии, Берн, Швейцария; Евгений **Сатановский**, президент Института Ближнего Востока, Москва, Россия; Юрий **Федоров**, профессор, член Совета ПИР-Центра, Прага, Чехия.

² Некоторые члены СУПР считают (хотя их мнение не разделяет большинство членов Совета), что новым соглашением должно быть установлено единое ограничение количества всех российских и американских боеголовок с подуровнем в 1000 развернутых стратегических боеголовок.

³ Такие протоколы понадобятся даже для работы исключительно натовской или исключительно российской системы ПРО. Короткое время подлета баллистических ракет потребует заблаговременного программирования процедур по запуску перехватчиков, чтобы в момент кризиса осталось лишь отдать команду на запуск этих процедур.

⁴ Некоторые участники заседания предположили, что такое решение возможно в контексте взаимоприемлемого двустороннего договора, предполагающего сокращение и ограничение всего американского и российского ядерного оружия. Другие участники настаивали на том, что следует идти по пути принятия резолюции Совета Безопасности ООН, внесенной совместно Россией и США и распространяющейся на ядерное оружие всех без исключения государств, обладающих ядерным оружием.

Сергей КОРТУНОВ¹

ЯДЕРНЫЙ ГАМБИТ БАРАКА ОБАМЫ

В апреле 2010 г., за три дня до подписания в Праге Д. А. Медведевым и Баракком Обамой Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, США опубликовали новый Обзор состояния и перспектив ядерных сил (Ядерный обзор)², в котором сформулированы основные положения новой американской ядерной стратегии. Этот документ не только уточняет и корректирует прежний Ядерный обзор, выпущенный еще в 2002 г. администрацией Джорджа Буша, но и содержит ряд принципиально новых положений, отражающих внешнеполитическую и военно-стратегическую философию Обамы и его ближайшего окружения.

ЯДЕРНЫЙ НОЛЬ

Прежде всего в нем четко зафиксирована озвученная президентом США еще в апреле 2009 г. в Праге идея достижения мира и безопасности без ядерного оружия (за что Обама и получил Нобелевскую премию мира). И хотя эта цель, как говорится в Обзоре, не может быть достигнута быстро, президент выразил свою решимость сделать конкретные шаги в этом направлении, включая сокращение количества ядерного оружия и снижение его роли в американской стратегии национальной безопасности. В то же время, пока ядерное оружие существует, США будут сохранять надежный, безопасный и эффективный ядерный арсенал в целях обеспечения сдерживания потенциальных противников и подтверждения своих обязательств в области безопасности по отношению к своим союзникам и партнерам.

Идея мира, свободного от ядерного оружия, не нова. За минувшие 65 лет после создания ядерного оружия тема его полной и повсеместной ликвидации не раз поднималась в мировой политике. Впервые она возникла после разрушительных атомных бомбардировок американцами Хиросимы и Нагасаки, когда стали известны данные об огромных людских потерях и материальных разрушениях. В июне 1946 г., за три года до проведения первого испытания ядерного оружия (Семипалатинск, 29 августа 1949 г.), Советский Союз внес проект международной конвенции о запрещении и уничтожении в трехмесячный срок всех запасов ядерного оружия в виде готовой и незаконченной продукции. Но этот план тогда не был поддержан США, обладавшими монополией на *ядерный меч*.

В очередной раз проблема всеобщего ядерного разоружения возникла в конце 1960-х гг., когда разрабатывался текст ДНЯО. Неядерные страны согласились не создавать и не приобретать ядерное оружие, а в качестве юридической *компенсации* потребовали отразить в тексте договора обязательство ядерных держав в будущем отказаться от ядерных арсеналов. В итоге в статье VI этого бессрочного договора

государства–участники записали, что будут « [...] в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению»³. При этом никаких сроков достижения указанной цели не называлось.

Затем о перспективе ядерного разоружения заговорили в середине 1980-х гг. В Совместном заявлении СССР и США от 8 января 1985 г. по настоянию советской стороны было закреплено обязательство СССР и США вести дело «к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду»⁴. Через год, 15 января 1986 г., когда переговоры были в самом разгаре, Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев выдвинул инициативу поэтапной ликвидации ядерного оружия в глобальном масштабе в течение 15-летнего срока. Он предложил сначала ликвидировать ракеты средней и меньшей дальности, на втором этапе сократить на 50% стратегические ядерные арсеналы СССР и США, а затем уничтожить все тактические ядерные средства. На втором этапе к ядерному разоружению также должны были бы подключиться остальные ядерные государства. На последнем этапе, к 2000 г., предполагалось уничтожить все оставшиеся боезаряды. Но на встрече с советским лидером в Рейкьявике в октябре 1986 г., когда тот еще раз предложил выйти на нулевой вариант по ядерному оружию, президент США Рональд Рейган отказался от этой идеи.

В 1996 г. юристы из Международного суда предложили «довести до конца переговоры, ведущие к ядерному разоружению, во всех его аспектах»⁵. В 1997 г. группа юристов из ряда стран подготовила проект Конвенции о ликвидации ядерного оружия, содержащий схему постепенного уничтожения ядерного оружия в глобальном масштабе в ходе пяти этапов. В 2006 г. участники общественного движения Международная кампания за запрещение ядерного оружия (в английской аббревиатуре ICAN) призвали лидеров ядерных государств выработать договор о повсеместной и поэтапной ликвидации всех видов ядерного оружия в период 2020–2050 гг., который содержал бы четкие обязательства по его уничтожению на каждом этапе.

Российская Федерация, являясь участницей ДНЯО с 1968 г., неизменно поддерживает идею полного и повсеместного уничтожения ядерного оружия на многосторонней основе. В своем заявлении в адрес женевской Конференции ООН по разоружению в марте 2010 г. президент Д. А. Медведев отметил: «Сегодня мы стоим перед настоятельной необходимостью двигаться дальше по пути ядерного разоружения. Россия в полной мере привержена цели достижения мира, свободного от этого наиболее смертоносного оружия, в соответствии со своими обязательствами по Договору о нераспространении ядерного оружия»⁶. Готовность России выйти на *глобальный ядерный ноль* зафиксирована и в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной главой российского государства 12 мая 2010 г.

Что касается США, то в прошлом они относились к идее безъядерного мира весьма и весьма скептически, рассматривая ее как *пропаганду*. Что же заставило их сегодня столь пафосно заявить о ней от имени президента США, да еще записать ее в официальную ядерную доктрину? Представляется, что причина здесь состоит не столько в желании Барака Обамы выступить в роли миротворца и отработать Нобелевскую премию мира (хотя и это имеет место), сколько в тщательно просчитанной долгосрочной военно-политической стратегии США.

КЛЮЧЕВЫЕ ЗАДАЧИ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Обзор формулирует пять ключевых задач ядерной политики США в среднесрочной (10 лет) перспективе⁷:

1. Предотвращение ядерного распространения и ядерного терроризма.
2. Уменьшение роли ядерного оружия в американской стратегии национальной безопасности.

3. Обеспечение стратегического сдерживания и стабильности на сокращенных уровнях ядерных сил.
4. Укрепление регионального сдерживания и подтверждение обязательств США по отношению к их союзникам и партнерам.
5. Сохранение надежного, безопасного и эффективного ядерного арсенала.

В докладе констатируется, что система международной безопасности кардинально изменилась со времени окончания холодной войны. Угроза глобальной ядерной войны отдалась, однако риск ядерного нападения возрос. В качестве основных угроз в Обзоре выделены две: ядерный терроризм и ядерное распространение. В числе ядерных держав, создающих для США вызов в контексте обеспечения стратегической стабильности, упомянуты Россия и Китай. Россия в ядерной сфере является единственной *ровней* США. Однако Россия и США — уже более не враги, и перспектива военной конфронтации между ними кардинально снизилась. Кроме того, они укрепили сотрудничество в сферах, где их интересы совпадают, включая предотвращение ядерного терроризма и нераспространение ядерного оружия. Между США и Китаем растет взаимозависимость и взаимная ответственность в предотвращении глобальных угроз безопасности. В то же время США озабочены проводимой Китаем качественной и количественной модернизацией своего ядерного потенциала, а также низким уровнем прозрачности его ядерных программ и ядерной стратегии, что порождает вопросы относительно его стратегических намерений в будущем.

Здесь важно отметить, что Россия в данном контексте не рассматривается как враг, но не рассматривается и в качестве партнера. Кроме того, судя по Обзору, прозрачность ядерных программ России (в отличие от программ Китая) — уже не проблема для американцев.

Ядерные арсеналы, унаследованные странами со времен холодной войны и биполярной конфронтации, малопригодны для ответа на вызовы террористов и недружественных режимов, стремящихся обзавестись ядерным оружием. В то же время существует подавляющее превосходство США в области обычных вооруженных сил, происходит существенное увеличение возможностей США в области ПРО, прекращается соперничество держав в духе холодной войны. В этих условиях США могут себе позволить обеспечивать сдерживание на значительно более низких уровнях ядерных сил и с меньшим упором на ядерное оружие. Следовательно, США теперь имеют возможность, не подрывая своего традиционного сдерживания и обязательств перед союзниками, делать меньший акцент на ядерном оружии и при этом формировать ядерную политику и структуру вооруженных сил таким образом, чтобы они позволяли лучше отвечать на наиболее актуальные вызовы в сфере безопасности.

Это будет достигаться путем принятия следующих мер.

- ❑ Сокращение роли и количества ядерных вооружений США, в соответствии с обязательством по Статье VI ДНЯО, будет усиливать позицию США по убеждению других членов ДНЯО в необходимости укрепления режима нераспространения ядерного оружия и обеспечения безопасности ядерных материалов во всем мире.
- ❑ Сохранение надежного ядерного сдерживания и укрепление архитектур региональной безопасности системами ПРО и другими обычными вооруженными силами будет соответствовать американским обязательствам в отношении неядерных государств, союзников и партнеров и подтверждать, что им нет нужды обзаводиться своим собственным ядерным оружием.

- Сохранение Программы управления складированными вооружениями, продлевающей жизненный цикл ядерных вооружений США, будет обеспечивать надежное, безопасное и эффективное сдерживание без разработки новых ядерных боезарядов и дальнейших испытаний ядерного оружия.
- Модернизация имеющихся ядерных объектов и инвестиции в человеческий капитал позволят существенно сократить количество ядерных вооружений, предназначенных для парирования возможных технических и геополитических неожиданностей, ускорить демонтаж устаревших боезарядов.
- Укрепление стратегической стабильности в отношениях с Россией и Китаем, повышение прозрачности и взаимного доверия позволят создать условия для движения к безъядерному миру и сформируют более твердую основу для политики ядерного нераспространения и противодействия ядерному терроризму.
- Уменьшение роли ядерного оружия в международных отношениях и поэтапное движение в сторону его ликвидации будет сокращать стимулы для других стран по приобретению собственного ядерного оружия в качестве гарантии против непредсказуемого будущего.

Заявленная в Обзоре ядерная политика США выглядит весьма привлекательной. Однако, для того чтобы понять, что за ней в действительности стоит, важно учитывать следующее фундаментальное обстоятельство. На рубеже XX и XXI вв. США стали лидером очередной — шестой по счету — революции в военном деле⁸. Она связана с появлением высокоточного обычного оружия, а с ним и бесконтактных войн нового (шестого) поколения. Бесконтактные войны характеризуются тем, что нападающая сторона с помощью длительных массированных ударов может полностью разрушить экономику любого противника, в любом регионе земного шара.

США уже более 20 лет осуществляют непрерывный процесс военно-технических революционных преобразований в военном деле, который уже создал значительный их *отрыв* от других, даже наиболее развитых стран. Американцы продемонстрировали это по крайней мере в трех войнах нового поколения: в Югославии, в Ираке и в Афганистане. Сегодня никто, кроме США, в полной мере не подготовлен к войнам шестого поколения. Военные реформы и военное строительство большинства даже наиболее развитых стран нацелены на прошлое: на подготовку к контактными войнам четвертого и бесконтактной ядерной войне пятого поколений. Следовательно, в случае возникновения новых войн с участием США они будут вестись в разных поколениях, а значит, ни о какой победе над США говорить не приходится. В связи с этим задача США, которая недвусмысленно между строк читается в Обзоре, — закрепить свое подавляющее военное превосходство в сфере высокоточного обычного оружия и обесценить ядерные потенциалы других ядерных стран через радикальное ядерное разоружение и строительство глобальной американской системы ПРО.

На подготовку вооруженных сил к войнам нового поколения у многих экономически слабых ядерных и безъядерных стран нет и еще очень долго не будет средств. В первой половине XXI в. государства не будут в полной мере способны вести вооруженную борьбу в формах и способах войн шестого поколения. В этот период все принимаемые меры в отстающих в военном развитии ядерных странах наверняка будут связаны только с повышением ставки на ядерное оружие. Здесь следует ожидать дальнейшей модернизации ракетно-ядерного оружия, а также ужесточения в военных доктринах положения об отказе от принципов неприменения ядерного оружия первыми.

Очередная, *шестая революция* в военном деле тесно связана с дальнейшим освоением космоса в военных целях, компьютеризацией, применением сверхскоростных переключателей схем, искусственного интеллекта, лазеров, микроволн, элементарных частиц. Передовые технологии уже сейчас позволяют США создавать практи-

чески новое, не имеющее аналогов оружие космического базирования, которое будет способствовать изменению характера вооруженной борьбы и войн в целом. Весьма вероятны военные действия США в космосе с целью беспрепятственного создания масштабной космической инфраструктуры для обеспечения ведения бесконтактных войн.

Здесь не исключена опасность того, что могут быть быстро утрачены преимущества, достигнутые до этого на количественном уровне соотношения сил и средств, созданные для войн четвертого и пятого поколений — войн прошлого — с учетом всех ограничений и сокращений войск и вооружений. Это сразу же обнажит беспомощность государств, отставших на поколение войн, немедленно дестабилизирует международную и стратегическую обстановку.

Способность США, подготовленных к новому, шестому поколению войн, наносить внезапные, массированные, длительные по времени, высокоточные стратегические удары на любую дальность и по любому противнику на нашей планете уменьшает значение фактора передового базирования и снимает необходимость постоянного присутствия военных сил. Отсюда, кстати, еще одна *миротворческая* инициатива Барака Обамы: он публично заявил о том, что дал указание Пентагону закрыть примерно 25 % имеющихся баз, прежде всего тех, где размещены крупные (более 500 военнослужащих) подразделения, что позволит США к 2011 г. сэкономить 5 млрд долл.

Шестая революция в военном деле опасна прежде всего тем, что мировое сообщество на нашей планете будет неизбежно расколото на США, которые отрываются от остальных стран на поколение войн и всех остальных, кто остается в четвертом и пятом поколениях. Понятно, что ядерные страны, отставшие на поколение войн, не будут спешить сокращать, и тем более ликвидировать свои ядерные вооружения. Опасность заключается в том, что даже ядерная страна, ввязавшаяся в обычную войну, но ведущуюся с участием США по формам и способам шестого поколения, неизбежно проиграет ее, и ей ничего не останется, кроме применения своего ядерного оружия — то есть самоубийства.

Можно утверждать, что попытка создать в ряде стран интегрированную военную силу, состоящую из совокупности военных формирований всех их силовых структур, не позволит обеспечить им выгодный баланс сил даже на отдельных стратегических направлениях. Трудно ожидать, что такая военная сила будет способна решать конкретные стратегические и политические задачи и позволит достичь победы в войне даже в переходный период к бесконтактным войнам. В этот период баланс сил начнут измерять совсем другими размерными единицами, не связанными с количеством полков, бригад, дивизий, корпусов и т.п. Здесь главным становится соотношение высокоточных ударных и оборонительных возможностей сторон, превосходство по которым и пытаются сохранить США. Вооруженные силы США будут создаваться на базе высокоточных средств поражения и обороны, что должно стать мощнейшим сдерживающим фактором для других стран, даже если США не будут прибегать к использованию или угрожать использованием ядерного оружия. В случае же, если США, подготовленные к войнам шестого поколения, начнут бесконтактную агрессивную войну с любым противником, отставшим в своем военном развитии на поколение войн (как это было в Югославии, Афганистане и Ираке), то военно-политические цели в ней могут быть достигнуты только посредством нанесения массированных высокоточных ракетных, радиоэлектронных и информационных ударов по экономике и военным объектам противника.

Похоже, что отстающие в своем экономическом и военном развитии ядерные страны пытаются, однако, *доказать* острую необходимость продолжать и в дальнейшем делать ставку на универсальное ядерное сдерживание, то есть на войну пятого поколения. К сожалению, это относится и к России, которая в своих доктринальных документах последнего времени продолжает акцентировать *незаменимую роль* ядерного оружия.

Так, в Военной доктрине РФ 2010 г. говорится: «Ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны). В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения, ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный конфликт»⁹. В ней также подтверждено прежнее положение об отказе от взятого в свое время СССР обязательства о неприменении первым ядерного оружия: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»¹⁰. В Военной доктрине РФ ни слова не сказано о *шестой революции* в военном деле.

К основным задачам ядерной стратегии РФ в мирное время отнесены: стратегическое сдерживание, в том числе предотвращение военных конфликтов; поддержание стратегических ядерных сил (СЯС), обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях. Эти положения дополняет Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.: «В интересах обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего взаимодействия на международной арене Россия в период реализации настоящей Стратегии предпримет все необходимые усилия на наименее затратном уровне по поддержанию паритета с Соединенными Штатами Америки в области стратегических наступательных вооружений в условиях развертывания ими глобальной системы ПРО и реализации концепции молниеносного удара с использованием стратегических носителей в ядерном и неядерном оснащении»¹¹.

Следует заметить, что ядерная стратегия России остается закрытой (по сравнению с ядерной стратегией США, Великобритании и Франции), и по закрытости она уступает только ядерной стратегии КНР. Например, составной частью Военной доктрины РФ 2010 г. являются Основы государственной политики РФ в области ядерного сдерживания до 2020 г., которые остались засекреченными. По мнению многих авторитетных отечественных и зарубежных специалистов, секретность в этом вопросе бессмысленна, контрпродуктивна и даже вредна: чтобы политика ядерного сдерживания работала, она должна быть совершенно прозрачной. Не вполне понятно и то, почему эта политика рассчитана до 2020 г.: ведь пока в мире будет оставаться ядерное оружие, основные принципы взаимного ядерного сдерживания не претерпят существенной трансформации.

Таким образом, ожидать каких-либо доктринальных изменений, свидетельствующих о трансформации российского подхода к роли ядерного оружия, в обозримой перспективе не приходится. В частности, весьма маловероятны инициативы, касающиеся поэтапного выхода России и США из состояния взаимного ядерного сдерживания, абсурдного в новой военно-политической обстановке. Вместе с тем должно быть совершенно очевидно, что хотя ставка на ядерное сдерживание провозглашена в военных доктринах ведущих стран мира, ядерное оружие — это не оружие XXI в.; оно неизбежно будет обесценено развертыванием систем ПРО, высокоточного обычного оружия и другими новейшими военными технологиями. Надо быть готовым к тому, что США в определенный момент более настойчиво поставят вопрос о полной ликвидации ядерного оружия. В этом смысле *ядерное величие* через некоторое время не сможет обеспечивать статус великой державы кому бы то ни было. Более того, те страны, которые будут продолжать делать упор на ядерное оружие, могут оказаться через некоторое время в политическом и моральном проигрыше.

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Политика США в области ядерного нераспространения, как говорится в Обзоре, включает три ключевых элемента. Первый: укрепление режима нераспространения и его центральной составляющей — ДНЯО — путем пресечения ядерных амбиций Северной Кореи и Ирана, укрепления гарантий МАГАТЭ и обязательств по ним, противодействия незаконной торговле ядерными материалами и поощрением мирного использования ядерной энергии, которое не увеличивало бы риски распространения. Второе: наращивание усилий по реализации инициативы президента Барака Обамы относительно обеспечения безопасности всех уязвимых ядерных материалов в мире в течение четырех лет. И третье: продолжение усилий в области контроля над вооружениями, включая новый Договор по СНВ, ратификацию и введение в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и переговоры по контролируемому запрету производства расщепляющихся материалов в целях создания ядерного оружия¹².

Эту политику подкрепляют следующие инициативы администрации.

- ❑ Пражская инициатива президента США по обеспечению безопасности всех уязвимых ядерных материалов во всем мире, включая Глобальную инициативу по сокращению ядерной угрозы и Международную программу сотрудничества по защите ядерных материалов.
- ❑ Укрепление национальных и международных возможностей по пресечению незаконных сетей распространения и хищения ядерных материалов.
- ❑ Проведение всеобъемлющего национального исследования и разработка программы движения к безъядерному миру, включая расширенную работу по технологиям верификации и мер транспарентности.
- ❑ Обновление обязательства США по полному учету всех государств, террористических групп или других неядерных акторов, которые поддерживают усилия террористов по захвату или использованию ОМУ.

В связи с приобретением США подавляющего военного превосходства в сфере обычных вооружений, совершенствованием американской ПРО и возможностей по парированию последствий возможного нападения с применением химического и биологического оружия роль американского ядерного оружия по сдерживанию неядерного нападения — обычного, биологического или химического — существенно снизилась. США продолжают политику уменьшения роли ядерного оружия в сдерживании неядерного нападения. В этих целях США теперь готовы укрепить свои долгосрочные обязательства по *негативным гарантиям*, заявляя, что они не применят и не будут угрожать применением ядерного оружия в отношении неядерных стран — членов ДНЯО, выполняющих свои обязательства по нераспространению. Заявляя это, США подтверждают, что любое государство, которое использует химическое или биологическое оружие против США или их союзников и партнеров, будет подвергнуто сокрушительному ответному удару с применением обычных вооруженных сил и что каждый деятель — будь то руководитель такого государства или военный, несущий ответственность за такое нападение, — не избежит наказания.

В отношении стран, на которые не распространяются такие гарантии — стран, которые обладают ядерным оружием и стран, которые не выполняют своих обязательств по нераспространению, — сохраняется узкий коридор обстоятельств, в условиях которых ядерное оружие США по-прежнему может играть роль сдерживания против нападения на США или их союзников и партнеров с помощью обычных, химических и биологических вооружений. Таким образом, США в настоящее время не готовы проводить универсальную политику, согласно которой единственной целью ядерного оружия является сдерживание ядерного нападения (то есть они не готовы сейчас взять на себя обязательство о неприменении первыми ядерного оружия), однако

будут работать в направлении формирования условий, при которых проведение такой политики станет возможным без ущерба для безопасности.

Соответственно, ключевыми выводами Обзора являются следующие.

- США продолжают укреплять потенциал обычных вооружений и сокращать роль ядерного оружия в сдерживании неядерного нападения, имея в виду сделать единственной целью ядерного оружия США сдерживание ядерного нападения на США или их союзников и партнеров.
- США будут рассматривать применение ядерного оружия в исключительных обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США или их союзников и партнеров.
- США не применят и не будут угрожать применением ядерного оружия в отношении неядерных стран — членов ДНЯО, выполняющих свои обязательства по нераспространению.

В контексте *новой* политики США в области ядерного нераспространения следует напомнить, что именно США за последние несколько лет нанесли три мощных удара по режиму ядерного нераспространения и контроля над ядерными вооружениями. **Первый** — выход из Договора по ПРО 1972 г. Это повлияло на всю систему соглашений, которая с таким трудом была наработана в период холодной войны. **Второй** — американская ядерная доктрина Джорджа Буша, которая снизила порог возможного применения ядерного оружия. **Третий** — признание Индии *де-факто* ядерной державой и заключение с ней договора о широкомасштабном сотрудничестве в ядерной области. В результате отпали последние политические и моральные аргументы против распространения ядерного оружия. Остались, по сути, только угрозы применения силы, но и они не сработали в случае с КНДР.

Две других причины кризиса режима нераспространения — это фактическое нарушение официальными членами *ядерного клуба* (США, СССР/Россия, Великобритания, Франция, Китай) вышеупомянутой статьи VI ДНЯО и отсутствие негативных гарантий безопасности для неядерных стран — членов ДНЯО со стороны государств-членов *ядерного клуба*. Такие гарантии существуют только в виде отдельных заявлений представителей государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН, сделанных в 1995 г. Предложения о заключении Конвенции, юридически закрепляющей гарантии безопасности неядерным государствам — членам ДНЯО, не получили своего развития, к стати сказать, прежде всего из-за деструктивной позиции США. Поддержали эти предложения только Китай, Россия и Великобритания.

Однако эти причины являются далеко не самыми главными среди тех, что стоят за кризисом нераспространения ядерного оружия. Не менее существенный вклад в этот кризис вносит отсутствие консолидированной политики постоянных членов Совета Безопасности ООН по отношению к фактическим и потенциальным странам — нарушителям режима ядерного нераспространения, в том числе к принятию действенных политических, дипломатических и экономических санкций в отношении Ирана, руководство которого искусно играет на противоречиях между ведущими странами мира и по существу игнорирует резолюции Совета Безопасности ООН.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ США СТРЕМЯТСЯ К ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ?

В рамках выполнения условий нового Договора по СНВ США сократят свои стратегические средства доставки — межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и ядерные тяжелые бомбардировщики (ТБ) — примерно на 50% от уровня Договора СНВ-1, и подлежащие счету стратегические боезаряды — примерно на 30% от уровня Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП)¹³. Таким образом, ядерная *три-*

ада США по новому Договору будет сохранена, по крайней мере, до конца 2020 г., а скорее всего, и дальше. При этом все МБР — в целях укрепления стратегической стабильности — будут *демирвированы*¹⁴, и каждая будет нести по одной боеголовке. Возможности неядерных систем по обеспечению регионального сдерживания США и подтверждения их обязательств будут сохранены путем развития систем ПРО, не подпадающих под ограничения, и сохранения возможности использования ТБ и ракетных систем большой дальности в обычном оснащении.

В целях увеличения времени для принятия решения президентом США предотвращения ядерных пусков в результате несчастных случаев, несанкционированных действий или неверных интерпретаций действий другой стороны США предпримут следующие шаги.

- ❑ Продолжат практику *нацеливания в открытый океан* всех МБР и БРПЛ и предложат России подтвердить свое обязательство по осуществлению такой же практики.
- ❑ Укрепят систему командования и контроля.

Первый вопрос, который возникает в этой связи: зачем потребовалось подтверждение практики ненацеливания, которая зафиксирована еще в подписанной 14 января 1994 г. российско-американской Декларации о взаимном ненацеливании ракет СНВ на территорию друг друга? Ведь этот документ остается в силе, его никто не отменял. Кстати, это самый краткий в мировой практике документ по контролю над ядерными вооружениями — он занимает всего одну страницу и констатирует, что начиная с 30 мая 1994 г. стратегические ядерные ракеты России и США нацеливаются только на определенные точки Мирового океана. В практическом же плане, по мнению многих военных экспертов — как отечественных, так и зарубежных, — это почти ничего не дает для снятия взаимных озабоченностей военных специалистов, отвечающих за национальную безопасность. За скобками вновь остаются крылатые ракеты морского базирования (КРМБ), а также высокоточное обычное оружие — сферы, где США имеют подавляющее преимущество. Не вполне ясно в этом случае и влияние даже *ограниченных* систем ПРО на стратегическую стабильность. Ничего не говорится о третьих ядерных державах, которые не могут в этом случае, разумеется, остаться в стороне. Главное же противоречие состоит в том, что принятие подобных мер предполагает другой уровень взаимного доверия между Россией и США.

В этом плане характерно мнение председателя подкомиссии по НИОКР в военной области, конгрессмена-республиканца Курта Уэлдона, который заявил, что ненацеливание несколько не способствует укреплению национальной безопасности США, а наоборот, является *дезориентирующим фактором*, создающим ложное впечатление защищенности, и отвлекает внимание от *истинных потребностей* скорейшего развертывания национальной ПРО. При этом *ненацеленность* не поддается проверке, так как обратный процесс занимает считанные секунды, а заявленный *нулевой вариант* нацеливания при несанкционированном пуске автоматически сбрасывается, и срабатывает одна из прежних программ поражения целей, сохраненных в памяти компьютера. Таким образом, *ненацеливание* как таковое является исключительно политико-психологической мерой. Проблема поэтому состоит в том, как *перевести ее на технический язык*, сделать транспарентной, контролируемой и эффективной в плане укрепления взаимной безопасности. Об этом в Обзоре не говорится ни слова.

Далее в Обзоре говорится, что США начнут двусторонний диалог высокого уровня — как с Россией, так и с Китаем — в целях формирования более стабильных, гибких и транспарентных стратегических взаимоотношений. Стратегический диалог с Россией позволит США разъяснить, что их системы ПРО и будущие американские баллистические ракетные системы большой дальности в обычном оснащении создают

ся для ответа на новые возникающие региональные угрозы и не предназначены для изменения стратегического баланса с Россией.

Целью диалога с Китаем по стратегической стабильности является формирование двустороннего механизма по обмену взглядами сторон на их стратегии, политики и программы в сфере ядерного оружия и других стратегических потенциалов. Такой диалог должен укрепить взаимное доверие, повысить уровень транспарентности и уменьшить подозрения сторон.

В результате улучшения отношений США с Россией необходимость сохранять строгий количественный паритет между двумя странами является не столь острой, как это было в годы холодной войны. Однако большое неравенство в ядерных возможностях может вызвать озабоченности обеих сторон. Поэтому Соединенные Штаты будут добиваться того, чтобы Россия поняла важность присоединения, когда они пойдут на достижение более низких уровней своих СЯС.

В связи с этим Обзор рекомендует следующее¹⁵:

- провести дальнейший анализ по формулированию целей дальнейших сокращений ядерного оружия ниже уровней нового Договора по СНВ, одновременно укрепляя сдерживание в отношении потенциальных региональных противников и стратегическую стабильность в отношении России и Китая, а также укрепляя американские обязательства по отношению к их союзникам и партнерам;
- рассмотреть нестратегические ядерные вооружения обеих сторон в ходе новых переговоров по СНВ с Россией. В то время как США сохраняют сегодня ограниченное число нестратегических (тактических) ядерных средств передового базирования в Европе, а также небольшое количество вооружений, складированных на территории США в целях их возможного развертывания за океаном для осуществления расширенного сдерживания в помощь своим союзникам и партнерам во всем мире, Россия сохраняет гораздо больший потенциал нестратегических ядерных вооружений, значительное количество которых развернуто вблизи территории стран — членов НАТО;
- осуществлять сокращения ядерных сил США таким образом, чтобы сохранять надежность и эффективность гарантий безопасности в отношении союзников и партнеров США.

США в обозримом будущем предпримут следующие меры.

- Сохранят потенциал ядерных сил передового базирования, развернутых на средствах тактической ударной авиации и тяжелых бомбардировщиках, а также удлинит жизненный цикл авиабомб типа *B-61*, включая меры по укреплению их надежности, безопасности и контроля за их применением.
- Снимут с вооружения КРМБ в ядерном оснащении.
- Продолжат сохранять и развивать ударный потенциал большой дальности, дополняющий военное присутствие передового базирования и укрепят региональное сдерживание.
- Продолжат, а если необходимо, то и расширят консультации со своими союзниками и партнерами по мерам укрепления достоверности и эффективности расширенного сдерживания США.

В целях поддержания надежного, безопасного и эффективного ядерного арсенала США предпримут следующие шаги.

- ❑ Не будут проводить ядерных испытаний и ратифицируют ДВЗЯИ.
- ❑ Не будут разрабатывать новые ядерные боеголовки и продлят жизненный цикл боеголовок, уже состоящих на вооружении, в частности W-76 морского базирования и B-61 воздушного базирования. В отношении W-78, размещенных на МБР, они изучат возможность их использования для оснащения БРПЛ.
- ❑ Изучат возможности укрепления надежности, безопасности и эффективности ядерных боеголовок на *штучной* основе.

Все эти запланированные в ядерной политике США шаги на неискушенного наблюдателя могут произвести сильное впечатление. На деле же готовность Вашингтона идти по пути *радикального* сокращения своего ядерного потенциала представляется весьма сомнительной как по объективным, так и по субъективным причинам.

Во-первых, перспективные планы США по модернизации ядерных потенциалов СНВ и тактического ядерного оружия предполагают сохранение ядерного оружия в качестве главного компонента стратегии сдерживания в XXI в. — даже после 2050 г. Во-вторых, у Вашингтона пока нет четкого представления о графике и объемах поэтапного уничтожения ядерного оружия. Президент Барак Обама не обозначил примерный срок выхода на *глобальный ядерный ноль* и не предложил поэтапный план его достижения (как, скажем, было сделано в *глобальном безъядерном плане*, предложенном М. С. Горбачевым). В-третьих, США не призывают своих натовских союзников к ядерному разоружению и говорят о том, что НАТО останется ядерным альянсом до тех пор, пока в мире существует ядерное оружие. Хотя было бы вполне логичным уже сейчас получить твердое согласие других ядерных стран (прежде всего союзников США — Великобритании и Франции) на присоединение к российско-американскому диалогу о ядерном разоружении на каком-то этапе. Коль скоро начнется движение к безъядерному миру, то в перспективе должны быть начаты и пятисторонние, а затем и восьмисторонние переговоры по ядерному разоружению (то есть еще и с участием Израиля, Индии и Пакистана). Но и об этом в Обзоре ничего не сказано.

В то же время на всех международных форумах, где затрагивается тема ядерного разоружения, в том числе и на форумах ООН (например, на Конференции по разоружению, в Первом комитете и Комиссии по разоружению), США из года в год стабильно тормозят ее обсуждение. В апреле 2009 г. (то есть уже при Бараке Обаме) американская делегация заблокировала принятие повестки дня на сессии Комиссии по разоружению, которая предложила приступить к обсуждению вопроса о глобальном ядерном разоружении. По вине Вашингтона не вступили в силу Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) и ДСНВ-2. В 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, органически связанного с СНВ. Важным фактором, способствующим ядерному разоружению, является скорейшее вступление в силу ДВЗЯИ. Но США этот договор до сих пор не ратифицировали, хотя в Обзоре сказано, что администрация сделает все для достижения этой цели.

Таким образом, США без особых церемоний выходили в прошлом из подписанных договоров, если те, по их мнению, не отвечали их национальным интересам. К вышеперечисленному *послужному списку* США в области разоружения можно добавить следующее: они в одностороннем порядке прерывали переговоры по противоспутниковым системам, об ограничении военно-морской деятельности в Индийском океане. США и их союзники по НАТО до сих пор не ратифицировали Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и в значительном объеме нарушают его фланговые и иные ограничения.

Стратегия национальной безопасности США (март 2006 г.), Стратегия национальной обороны США (июнь 2008 г.), а также обновленный в декабре 2008 г. прежней администрацией США Оперативный план 8010-08 (OPLAN 8010-08 Global Deterrence and Strike, план ведения глобальной ядерной войны) предусматривают нанесение упре-

ждающих ядерных ударов по семи странам мира, включая Россию¹⁶. Россия до сих пор фигурирует в военно-стратегических установках Пентагона как «наиболее мощный потенциальный противник Соединенных Штатов». Можно напомнить в этой связи, что после создания ядерного оружия США были готовы применить его в пяти случаях: во время Берлинского (1961 г.) и Карибского кризисов (1962 г.), в период ведения ими войны в Корее (1950–1953 гг.) и во Вьетнаме (1965–1975 гг.), а также в ходе первой операции против Ирака (1990–1991 гг.). У Российской Федерации нет таких планов, а ее новая Стратегия национальной безопасности, в отличие от прежней Концепции национальной безопасности (утвержденной в 1997 г., имевшей поправки, внесенные в 2000 г.), даже не определяет условий применения ядерного оружия.

Американская президентская директива «Национальная космическая политика США», одобренная в августе 2006 г., нацеливала Пентагон на достижение и сохранение американского военного превосходства в космическом пространстве и отказ Вашингтона от ведения каких-либо предметных международных переговоров по вопросу о немилитаризации космоса. Прервав с СССР 30 лет назад в одностороннем порядке переговоры об ограничении противоспутниковых систем, США до недавнего времени продолжали испытывать противоспутниковые средства наземного, морского, воздушного и космического базирования. Действуя в духе рейгановской программы ведения *звездных войн*, Вашингтон в 2000-х гг. имел планы создания ударных космических вооружений класса *космос–земля*, о чем свидетельствовала доктрина «Космические операции», одобренная в январе 2009 г.

При этом надо отметить, что Россия никогда не развешивала и до сих пор не развешивает систему ПРО за пределами своей территории. Соединенные Штаты, напротив, уже давно развернули и модернизировали свои мощные радиолокационные системы (РЛС) ПРО стратегического назначения на территории Великобритании, Дании (Гренландия) и Норвегии. СССР же под давлением американцев в свое время демонтировал Красноярскую РЛС, находившуюся на его территории.

К сожалению, нынешняя администрация США продолжает реализацию программы по оснащению стратегических ядерных носителей обычными боезарядами, что может создать ситуацию неопределенности между ядерными державами, поскольку ни одно государство в мире еще не придумало способа определить, какой боезаряд установлен на уже запущенную стратегическую МБР, БРПЛ, а также крылатые ракеты морского или воздушного базирования большой дальности (свыше 600 км) — ядерный или обычный. Пентагон уже переоборудовал четыре атомных подводных лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) класса *Огайо* под установку КРМБ, оснащенных обычными боезарядами, но при этом не уничтожил пусковые шахты на них, предназначенные под БРПЛ, которые могут нести в общей сложности 768 ядерных боезарядов. Это понижает степень предсказуемости в отношениях между нашими странами, а стало быть, и параметры стратегической стабильности в целом. Переориентирование носителей СНВ под решение неядерных задач имело бы практический смысл только в одном случае — после полного уничтожения ядерного оружия в глобальном масштабе.

В соответствии с принятыми в США военно-стратегическими установками по применению ядерного оружия, из 5576 ядерных боезарядов, находящихся у них на вооружении по состоянию на 1 апреля 2009 г. (сюда включены 500 американско-натовских тактических ядерных боезарядов, размещенных в основном в Европе), в американском *активно-неактивном резерве* находятся в общей сложности около 2800 *оперативно неразвернутых боезарядов* СНВ. Они могут быть в довольно короткие сроки вновь установлены на носителях СНВ. И отнюдь не случайно США вывели *за скобки* сокращений по новому Договору СНВ солидный довесок стратегических ядерных боезарядов *активно-неактивного резерва*, в результате чего сокращения СНВ в реальности будут иметь совершенно иные параметры.

Не содействует планам ядерного разоружения и общая ситуация в сфере контроля над ядерными вооружениями. Несмотря на серьезное улучшение международной обста-

новки и сведение к минимуму вероятности возникновения крупных войн и военных конфликтов между ведущими державами, кардинального уменьшения роли ядерного оружия в мировой политике пока не наблюдается. (Эта тенденция может измениться не ранее чем через 15–20 лет, но если распространение ядерного оружия пойдет по нарастающей, весьма вероятно повышение его роли в новом *ядерном веке*). Напротив, беспрецедентные по масштабам террористические акты и меняющиеся приоритеты угроз ведут к опасному снижению порога применения ядерного оружия, росту вероятности его применения и возможной неконтролируемой эскалации. Этому же способствует дальнейшее распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Что касается тактических ядерных вооружений (ТЯО), то если бы США действительно хотели выйти на равную стартовую позицию с Россией, необходимую для начала обсуждения вопроса о сокращении ТЯО, они должны были бы без всяких условий вывезти подобные средства из Европы на свою территорию в самые короткие сроки. Это уже давно необходимо было сделать, так как полностью исчезли причины, которые побудили США и их союзников разместить эти вооружения в Европе. Во время холодной войны их размещение оправдывалось наличием советских войск в Восточной Европе и существованием Организации Варшавского Договора. Россия, в отличие от США, уже 15 лет не размещает тактическое ядерное оружие (ТЯО) за пределами своей территории. При этом Вашингтону, выступающему за укрепление режима нераспространения ядерного оружия, следовало бы напомнить ключевое положение Договора о нераспространении ядерного оружия: ядерные государства не могут передавать контроль над ядерным оружием неядерным странам, а последние не должны принимать такого контроля. В этом случае речь идет о пяти западноевропейских неядерных странах — участницах ДНЯО, которые тем не менее позволяют США размещать американские ТЯО на своей территории.

Предлагая России новые переговоры о ядерном разоружении, США сознательно программируют для нее *ловушки*. Первая из них — побудить ее оправдываться, почему она придает такую важность ядерному оружию, хотя это ясно всем без каких бы то ни было переговоров. Вторая — втянуть Россию в заведомо проигрышную для нее дискуссию о тактических ядерных вооружениях, которых у России по объективным причинам гораздо больше, чем у США, и которые ей некуда вывозить, кроме как за Урал, что создаст проблемы в российско-китайских и российско-японских отношениях. Третья — заставить Россию доказывать, что эти вооружения не направлены против НАТО. Так стоит ли России идти на такие переговоры?

ВОЗМОЖЕН ЛИ БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР?

Как сказано в Обзоре, осуществление рекомендуемых в нем мер укрепит безопасность США и их союзников и партнеров и позволит осуществить шаги в направлении реализации президентской инициативы по безъядерному миру. Формирование условий, позволяющих США и другим странам отказаться от ядерного оружия, не подвергая риску международную стабильность и безопасность, является императивом. Среди таких условий — прекращение распространения ядерного оружия; гораздо большая транспарентность программ и потенциалов ключевых стран, вызывающих озабоченность; внедрение мер и технологий обнаружения нарушений обязательств в области разоружения; принятие мощных и достоверных гарантий применения силы, достаточных для сдерживания таких нарушений; и, в конечном счете, разрешение региональных конфликтов, которые стимулируют приобретение ядерного оружия. Очевидно, что такие условия сегодня отсутствуют. Однако активное создание этих условий — задача выполняемая, и делать это и необходимо.

Конечно, нет сомнений, что США проведут всеобъемлющее исследование об условиях движения к безъядерному миру. И наверняка оно будет более тщательно продуманно, чем программа поэтапной ликвидации ядерного оружия М.С. Горбачева. Однако нет

сомнений и в том, что США более искусно *разыграют* его в пропагандистских целях, поставив Россию и другие ядерные державы в заведомо проигрышное положение.

Повторю, что в ядерной стратегии и многих выступлениях первых лиц США выражается их намерение развивать стратегический неядерный потенциал с помощью производства новых межконтинентальных баллистических ракет и оснащения их неядерными боезарядами. Этот потенциал, получивший название Быстрый глобальный удар (или глобальный молниеносный удар), БГУ (Prompt Global Strike), полагают в Вашингтоне, предоставит им способность в течение часа поражать с американской территории любые цели в любой точке мира. Именно реализация данной программы и развитие систем ПРО, указывается в доктринальных документах, позволяет США ставить вопрос о сокращении ядерного оружия, в том числе до уровня ниже, чем предусмотрено в новом Договоре СНВ. В самом Обзоре о БГУ не упоминается. Однако прописанные меры военного строительства, в частности переоснащение баллистических ракет обычными боезарядами, говорят о том, что БГУ по-прежнему фигурирует в военной доктрине США.

После прихода в Белый дом Барака Обамы некоторые аналитики полагали, что проект БГУ вскоре будет положен в корзину. Риторика предвыборной кампании Обамы и провозглашенная новой администрацией линия на отход от внешней политики Буша, казалось бы, давали серьезные основания для таких предположений. Вспоминали неудачу с продвижением в 2007 г. через конгресс финансирования одного из направлений БГУ — создания модифицированных баллистических ракет (БРПЛ) *Трайидент-D5*, оснащенных вместо ядерных боевых блоков обычными боеголовками: уж если в период правления Буша. Пентагон не смог *продать* БГУ законодателям, то во времена либерала и миротворца Обамы его судьба предрешена. Ничего подобного, утверждали другие эксперты, проект будет не только сохранен, но и получит развитие, смена президентов на него не повлияет — БГУ нужен Америке. Они оказались правы. Реализация проекта *быстрого глобального удара* вписывается во внешнеполитическую и военную стратегию администрации Барака Обамы так же органично, как и в политику Джорджа Буша. О приоритетности программы БГУ свидетельствует тот факт, что в проекте бюджета на 2011 г. Белый дом запросил на ее развитие 240 млн долл., что на 45 % больше, чем в текущем году. При этом, согласно планам Пентагона, физическое развертывание новых МБР с неядерными боезарядами планируется не ранее 2015 г.

Фактически, речь идет об изменении доктрины сдерживания: Вашингтон стремится приобрести возможность реализовывать функции сдерживания, традиционно выполняемые ядерным оружием, с помощью неядерных вооружений, и при этом сделать потенциал стратегического сдерживания инструментально используемым. Это существенно понизит планку применения США военной силы: сдерживающий барьер, связанный с применением ядерного оружия, исчезнет, в то время как временной отрезок, в течение которого США смогут нанести неядерный удар по тем или иным объектам, сократится. Соответственно, усилится дестабилизация стратегической обстановки. Возрастет стремление многих стран защититься от возможных американских глобальных неядерных ударов, в том числе с помощью ядерного оружия и более совершенных систем ПРО.

Данные планы США, скорее всего, станут в обозримой перспективе одним из серьезных раздражителей в российско-американских отношениях. Россия четко заявила о своем негативном отношении к намерению США создать стратегический сдерживающий потенциал в неядерном оснащении. Как подчеркнул 6 апреля 2010 г. глава МИД РФ С. В. Лавров, «едва ли государства мира согласятся с ситуацией, когда ядерное оружие исчезнет, а вместо этого оружия у отдельных членов мирового сообщества появятся не менее дестабилизирующие вооружения, которые будут в военном и стратегическом планах решать практически те же самые задачи»¹⁷. Москва также дала понять, что будет ставить перед США вопрос о стратегическом неядерном ору-

жи каждый раз, когда Вашингтон будет выходить с инициативой дальнейшего сокращения ядерного оружия.

Существующее соотношение военно-технических возможностей США с одной стороны и РФ с другой знаменует **начало новой эпохи**, в которой единственная военная сверхдержава будет обладать **гарантированной безнаказанностью**, то есть возможностью обезоруживающего удара (с допустимыми/приемлемыми экологическими последствиями) по любому потенциальному противнику, включая РФ. Пока о такой возможности (именно как гарантированной) говорить не приходится, но шансы на успех гипотетического ответно-встречного удара планомерно и расчетливо сокращаются до минимальных значений, в том числе посредством международно-правовых механизмов.

В этом контексте следует оценивать современную политику США в области ядерного разоружения. Радикальная инициатива Обамы по *ядерному нолю* с этой точки зрения закрепляет глобально привлекательный — пацифистский и прогрессистский — образ нового президента США и одновременно выводит на качественно новый уровень глобальную военную гегемонию единственной сверхдержавы.

Впрочем, идея безъядерного мира не слишком популярна в США. Заметно, что военно-промышленный комплекс США, заинтересованный в бессрочном сохранении ракетно-ядерного оружия, начал массивное давление на Обаму с тем, чтобы тот отказался от ранее провозглашенной идеи о безъядерном мире. Признаки колебаний нынешнего хозяина Белого дома проявились уже во время выступления в Праге 5 апреля 2010 г. Обама тогда открыто заявил: «Я не настолько наивен, чтобы думать, что эта цель будет достигнута быстро. Возможно, это не случится даже при моей жизни»¹⁸. Президент также заверил, что Соединенные Штаты будут сохранять *надежный, безопасный и эффективный* ядерный арсенал до тех пор, пока в мире существует ядерное оружие. Получается порочный круг.

В преддверии московских переговоров по выработке нового Договора СНВ, состоявшихся в мае 2009 г., руководимая бывшими министрами обороны США Уильмом Перри и Джеймсом Шлесинджером специально созданная двухпартийная комиссия Конгресса по национальной ядерной стратегии, затронув тему создания безъядерного мира, вновь усилила давление на Барака Обаму. Комиссия подвергла сомнению возможность достижения указанной цели, констатировав: «В настоящее время не существует условий, которые могли бы сделать возможным уничтожение ядерного оружия в глобальном масштабе, и их появление потребовало бы фундаментальной трансформации всемирного политического порядка»¹⁹. Комиссия рекомендовала Белому дому, чтобы до наступления этапа отмеченной *трансформации* США придерживались стратегии *сильного и надежного ядерного сдерживания*.

Движение к безъядерному миру возможно лишь на основе принципов равенства и одинаковой безопасности всех ядерных государств; укрепления стратегической стабильности в целом; недопущения милитаризации космического пространства; отказа от развертывания систем ПРО за пределами национальных территорий; продолжения процесса ядерного разоружения всеми государствами, обладающими ядерным оружием; их *плавного* присоединения к усилиям в этой сфере, уже принимаемым Россией и США; недопустимости принятия на вооружение СНВ в обычном оснащении, то есть создания так называемого *компенсирующего потенциала*; обеспечения гарантий отсутствия у государств *возвратного ядерного потенциала*; блокирования попыток использовать участие в ДНЯО для реализации военных ядерных программ; контролируемого прекращения наращивания обычных вооружений в сочетании с параллельным решением других международных проблем, включая урегулирование региональных конфликтов; и, наконец, пересмотра наступательных агрессивных военно-стратегических установок.

Задача полной ликвидации тактического ядерного оружия в Европе, вероятно, может быть решена лишь тогда, когда в Европе будет построена эффективная система коллективной безопасности. Для этого, как минимум, необходима трансформация НАТО в военную составляющую новой евроатлантической организации с участием России, что позволит поставить вопрос о *нулевом варианте* по ТЯО в Европе.

Имеется еще одна немаловажная проблема, непосредственно связанная с определением уровня минимального ядерного сдерживания. Это ограничение и сокращение ядерного оружия морского базирования. Без ее решения усилия на других направлениях ядерного разоружения, скорее всего, будут обесценены, ибо откроются широкие возможности для интенсивного *перелива* военного соперничества в данное направление гонки ядерных вооружений; *флангового обхода* будущих договоренностей по СНВ и ТЯО. С учетом значительного военно-морского превосходства США и других стран НАТО ядерные вооружения на морях имеют для России в плане сдерживания большое значение. Тем не менее еще СССР в конце 1980-х гг. предложил США начать переговоры о поэтапном сокращении и ликвидации ядерного оружия морского базирования, в ходе первого этапа которых мог бы быть рассмотрен вопрос о ликвидации всего ядерного оружия на надводных кораблях. Видимо, это и привело бы к установлению минимального ядерного сдерживания на морях. Конечно, нынешнее руководство США на такие меры не пойдет. Однако важно держать данный вопрос в двусторонней повестке дня с тем, чтобы вернуться к нему в будущем. Дальнейшие сокращения ядерного оружия были бы связаны с решением других проблем разоружения и с формированием на политическом уровне новой системы международной безопасности.

Радикальное понижение ядерного противостояния не будет реализовано напрямую и сегодня оказывается связанным с решением многих других военных, политических и иных вопросов. В этом плане ядерное разоружение представляет собой лишь часть гораздо более широкого процесса, включающего значительные сокращения вооруженных сил и обычных вооружений и их структурную перестройку на началах ненаступательной обороны. Это может быть реализовано через внедрение в межгосударственные отношения далеко идущих мер доверия, через коренные преобразования отношений Россия–Запад в целом; постепенное замещение военно-силовых инструментов поддержания мира гарантиями безопасности в политической, экономической, экологической и гуманитарной областях; правовое закрепление таких гарантий в соответствующих двусторонних и многосторонних соглашениях. Не подлежит сомнению тот факт, что продвижение к новым уровням минимального ядерного сдерживания по определяемым количественно-качественным параметрам ядерных потенциалов будет способствовать не только преодолению конфронтационных подходов, характеризовавших международную обстановку всего 20 лет назад. Это приведет к глубокой и необратимой перестройке международных отношений на качественно иной основе, а также к зарождению новых структурных элементов механизма взаимной безопасности и формированию необходимых гарантий его эффективного функционирования.

Вероятнее всего, одновременно с развитием данного процесса будут включаться и определенные механизмы торможения. Практика показала, что ядерное разоружение — это материал, обладающий *повышенной сопротивляемостью*, и по мере приближения к рубежу, за которым закончится *контроль над вооружениями* и начнется собственно ликвидация ядерного оружия, сопротивление будет нарастать. Иными словами, достижение уровня минимального сдерживания возможно прежде всего за счет резервов избыточности ядерных арсеналов, но чем дальше, тем труднее будет продвигаться этим путем. В конечном счете именно минимальное ядерное сдерживание может стать непреодолимым барьером к безъядерному миру, ибо достижение минимального согласованного уровня ядерных вооружений, по существу, не затрагивает основ сдерживания и отнюдь не дает ответа на вопрос, *что же в итоге будет*

лежать в основе международной безопасности в безъядерном мире, какова альтернатива сдерживанию?

Одним прыжком перескочить этот барьер и в одночасье покончить с ядерным оружием, как предлагают некоторые, видимо, не удастся, если человечество не увидит, что тот мир, в который оно вступает, будет безопаснее прежнего. Ведь построение безъядерного мира в современных условиях не может, разумеется, пониматься как простой возврат к миру *доядерному*, со всеми его проблемами и противоречиями.

В этом контексте приходится признать, что в условиях разделенного мира задача понижения уровня ядерного противостояния, по всей вероятности, исчерпывается достижением уровня минимального ядерного сдерживания. Для того чтобы полностью преодолеть сдерживание, необходимо преодолеть и существующую в настоящий момент структуру международных отношений, неотъемлемой чертой которой является сохранение пока еще глубоких различий в позициях технологически развитых государств и нестабильности в мире развивающихся стран. Это, вероятно, возможно лишь на основе внедрения в современную систему международных отношений элементов *всемирного федерализма*, позволяющего в перспективе выйти на их кардинальную перестройку по принципу *Соединенных Штатов Мира*. Это была бы централизованно регулируемая система, в которой ее члены добровольно передали бы часть своего национального суверенитета наднациональному демократическому органу. Такой механизм и был бы надежной альтернативой ядерному сдерживанию.

Однако до этого еще очень далеко. В этом контексте и следует рассматривать новую ядерную стратегию США. Речь идет не о романтике и идеализме и не об очередном издании нового мышления а-ля Горбачев, а о прагматичной и просчитанной стратегии. Суть этой стратегии проста: в политическом отношении США — миротворцы и по-прежнему *старшие* на планете; в военном же отношении американские генералы остаются *при своих*. В этом и состоит *ядерный гамбит* Барака Обамы: США в любом случае сохраняют свое подавляющее военное превосходство в высокоточном оружии шестого поколения, оставляя другие ядерные страны, в том числе и Россию с их *ядерным величием*, в ХХ в. 🐘

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках индивидуального исследовательского проекта «Проблемы международной безопасности в посткризисный период», который выполнен при поддержке Программы «Научный Фонд ГУ–ВШЭ». Статья поступила в редакцию осенью 2010 г.

² Nuclear Posture Review. 2010, 6 April, <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf> (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).

³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Статья VI.

⁴ Совместное заявление СССР и США от 8 января 1985 г.

⁵ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons (Advisory Opinion of the International Court of Justice). 1996, 8 July, <http://www.icj-cij.org/docket/files/95/7495.pdf> (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).

⁶ Козин В. П. Прост ли путь к безъядерному миру? *Национальная оборона*. 2010. № 9, сентябрь, <http://www.oborona.ru/283/308/index.shtml?id=3611> (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).

⁷ Nuclear Posture Review.

⁸ Первая революция — внедрение холодного оружия, вторая — огнестрельного, третья — нарезного, четвертая — автоматического, пятая — ядерного.

- ⁹ Военная доктрина Российской Федерации. 2010, 5 февраля, http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. 2009, 12 мая, <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).
- ¹² Nuclear Posture Review.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ От англ. MIRV — multiple independent reentry vehicle, разделяющаяся головная часть с индивидуальным наведением. — *Прим. ред.*
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Norris Robert, Kristensen Hans. Nuclear Notebook: US Nuclear Forces, 2009. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2009, March-April. P. 60, <http://www.thebulletin.org/files/065002008.pdf> (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).
- ¹⁷ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции в связи с предстоящим подписанием Договора между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Москва, 2010, 6 апреля, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/5bb7aa2bcff84ec7c32576fd0049d459?OpenDocument (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).
- ¹⁸ Remarks by President Barack Obama. Prague. 2009, 5 April, http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered/ (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).
- ¹⁹ Perry William, Schlesinger James. America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. Washinbgton, D. C., 2009, http://www.usip.org/files/America%27s_Strategic_Posture_Auth_Ed.pdf (последнее посещение — 15 сентября 2010 г.).

Иван Трушкин

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ЗОНА, СВОБОДНАЯ
ОТ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ:
ОТ ИДЕАЛОВ К РЕАЛЬНОСТИ

«Мы понимаем, что с учетом всех реалий сегодняшнего дня невозможно представить, что ЗСОМУ на Ближнем Востоке может быть создана в одночасье. Но двигаться в этом направлении необходимо. Основные этапы на этом пути известны».
*Из выступления делегации России на третьей сессии
Подготовительного комитета Обзорной конференции по ДНЯО 2010 г.*

Ближний Восток¹ был и остается одним из самых нестабильных регионов мира. Череда революций, прокатившихся по нему в первой половине 2011 г., это только подтвердила. С одной стороны, последние события вынудили правительства стран сконцентрироваться на решении внутренних проблем (зачастую главной из которых остается задача удержаться у власти). С другой — обостряются противоречия внутри региона. Так, значительное усиление Ирана, активно развивающего свою ядерную программу, неприемлемо для большинства государств Ближнего Востока.

Уникальность ближневосточного региона состоит в том, что именно здесь может начаться гонка ядерных вооружений. Способствуют этому, как минимум, три фактора. Первое — оружие массового уничтожения (ОМУ) уже применялось в регионе. Примером тому могут служить атаки с применением химического оружия во время ирано-иракской войны и во время подавления восстания курдов войсками Саддама Хусейна. Второе — обладающий ядерным оружием (хотя официально не признающий это) и не подписавший ДНЯО Израиль в ближайшее время не собирается входить в клуб безъядерных государств. Это не только способствует эрозии режима нераспространения в регионе, но и может подтолкнуть другие страны к созданию собственных ядерных арсеналов. И, наконец, третье — сложные внутрорегиональные отношения (и в частности то, что Израиль по-прежнему не признается в качестве государства большинством арабских стран Ближнего Востока) могут стать ключевым фактором для деформации режима нераспространения.

Вопрос о предотвращении гонки ядерных вооружений на Ближнем Востоке находится на международной повестке дня не первый десяток лет. Наиболее перспективным направлением видится создание безъядерной зоны в регионе. Зоны, свободные от ядерного оружия, уже покрывают значительную территорию земного шара и зарекомендовали себя как эффективное средство уменьшения опасности региональной гонки вооружений.

На Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2010 г. было принято решение о созыве в 2012 г. «конференции по вопросу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов ОМУ, с участием всех государств региона при полной поддержке и участии стран, обладающих ядерным оружием»².

Данная формулировка содержит в себе ключевое противоречие — из нее следует, что в конференции должен принять участие Израиль, который является государством данного региона, но не входит в режим нераспространения ядерного оружия. Кроме того, события начала 2011 г. и череда народных волнений на Ближнем Востоке породили очевидный скепсис по поводу перспектив проведения в 2012 г. региональной конференции по вопросам создания зоны, свободной от ОМУ (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке. Странам попросту может оказаться не до нее — в условиях, когда нужно срочно наводить порядок дома, вопрос о денуклеаризации региона можно отложить в долгий ящик.

ЗОНА, СВОБОДНАЯ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В ДОКУМЕНТАХ ООН И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОГОВОРАХ

Идея о том, чтобы Ближний Восток стал зоной, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), насчитывает более 35 лет. Впервые с предложением о создании на Ближнем Востоке безъядерной зоны выступил в 1974 г. Иран, который тогда находился в дружеских отношениях с Израилем³. Идею поддержали Египет и Сирия, и уже 9 декабря 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 3263 «Учреждение зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке»⁴.

В резолюции указывалось, в частности, что учреждение безъядерной зоны с соответствующей системой гарантий поможет ускорить процесс полного ядерного разоружения под эффективным международным контролем. Решениями Резолюции 3263 стали:

- учреждение ЗСЯО на Ближнем Востоке;
- отказ стран региона от любых попыток приобретения, производства или испытания ядерного оружия;
- призыв ко всем странам региона стать членами ДНЯО.

Израиль, будучи к тому моменту уже ядерным государством, воздерживался от голосования по ближневосточной резолюции в течение нескольких лет, а затем в начале 1980 г. представил собственный проект, выдвигающий в качестве условия создания ЗСЯО на Ближнем Востоке прямые мирные переговоры между государствами региона. Данная инициатива в итоге не была вынесена на голосование, и Израиль присоединился к поддержке ближневосточной резолюции, выдвинутой Ираном и Египтом⁵.

С 1974 г. ближневосточные резолюции, касающиеся создания безъядерной зоны, принимались Генеральной Ассамблеей ООН ежегодно, на основе консенсуса. Основные идеи данных резолюций заключались в следующем⁶:

- необходимость выработки практических и неотложных шагов по учреждению ЗСЯО на Ближнем Востоке;
- призыв к странам региона поставить под гарантии МАГАТЭ все свои ядерные объекты;
- отказ стран региона от приобретения, производства или испытания ядерного оружия;
- призыв присоединиться к ДНЯО к странам, которые еще не сделали этого.

В дальнейшем в резолюциях, посвященных созданию ЗСЯО на Ближнем Востоке, начинает фигурировать вопрос о необходимости введения запрета на военные атаки на ядерные объекты и упоминания о важности мирных переговоров в регионе⁷. Проблема запрета атак на ядерные объекты возникла в 1981 г., когда Израиль, не являвшийся членом ДНЯО, осуществил бомбардировку ядерного объекта Ирака, входящего в ДНЯО⁸.

В 1991 г. Генеральный секретарь ООН опубликовал доклад, посвященный путям достижения ЗСЯО на Ближнем Востоке. В докладе говорилось, что в регионе находится ряд исследовательских реакторов, часть из которых не стоит под гарантиями МАГАТЭ, в то время как для учреждения эффективной ЗСЯО все ядерные установки региона должны быть под международными гарантиями⁹.

Кроме того, в докладе отмечалось, что создание безъядерной зоны серьезно затрудняется тем, что в регионе существует ряд неразрешенных конфликтов¹⁰. Так, до сих пор мир с Израилем на Ближнем Востоке заключили только Египет и Иордания.

Египет и Израиль подписали мирный договор 26 марта 1979 г. Стороны признавали суверенитет друг друга, а также политическую и территориальную независимость. Израильские корабли и торговые суда получили право свободного прохода через Суэцкий канал и Средиземное море. Израиль полностью выводил свои войска с Синайского полуострова в течение трех лет с момента подписания мирного договора. На границе между странами учреждалась система особых зон с ограничением на пребывание вооруженных сил в них. В договоре указывалось на необходимость заключения подобных соглашений не только между двумя странами, но и между арабскими государствами региона и Израилем. Упоминаний же о ядерном оружии в регионе в мирном договоре не было¹¹.

В 1994 г. был подписан мирный договор между Израилем и Иорданией. Стороны обязались признать и уважать суверенитет, территориальную и политическую независимость друг друга. Стороны также обязались воздержаться от применения друг против друга как конвенциональных, так и неконвенциональных вооружений, взяв на себя обязательство работать над этим вопросом в рамках Многосторонней рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности¹².

Первые 20 лет жизни идеи о безъядерной зоне на Ближнем Востоке четко проявили основное противоречие, мешающее ее созданию. Арабские государства региона и Иран видят проблему в неприсоединении Израиля к ДНЯО и отсутствии сотрудничества между Израилем и МАГАТЭ. Для Израиля, в свою очередь, препятствие заключается в нежелании стран региона признать его как государство и сесть за один стол переговоров¹³. Данное противоречие — один из ответов на вопрос, почему до сих пор не была создана безъядерная зона на Ближнем Востоке.

МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ: МАДРИДСКИЙ МИРНЫЙ ПРОЦЕСС

Необходимо отметить, что до начала 1990-х гг. практически не было крупных региональных форумов, на которых государства Ближнего Востока могли бы обсудить идею создания безъядерной зоны. Единственной такой площадкой оставалась Генеральная Ассамблея ООН. Происходило это во многом, как уже было показано выше, из-за нежелания сторон садиться за один стол переговоров. Первым крупным достижением в этой области стал Мадридский мирный процесс.

В октябре 1991 г. в Мадриде прошла конференция с участием государств Ближнего Востока. Цель конференции заключалась в том, чтобы стороны попытались согласовать свои позиции и постарались найти пути выхода из сложившегося положения по вопросам достижения мира в регионе. Конференция не была посвящена только вопросам ядерного нераспространения, однако эта тема активно затрагивалась. Стоит отметить, что незадолго до этого идея ближневосточной безъядерной зоны получила свое логическое продолжение и была расширена до ЗСОМУ. В 1991 г. Египет призвал основные государства — производители оружия поддержать данную идею¹⁴.

В ходе работы мадридской конференции арабские страны выступили в поддержку палестинского населения и выполнения Израилем резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и № 338¹⁵. Израиль же указывал на необходимость признания его со стороны арабских государств. Особый упор делался на то, что Египет смог сломать табу на отношения с Израилем и подписать с ним мирный договор. Именно подписание мирных договоров с Израилем могло бы положить начало миру на Ближнем Востоке¹⁶. Основное требование Израиля заключается в признании его со стороны стран региона.

Одним из последствий мадридской конференции стало учреждение рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности. Первая встреча группы состоялась в Москве в январе 1992 г., последняя — в сентябре 1995 г. в Аммане.

Первый раунд переговоров в Москве включал делегации Иордании, Израиля, Саудовской Аравии и других стран-членов Совета по сотрудничеству в Заливе, Египта, Туниса, Канады, Японии, стран Европы, а также России и США. Прошедшие в мае 1992 г. переговоры в Вашингтоне стали первой встречей сформированной Рабочей группы по вопросам региональной безопасности и контролю над вооружениями. Фактически впервые стороны обсуждали региональную безопасность в составе, включающем Израиль, арабские государства региона, а также крупнейших международных посредников.

Тема ядерного нераспространения была поднята во время третьего раунда переговоров в Москве в 1992 г. Египет выступил с предложением посвятить следующую рабочую встречу группы ядерному разоружению Израиля¹⁷. Спустя две недели Ханс Бликс, бывший на тот момент генеральным директором МАГАТЭ, посетил Израиль. Однако ничем серьезным тот визит так и не закончился.

В ходе четвертого раунда переговоров Египет предложил Израилю поддержать переговоры по ограничению вооружений и вопросам верификации. Египетское предложение было благожелательно встречено Израилем и в ходе работы группы были утверждены долгосрочные цели работы. Участники согласились интенсифицировать работу по ряду направлений.

В январе 1994 г. глава египетской делегации на переговорах Набил Фахми посетил с визитом Израиль, где встретился с Давидом Иври, возглавлявшим делегацию Израиля. Египет пытался вывести вопросы ядерного разоружения на повестку дня многосторонних переговоров как можно скорее, Израиль же настаивал на том, что подобные переговоры возможны лишь после достижения стабильного мира в регионе¹⁸.

Переговоры по ядерному вопросу продолжились и в ходе шестого раунда работы группы в мае 1994 г. в Дохе, однако, несмотря на единство арабов в требовании подписать Израилем ДНЯО, Тель-Авив остался верен своей позиции — сначала мир, потом вступление в режим ядерного нераспространения.

Седьмой раунд переговоров прошел в том же году в Тунисе. Египет предложил обсудить аспекты контроля над ОМУ в регионе. Кроме того, рассматривалось учреждение ЗСЯО на Ближнем Востоке, включая систему выполнения проверок в сотрудничестве с МАГАТЭ. Переговоры закончились без подписания финального документа, однако было решено учредить три региональных центра безопасности и предотвращения конфликтов, расположенных в Аммане, Тунисе и Катаре. Рабочий документ седьмого раунда переговоров говорил о необходимости распространения информации среди стран региона о готовящихся военных учениях, если в них задействовано более 4 тыс. солдат или более 110 танков. Израиль также подтвердил приглашение для арабских стран посетить его военные комплексы¹⁹.

Переговоры рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности в первой половине 1990-х гг. показали, что стороны способны к диалогу, пусть он и давался им непросто. Кроме того, в это время внутри региона существовало понимание того, какие шаги должны способствовать учреждению ЗСОМУ²⁰:

- создание зоны займет несколько лет;
- странам должны быть предоставлены позитивные гарантии безопасности со стороны официальных ядерных держав. Если региональное государство стало жертвой агрессии, то гарант безопасности должен оказать помощь пострадавшей стороне в отражении агрессии;
- обязательным условием является действующая система верификации. Израиль при этом указывал на необходимость существования возможности двусторонних проверок, чтобы избежать зависимости от международного органа контроля (МАГАТЭ), управляемого голосами большинства членов;
- эффективную помощь в процессе создания зоны должно оказать создание атмосферы доверия между государствами;

- Израиль рассматривался как государство, обладающее ядерным оружием, хотя официально он этого и не подтверждал. Ядерное оружие Израиля считалось больше политическим инструментом, чем оружием.

Важно отметить, что безъядерная зона считалась вполне реалистичным проектом, который, тем не менее, требовал для воплощения в жизнь времени²¹. При этом по многим вопросам, включая необходимость предоставления позитивных гарантий безопасности, стороны достигли компромисса.

В чем причина того, что достижения Мадридского мирного процесса не стали той критической массой, которая смогла бы сдвинуть создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке с мертвой точки? На мой взгляд, в первую очередь дело кроется в глубоких, укоренявшихся годами противоречиях. Недаром все страны Ближнего Востока соглашались с тем, что создание ЗСОМУ займет не один год, так как недоверие между государствами региона слишком сильно. Однако Мадридский мирный процесс, завершившийся в середине 1990-х гг., стал беспрецедентным примером сотрудничества арабских государств и Израиля в попытке найти пути выхода из тупиков.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ЗСОМУ И РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Параллельно с работой международных форумов, типа Генеральной Ассамблеи ООН, и многосторонних встреч стран региона, таких как Мадридский мирный процесс, работа над подготовкой к созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке шла в рамках процесса рассмотрения ДНЯО. Упоминания о ближневосточной ЗСЯО вошли в финальные документы обзорных конференций по рассмотрению действия ДНЯО. Так, итоговый документ Обзорной конференции 1985 г. говорит о том, что создание подобной зоны будет способствовать установлению мира и безопасности в регионе и призывает все государства региона поставить свои ядерные мощности под гарантии МАГАТЭ²².

В 1995 г. прошла Конференция по рассмотрению действия и продлению ДНЯО. Значительная часть переговоров на данной конференции была посвящена ближневосточному вопросу. Необходимо отметить, что конференция проходила на фоне определенных успехов Мадридского мирного процесса. Однако с увеличением числа государств, обсуждавших проблему, возможность достижения компромисса значительно усложнилась.

Египет подчеркивал опасность существования на Ближнем Востоке ядерных мощностей, не стоящих под полноохватными гарантиями МАГАТЭ. Каир отмечал необходимость заключения международного или регионального соглашения, которое предотвратило бы опасность существования ядерного оружия в регионе и подтвердило решимость всех государств, включая Израиль, следовать ДНЯО и поставить ядерные установки Израиля под гарантии МАГАТЭ. Египтом было предложено, чтобы официальный процесс переговоров об этом мог бы быть связан с переговорами об учреждении ЗСОМУ. По мнению египетской стороны, вхождение Израиля в ДНЯО могло бы сопровождаться заключением мирных договоров между Израилем и государствами Ближнего Востока²³.

Египет в данном случае старался выступить посредником между арабскими странами и Израилем. С одной стороны, Каир заявлял о необходимости вовлечения Израиля в режим нераспространения, с другой — выдвигал предложение о заключении мира между Израилем и государствами региона. Роль Египта в разрешении данной ситуации сложно переоценить. Думаю, что в связи с последними событиями и сменой руководства в стране Египет постарается сохранить существующую посредническую линию и продолжит выполнять роль миротворца.

Ливан отмечал, что конференция должна серьезнее отнестись к проблеме ядерной программы Израиля, так как она вносит дисбаланс и серьезно угрожает миру и стабильности в регионе. Бессрочное же продление ДНЯО даст Израилю неверный сигнал о том, что он сможет оставаться вне режима нераспространения так долго, как он того

захочет²⁴. Между тем представитель Великобритании в своем выступлении заявил, что невозможно, чтобы Израиль присоединился к ДНЯО в качестве неядерного государства²⁵. Таким образом было понятно, что достижение компромисса, устраивающего все стороны (включая не участвовавший в конференции Израиль) становится все более и более сложным вопросом.

Сирия практически все свои выступления посвятила ядерной программе Израиля. Представители Дамаска заявляли, что Сирия не может согласиться продлить ДНЯО, пока Израиль не присоединится к нему и не поставит свои ядерные объекты под международные гарантии. Новым в выступлении Сирии стало предложение о том, чтобы отложить проведение Обзорной конференции до тех пор, пока не будут исправлены «изъяны Договора»²⁶.

Позиции *Саудовской Аравии* и *Алжира* по вопросу ближневосточной ЗСОМУ во многом оказались похожими. Саудовская Аравия призывала к скорейшему учреждению подобной зоны и выступила с призывом к Израилю присоединиться к ДНЯО и поставить свои ядерные объекты под гарантии МАГАТЭ²⁷. Алжир, в свою очередь, в дополнение к данным требованиям указывал на необходимость усилить давление на Израиль со стороны государств Ближнего Востока, чтобы он как можно скорее вступил в ДНЯО²⁸.

Иран предсказуемо сосредоточился на критике Израиля. Интересно отметить, что представители Ирана сделали прямую увязку между невступлением Израиля в ДНЯО и тем, что ряд государств Ближнего Востока не присоединился к Конвенции о химическом оружии²⁹. По мнению Ирана, это угрожает безопасности региона в целом.

Итогом конференции стала ближневосточная резолюция — компромисс между ядерной пятеркой и арабскими государствами по поводу бессрочного продления ДНЯО. Резолюция постановила учредить на Ближнем Востоке зону, свободную от ядерного или любого иного оружия массового уничтожения и средств его доставки. В резолюции содержится призыв ко всем государствам, не подписавшим ДНЯО, присоединиться к договору и поставить под гарантии МАГАТЭ свои ядерные мощности. Также в резолюцию включен пункт о необходимости усиления переговорного процесса, посвященного созданию ЗСОМУ³⁰.

Надо сказать, что работа над ближневосточной резолюцией проходила непросто. Первоначально подготовленный Египтом и рядом арабских стран проект резолюции, включал осуждение Израиля за неприсоединение к ДНЯО, требовал создания ЗСОМУ в регионе, а также рекомендовал ядерным державам предоставить особые гарантии арабским странам региона. В итоге, после продолжительных переговоров представителей Египта и США резолюция значительно смягчила свои формулировки, а упоминание Израиля вовсе было удалено из нее³¹.

Заместитель главы делегации России на Обзорной конференции 1995 г. С.В. Кисляк, говоря о взаимосвязи бессрочного продления ДНЯО и ближневосточной резолюции отмечал: «Мы вряд ли могли бы согласиться с подходом, при котором само продление ДНЯО обуславливалось присоединением к нему того или иного государства. В то же время мы разделяем иной подход: сначала договариваемся продлить ДНЯО в интересах всех, а затем на этой основе добиваемся подключения к нему всех остальных государств. Многие арабские страны ставили вопрос об Израиле как один из центральных вопросов конференции. У меня сложилось впечатление, что почти все арабские страны остались довольны принятой резолюцией. В конечном счете, решение о бессрочном продлении ДНЯО дает дополнительный рычаг работы со странами-неучастницами, поскольку теперь снимаются их гипотетические возражения, которые могли бы появиться, не будь ДНЯО постоянным»³².

Во многом принятие ближневосточной резолюции стало возможно лишь благодаря давлению ближневосточных государств, которое они оказывали на официальные ядерные державы. Взамен поддержке бессрочного продления ДНЯО они добились интенсификации процесса обсуждения создания ЗСОМУ в регионе.

На следующей Обзорной конференции 2000 г. Главный комитет учредил вспомогательный орган, задачей которого являлся анализ ситуации вокруг создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Им был подготовлен документ из 10 параграфов, вошедший в текст итоговой резолюции. Перекликаясь с ближневосточной резолюцией 1995 г., в документе 2000 г. прямо упоминался Израиль и указывалось на необходимость его присоединения к ДНЯО³³. Необходимо отметить, что Израиль данные требования игнорировал, оставаясь верным позиции о том, что он не должен соблюдать условия договора, который не подписывал.

Обзорная конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. так и не смогла принять итоговый документ, хотя ближневосточный вопрос по-прежнему являлся одним из ключевых. Говоря же в целом о влиянии международных форумов, проводимых в рамках ДНЯО, стоит отметить две вещи. Во-первых, идея безъядерной зоны официально была расширена до ЗСОМУ. Во-вторых, сторонам оказалось гораздо сложнее договариваться между собой в условиях, когда в переговорах принимают участие большое количество стран, зачастую удаленных от региона, и в то же время на них отсутствует Израиль.

Государства Ближнего Востока являются участниками большинства договоров, связанных с режимом ядерного нераспространения. Так, ДНЯО, за исключением Израиля, подписали все страны региона. С расширением же идеи ЗСЯО до ЗСОМУ встал вопрос о соблюдении государствами региона международных соглашений, регулирующих применение химического и биологического оружия.

На сегодняшний день из числа ближневосточных стран Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КХО) не подписали только Египет, Ливан и Сирия. Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) не подписали Алжир и Израиль.

Израиль подписал КХО в 1993 г., но не ратифицировал ее. Официальная позиция Израиля состоит в том, что он не пойдет на подобный шаг, пока арабские государства не подпишут данную конвенцию. Египет мотивирует свою позицию по КХО тем, что Израиль отказывается от участия в ДНЯО. Подобной точки зрения придерживаются так же Ливан и Сирия.

Израиль не ратифицирует КХО, потому что она не подписана Египтом. Египет не подписывает КХО из-за ядерной программы Израиля, наличие которой последний не признает. Египет и Сирия заявляют, что они готовы подписать КХО, как только Израиль уничтожит свои ядерные арсеналы, а также предполагаемые программы по разработке химического и биологического оружия. При этом официальные лица Египта неоднократно давали понять, что для Каира не составит сложности подписать КХО, как только будет решен вопрос с израильской ядерной программой³⁴.

Схожая ситуация обстоит и с применением в регионе Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Из обязательного списка 44-х государств, чья ратификация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) требуется для его вступления в силу, три государства находятся в регионе Ближнего Востока — это Египет, Израиль и Иран, подписавшие, но не ратифицировавшие договор.

Наиболее противоречива ситуация с Израилем, для имиджа которого участие в ДВЗЯИ могло бы стать своеобразной компенсацией нежелания входить в ДНЯО. Израиль подписал ДВЗЯИ 25 сентября 1996 г.³⁵ С учетом его вступления в Конвенцию о запрещении химического оружия можно сказать, что Тель-Авив продемонстрировал миру определенный интерес к режиму контроля над вооружениями. Кроме того, Израиль выступает с позиции, что он является сторонником режима нераспространения, пусть и без участия в ДНЯО³⁶.

До вступления в силу ДВЗЯИ Израиль выделил шесть «сотрудничающих национальных объектов», которые передают информацию в Международный центр данных в Вене³⁷. Сотрудничающие объекты — это израильские сейсмологические станции, которые

регистрируют любые колебания земной коры на территории Израиля. Для того чтобы провести калибровку сейсмологического оборудования, в 2000 г. в Мертвом море был проведен экспериментальный взрыв обычной взрывчатки, куда Израилем были приглашены международные эксперты.

Согласно официальной позиции Израиля, для того чтобы он ратифицировал ДВЗЯИ, должны быть выполнены следующие условия³⁸:

- улучшение общей ситуации на Ближнем Востоке, включая присоединение к ДВЗЯИ стран региона (Сирия и Ливия пока не подписали Договор³⁹);
- создание эффективного механизма проверок в рамках наблюдения за соблюдением выполнения Договора;
- обеспечение равноправного статуса Израиля в функционировании региональной группы в Подготовительной комиссии Организации ДВЗЯИ.

Позиция Египта по поводу ратификации ДВЗЯИ, следуя официальным египетским заявлениям, полностью зависит от позиции Израиля по данному вопросу. Каир неоднократно давал понять, что не станет тянуть с ратификацией, если Израиль продемонстрирует «недвусмысленные намерения» применить договор⁴⁰.

Третьим государством на Ближнем Востоке, чья ратификация обязательна для вступления ДВЗЯИ в силу, является Иран. Ратификация ДВЗЯИ Ираном представляется непростым процессом из-за внутренней оппозиции этому решению. Скорее всего, иранская правящая элита неоднородна в вопросе ядерного досье страны. По-прежнему слишком сильно недоверие к Западу, культивировавшееся на протяжении последних трех десятилетий. И ратификацию ДВЗЯИ следует рассматривать не только в рамках регионального режима нераспространения, а гораздо шире — как свидетельство налаживания отношений Ирана с западным миром, особенно с США.

Таким образом, арабские государства региона, а также Иран не участвуют в ряде ключевых соглашений, способных приблизить создание ЗСОМУ, прикрываясь позицией Израиля. Между тем ратификация ДВЗЯИ Ираном и Египтом укрепила бы режим ядерного нераспространения в регионе, а в случае с Ираном сняла бы часть подозрений о военном характере его ядерных исследований.

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ДНЯО 2010 г.

Обзорная конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г. стала последним на сегодняшний момент крупным международным форумом, который должен был дать ответ на вопрос о том, каким видится будущее ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Общее настроение на конференции выразили США, заявив, что «Ближний Восток в настоящее время представляет самую большую угрозу с точки зрения распространения ядерного оружия. Не все страны данного региона присоединились к ДНЯО, а некоторые страны, являющиеся участниками Договора, нарушают свои договорные обязательства»⁴¹. Таким образом, не называя прямо Израиль, США все же отметили факт наличия неприсоединившегося государства, не забыв при этом указать на страны, «нарушающие свои договорные обязательства».

Особый интерес представляет анализ позиций региональных государств.

Кувейт отмечает, что Израиль остается единственным государством в регионе Ближнего Востока, которое отказывается соблюдать режим ядерного нераспространения и призывает МАГАТЭ приостановить осуществление программы технического сотрудничества с Израилем до тех пор, пока он не присоединится к ДНЯО⁴². Подобные предложения выглядят контрпродуктивными, так как даже минимальный уровень сотрудничества Израиля и МАГАТЭ позволяет говорить о том, что в будущем эта кооперация возрастет.

По мнению представителей *Сирии*, вызывает сожаление тот факт, что государства, обладающие ядерным оружием, добившись бессрочного продления действия ДНЯО в 1995 г., начали расширять помощь Израилю в ядерной сфере, игнорируя опасения, высказы-

ваемые государствами данного региона. В связи с этим Сирия выдвинула предложение определить точные сроки выполнения резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку⁴³.

По моему мнению, попытки выработки детального графика выполнения каких бы то ни было обязательств, когда речь идет о ближневосточном регионе, нежелательны. Слишком непредсказуемо развитие региона в дальнейшем. В то же время нельзя не отметить рациональное зерно в предложении Сирии. Вопросы создания ЗСОМУ требуют безотлагательного поиска решений.

Судан также выступил с предложением разработки конкретного графика выполнения резолюции по Ближнему Востоку, принятой на Конференции 1995 г. При этом, государства — депозитарии данной резолюции должны оказать на Израиль давление с тем, чтобы он присоединился к ДНЯО и поставил свою ядерную программу под гарантии МАГАТЭ. Государства, обладающие ядерным оружием, призывались к тому, чтобы воздержаться от передачи Израилю технологий производства ядерного оружия, а государства — участники ДНЯО, располагающие информацией о ядерной программе Израиля, должны ее обнародовать⁴⁴.

Ключевой в данном случае является идея о том, что именно государства — депозитарии резолюции должны оказать давление на Израиль. Однако это не означает, что страны Ближнего Востока должны полностью переложить на них ответственность и отойти от попыток найти компромиссное решение.

Йемен считает, что израильская ядерная политика может спровоцировать гонку вооружений во всем регионе. Ядерные объекты Израиля должны быть помещены под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ, в связи с чем Совет Безопасности ООН должен принять меры для обеспечения выполнения соответствующих резолюций. Кроме того, должны быть разработаны практические механизмы для создания на Ближнем Востоке ЗСЯО⁴⁵. В реальности предложение о том, что Совет Безопасности ООН примет обязывающую резолюцию, по моему мнению, невыполнимо из-за покровительствующей позиции США по отношению к Израилю.

Накануне Обзорной конференции Генеральный секретарь ООН выпустил доклад, посвященный учреждению ЗСОМУ на Ближнем Востоке, в котором приводится позиция *Израиля* по данному вопросу. Израиль считает реализацию идеи ЗСОМУ частью мирного процесса в регионе. Указывая на ливийскую и иранскую ядерные программы как главных нарушителей режима ядерного нераспространения, Израиль призывает мировое сообщество ограничить распространение технологий по производству ядерного топлива⁴⁶. Данное предложение следует рассматривать в контексте развития ситуации вокруг иранской ядерной программы, которая вызывает серьезные опасения в Израиле.

Принятый в результате работы Итоговый документ Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г. подчеркнул, что резолюция по Ближнему Востоку 1995 г. будет сохранять свою силу до тех пор, пока не будут реализованы поставленные в ней цели и задачи, однако идея указать конкретные сроки реализации резолюции не вошла в финальный документ. Конференция выразила сожаление, что в осуществлении ближневосточной резолюции достигнут лишь небольшой прогресс, и постановила осуществить следующие шаги:

- Генеральный секретарь ООН и соавторы резолюции 1995 г. после консультаций с государствами региона в 2012 г. созовут конференцию с участием всех государств Ближнего Востока по вопросу о создании на Ближнем Востоке ЗСОМУ;
- Генеральный секретарь ООН и соавторы резолюции 1995 г. назначат посредника, который будет уполномочен содействовать осуществлению резолюции 1995 г. путем проведения соответствующих консультаций с государствами региона и осуществлению мероприятий по подготовке к созыву Конференции 2012 г. В 2015 г. посредник должен проинформировать о своей работе Обзорную конференцию по рассмотрению действия ДНЯО;

- Генеральный секретарь ООН и соавторы резолюции 1995 г. после консультаций со странами региона определяют страну, в которой пройдет Конференция 2012 г.;
- МАГАТЭ, Организация по запрещению химического оружия и другие международные организации должны подготовить к Конференции 2012 г. справочную информацию об условиях создания ЗСОМУ и средств его доставки, с учетом ранее проделанной работы и накопленного опыта⁴⁷.

Включение ближневосточной части в финальный документ стало возможно благодаря тому давлению, которое оказывал Египет на США, угрожая заблокировать принятие финального документа, если в нем не будет указания на ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Говоря о заключительном документе, США выразили глубокое сожаление в связи с тем, что в документе особо выделен Израиль, так как, по их мнению, это подрывает создание условий для успешного проведения конференции 2012 г. по обсуждению вопросов, касающихся созданию на Ближнем Востоке ЗСОМУ⁴⁸.

Главным итогом Обзорной конференции 2010 г. для стран Ближнего Востока стало решение о проведении в 2012 г. региональной конференции. Впервые за 15 лет после принятия в 1995 г. резолюции по Ближнему Востоку Обзорная конференция сформулировала конкретные меры по совместным усилиям, направленным на создание на Ближнем Востоке ЗСОМУ⁴⁹.

Израиль отреагировал на решение Обзорной конференции достаточно резко. Оно было названо «глубоко ошибочным и лицемерным шагом». Реальной проблемой для режима нераспространения ОМУ, по мнению Израиля, являются страны, которые подписали ДНЯО и нарушили его — Ирак при Саддаме Хусейне, Ливия, Сирия и Иран. Как не подписавший ДНЯО, Израиль заявил о том, что не считает себя обязанным выполнять решения Обзорной конференции и не может принять участие в реализации ближневосточной резолюции⁵⁰.

Еще до начала конференции 2012 г. Израиль заявил о том, что не примет участия в ней. Однако официальный Тель-Авив скорее озвучил свою обычную позицию по данному вопросу. Важно то, что ближневосточным государствам вновь удалось поставить вопрос о ЗСОМУ в регионе на повестку дня и договориться о проведении регионального форума. Предложения, которые могли бы обсуждаться на данном форуме, уже сформулированы. Особого внимания достойны предложения Российской Федерации и арабские инициативы, так как они представляются наиболее конструктивными.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ РОССИИ

Президент России Д. А. Медведев, выступая в ходе пресс-конференции в мае 2010 г. в Сирии, заявил: «На Ближнем Востоке должна быть создана безъядерная зона, безъядерный регион, потому что иное развитие событий будет означать региональную, а в целом даже, может быть, и глобальную катастрофу»⁵¹. Данное заявление в очередной раз продемонстрировало заинтересованность России в выработке решений по созданию ЗСОМУ в регионе.

В 2009 г., в ходе работы третьей сессии Подготовительного комитета Обзорной конференции по ДНЯО, делегацией России был озвучен ряд шагов, которые могли бы приблизить создание подобной зоны. В выступлении отмечалось понимание, что создание ЗСОМУ неразрывно связано с ближневосточным мирным процессом, что с учетом всех реалий региона такая зона не может быть создана в одночасье. Однако также отмечалось, что основные шаги, которые могли бы предпринять страны Ближнего Востока, уже выработаны.

В качестве конкретных мер Россия предложила провести «международную конференцию или встречу с участием всех заинтересованных сторон с целью рассмотрения перспектив осуществления ближневосточной резолюции в ее целостном виде». Кроме

того, Россия выдвинула идею о назначении спецкоординатора, «который был бы уполномочен провести консультации со странами региона по этому вопросу, имея в виду его последующий доклад в ходе обзорного процесса о результатах такой работы»⁵².

Российская Федерация особо отмечала растущие энергетические потребности региона и тот факт, что многие государства проявили заинтересованность в развитии мирной атомной энергетики. В связи с этим Россия предложила странам совместно развивать на недискриминационной основе многосторонние подходы к мирному атому. В совокупности с учреждением ЗСОМУ и постановкой ядерных мощностей под полноохватные гарантии МАГАТЭ данное предложение способствовало бы укреплению режима ядерного нераспространения.

Еще одной мерой доверия, способствующей реализации резолюции 1995 г., по мнению российской стороны, могло бы стать обязательство государств региона не создавать или не развивать мощности по обогащению урана и химической переработке отработавшего ядерного топлива. Данное предложение должно быть подкреплено обеспечением гарантированных поставок ядерного топлива через механизм многосторонних подходов к ядерному топливному циклу. В качестве инициативы по реализации предложения Россия отметила Международный центр по обогащению урана в Ангарске и создаваемый при нем гарантийный запас НОУ для предоставления по запросу МАГАТЭ странам — участницам ДНЯО в случае возникновения проблем с коммерческими поставками ядерного топлива⁵³.

Введение на Ближнем Востоке односторонних запретов на производство расщепляющихся материалов для военных целей способствовало бы снижению градуса напряжения в регионе. Иран, который неоднократно заявлял о своем неприятии ядерного оружия и соблюдении всех международных договоров в сфере ядерного нераспространения, мог бы стать первой страной в регионе, официально отказавшейся от возможности производства подобных материалов. На мой взгляд, это могло бы преследовать сразу две цели: во-первых, значительно ослабить позиции противников ядерной программы Ирана, а во-вторых, усилить нажим на Израиль по поводу присоединения к подобному запрету.

В данном контексте интересно следующее заявление: признавая растущий интерес к развитию ядерной энергетики в странах — участниках на Ближнем Востоке, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия высказали намерения отказаться от приобретения чувствительных технологий, связанных с ядерным топливным циклом, таких, как обогащение урана и отделение плутония. В частности, ОАЭ приняли решение, предусматривающее запрет на разработку, создание или функционирование установок по обогащению урана или переработке отработанного топлива в пределах их границ⁵⁴.

Предложение России, озвученное в ходе подготовки к Обзорной конференции 2010 г. о возможном участии стран Ближнего Востока в работе Международного центра по обогащению урана и Гарантированного запаса ядерного топлива придает идее об отказе стран региона от производства расщепляющихся материалов реалистичный тон.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Израиль неоднократно заявлял, что он выступает за режим ядерного нераспространения, даже без вступления в ДНЯО⁵⁵. Израиль указывает на то, что применимость ДНЯО в регионе ограничена, так как «три из четырех широко известных случаев несоблюдения ДНЯО имели место на Ближнем Востоке»⁵⁶. При этом Израиль неоднократно заявлял, что ставит создание ЗСОМУ по приоритетам выше, чем участие в ДНЯО⁵⁷. Напомню, что подобная зона, по мнению Израиля, может быть создана только после достижения мира в регионе.

Действительно, сложно ожидать учреждения ЗСОМУ без урегулирования палестино-израильского конфликта. Однако это не должно становиться причиной отсутствия прогресса в переговорном процессе. Как отмечают внутренние наблюдатели, араб-

ские страны продолжают консультации друг с другом и разработку путей учреждения ЗСОМУ, ожидая, когда к процессу подключится Израиль⁵⁸.

В 2002 г. Совет арабских государств одобрил проект Арабской мирной инициативы, основанный на плане Саудовской Аравии. Согласно данной инициативе, Израиль призывался к следующим шагам:

- полный вывод израильских войск с оккупированных с 1967 г. территорий;
- согласие на выполнение резолюции ООН № 194 (о Палестине);
- согласие на учреждение независимого суверенного Палестинского государства на оккупированных Израилем территориях Западного берега и сектора Газа, со столицей в восточном Иерусалиме.

В свою очередь арабские государства готовы были пойти на следующие шаги:

- признание арабо-израильского конфликта завершённым, подписание мирных договоров с Израилем и обеспечение безопасности всех государств региона;
- установление нормальных взаимоотношений с Израилем в контексте всемирного мира;
- привлечение международного сообщества, всех заинтересованных стран и организаций для поддержки мирной инициативы⁵⁹.

Несмотря на то что данное предложение не было принято Израилем, следует отметить непрерывающуюся работу, проводимую государствами региона с целью продвижения мирного процесса. Реализация подобного соглашения между Израилем и арабскими государствами региона способствовала бы установлению мира на Ближнем Востоке и, в конечном итоге, созданию ЗСОМУ.

КОНФЕРЕНЦИЯ–2012 — ПУТЬ К БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ЗСОМУ?

В конце мая 2011 г. во французском городе Довиль состоялся саммит G8. После событий на АЭС Фукусима-1 вопросы ядерной безопасности стояли в числе приоритетных на повестке дня саммита. Однако несмотря на наибольшую интенсивность обсуждений путей противостояния ядерному терроризму и усиления контрольной деятельности МАГАТЭ, вопрос о ближневосточной конференции 2012 г. был рассмотрен отдельным пунктом. Это говорит о том, что главы государств *Восьмерки* не отказываются от идеи проведения конференции в следующем году. При этом арабские государства и Иран видят формирование ЗСОМУ шагом, который мог бы приблизить мир в регионе. Однако создание подобной зоны невозможно, пока Израиль остается вне ДНЯО, обладает ядерным оружием и не желает поставить под гарантии МАГАТЭ все свои ядерные объекты. Израиль же, в свою очередь, выдвигает требование признать его в качестве государства арабскими странами и Ираном и заключить с ним мирные соглашения.

Мадридский мирный процесс, завершившийся в середине 1990-х гг., стал беспрецедентным примером сотрудничества арабских государств и Израиля в попытке найти пути выхода из тупиков. Видится, что Конференция 2012 г. могла бы продолжить начатое в Мадриде переговорное дело. В круг вопросов, рассматриваемых конференцией, могут войти:

- ратификация ДВЗЯИ всеми государствами региона;
- заключение соглашения о ненападении на ядерные объекты государств региона;
- рассмотрение возможности использования международного банка ядерного топлива в качестве альтернативы отказу от производства расщепляющихся материалов;

- ❑ рассмотрение возможности учреждения регионального агентства по верификации и мониторингу в случае, если Израиль откажется поставить свои ядерные объекты под контроль МАГАТЭ;
- ❑ рассмотрение путей присоединения Израиля к режиму ядерного нераспространения.

Ратификация ДВЗЯИ всеми государствами региона может стать первым шагом на пути к денуклеаризации региона. Ситуация, когда страны прикрываются позицией соседа, оправдывая свое нежелание вступать в договор, просто недопустима и должна быть преодолена. Ратификация ДВЗЯИ — важная мера на пути к реализации идеи создания ЗСОМУ в регионе⁶⁰.

Государствам Ближнего Востока необходимо последовать примеру Индии и Пакистана⁶¹ и заключить соглашение о взаимном отказе от нанесения ударов по ядерным объектам друг друга. Это могло бы значительно снизить градус напряжения в регионе и улучшить отношения между странами. Подобные примеры сотрудничества между странами, которые далеки от доверия друг к другу, внушают оптимизм по поводу перспектив переговоров на Ближнем Востоке.

Основные принципы системы мониторинга и верификации уже разработаны⁶². Разумеется, в таком регионе, как Ближний Восток, существуют опасения, что проверки могут служить прикрытием для сбора стратегической информации, впоследствии использованной против своих противников⁶³. Однако учреждение ЗСОМУ потребует от государств региона гораздо большей открытости, чем существует сейчас.

Израиль указывает на то, что МАГАТЭ зачастую неспособно гарантировать отсутствие ядерных военных программ на территории государств, являющихся его членами. Однако существует пример Бразилии и Аргентины. Согласно подписанному 18 июля 1991 г. соглашению между Аргентиной и Бразилией о мирном использовании ядерной энергии, оба государства обязались использовать ядерный материал, находящийся под их юрисдикцией и контролем исключительно в мирных целях. В соглашении прописан запрет на ядерные испытания и обязательство поставить все ядерные материалы в Общую систему учета и контроля ядерных материалов (ОСУК). Было учреждено Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов (АБАКК), задача которого состоит в управлении и осуществлении ОСУК⁶⁴.

Учреждение АБАКК способствовало снижению напряженности в отношениях между двумя странами. Подписанное до вступления Аргентины и Бразилии в ДНЯО данное соглашение в итоге значительно укрепило режим нераспространения в регионе и сыграло свою роль в укреплении доверия в аргентино-бразильских отношениях.

Государства ближневосточного региона самостоятельно выбирают, какие гарантии они хотят проводить — международные гарантии МАГАТЭ или учредить особый контрольный орган, который отвечал бы за мониторинг и проверки⁶⁵. В связи с этим учреждение ближневосточного контрольного органа — задача вполне решаемая.

Предложение об использовании международного банка ядерного топлива в качестве альтернативы отказу от производства расщепляющихся материалов должно быть серьезно рассмотрено. За последние несколько лет ряд арабских стран проявил интерес к атомной энергетике, мотивировав это дефицитом энергоресурсов, а также желанием выручить больше средств за счет перевода нефти с внутреннего потребления на внешние рынки. Это поднимает вопрос об обеспечении потенциальных АЭС ядерным топливом, в связи с чем перечисленные предложения России приобретают особую актуальность.

Существуют экспертные предложения о том, что Израиль мог бы заключить соглашение со странами — депозитариями ДНЯО, которое включало бы намерение сотрудничать с международной системой экспортного контроля ядерных материалов, запрет на испытания ядерного оружия или любых иных ядерных взрывных устройств, призыв к уничтожению накопленных расщепляющихся материалов для военных целей, запрет на использование или угрозу использования ядерного оружия против кого бы то ни было⁶⁶. Реализация подобного соглашения значительно приблизила бы создание ЗСОМУ.

Не стоит ожидать от конференции 2012 г. немедленного решения вопроса создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Однако от нее нужно ждать выработки *дорожной карты* — плана того, как странам региона необходимо двигаться на пути к ЗСОМУ. Вопрос денуклеаризации Ближнего Востока — это в первую очередь вопрос политической воли. На экспертном уровне за последние 35 лет уже проделана огромная работа, которая могла бы лечь в основу будущей зоны. 🗨️

Примечания

¹ За границы Ближнего Востока в данном исследовании берется определение экспертов МАГАТЭ от 1989 г. Согласно ему, Ближний Восток — это территория от Ливии на западе до Ирана на востоке и от Сирии на севере до Йемена на юге.

² Заключительный документ Конференции 2010 г. участников ДНЯО по рассмотрению действия договора. NPT/Conf.2010/50 (Vol. I).

³ Official Records of the General Assembly. Twenty-ninth Session, Annexes, agenda item 101, document A/9693/Add.3.

⁴ Resolution 3263 «Establishment of a nuclear-weapon-free zone in the region of the Middle East».

⁵ Baumgart Claudia and Muller Harald. A Nuclear Weapons-Free Zone in the Middle East: A Pie in the Sky? *The Washington Quarterly*. 2004/05, winter. P. 47.

⁶ Примерами подобных резолюций являются резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3263 (1974), 3474 (1975), 31/71 (1976), 32/82 (1977), 33/64 (1978), 35/147 (1980), 36/87 (1981).

⁷ Примером может являться Резолюция 49/71 от 9 Января 1995 г.

⁸ UN General Assembly Resolution 36/87, 9 December, 1981.

⁹ Effective and Verifiable Measures Which Would Facilitate the Establishment of a Nuclear-weapon-free Zone in the Middle East. Report of the UN Secretary-General. N.Y., 1991. A/45/435. P. 17.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Treaty of Peace between the Arab Republic of Egypt and the State of Israel. 1979, 26 March, http://www.mfa.gov.eg/MFA_Portal/en-GB/Foreign_Policy/Treaties/Treaty+of+Peace+between+the+Arab+Republic+of+Egypt+and+the+State+of+Israel+26+March+1979.htm (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

¹² Treaty of Peace Between the State of Israel and the Hashemite Kingdom of Jordan, <http://www.mfa.gov.il/MFA/Peace%20Process/Guide%20to%20the%20Peace%20Process/Israel-Jordan%20Peace%20Treaty> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

¹³ Effective and Verifiable Measures Which Would Facilitate the Establishment of a Nuclear-weapon-free Zone in the Middle East. Report of the UN Secretary-General. N.Y., 1991. A/45/435. P. 18.

¹⁴ Осуществление статьи VII ДНЯО. Справочный документ, подготовленный Секретариатом ООН. 1995 г. С. 6.

¹⁵ The Madrid Conference Opening Speeches. Statement of the Hashemite Kingdom of Jordan, <http://www.mfa.gov.il/MFA/Archive/Peace%20Process/1991/ADDRESS%20BY%20DR%20KAMEL%20ABU%20JABER%20-%2031-Oct-91> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

¹⁶ The Madrid Conference Opening Speeches. Statement of Israel, <http://www.mfa.gov.il/MFA/Archive/Peace%20Process/1991/ADDRESS%20BY%20MR%20YITZHAK%20SHAMIR%20-%2031-Oct-91> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

¹⁷ The Arms Control & Regional Security Working Group — a Chronology. Foundation for Middle East Peace. Settlement Report. Vol. 6 № 7. 1996, November, <http://www.fmep.org/reports/special-reports/arms-control-proliferation-in-the-middle-east/the-arms-control-regional-security-working-group-a-chronology> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ J. Leonard, J. Prawitz. The Middle East as a NWFZ or WMDFZ application. *Excerpts from Pacifica Review*, 1999. Vol. 11, № 3. 1999, October. P. 263–263.

²¹ Там же.

- ²² Final Declaration of the Third Review Conference of the NPT 1985.
- ²³ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Summary Record of the 6th Meeting, <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/21ee.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ²⁴ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Summary Record of the 18th Meeting, <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/21c6.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ²⁵ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Summary Record of the 3rd Meeting, <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/213e.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ²⁶ Как продлевали Договор о нераспространении. *Ядерный контроль*. 1995. № 6, июнь. С. 7.
- ²⁷ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Summary Record of the 11th Meeting, <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/2176.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ²⁸ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Summary Record of the 17th Meeting, <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/2186.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ²⁹ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Summary Record of the 8th Meeting, <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/21e2.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ³⁰ Resolution on the Middle East. The Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. NPT/Conf.1995/32 (Part I), Annex, <http://disarmament.un.org/wmd/npt/1995RESME.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ³¹ Орлов В. ДНЯО продлен бессрочно. Кто выиграл? *Ядерный контроль*. 1995. № 6, июнь. С. 2.
- ³² Кисляк С. Россия выступила против того, чтобы расколоть конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных. *Ядерный контроль*. 1995. № 6, июнь. С. 16.
- ³³ Stoiber Carlton. The Evolution of NPT Review Conference Final Documents, 1975–2000. *The Nonproliferation Review*. 2003, Fall-Winter. P. 144
- ³⁴ The Middle East and Nonproliferation: An Interview with Nabil Fahmy, Egypt's Ambassador to the US. *Arms Control Today*, September 2008.
- ³⁵ State of Israel. Conference on Facilitating the Entry into Force of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty. 1999, 7 October, <http://www.iaec.gov.il/docs/IAEC19.pdf> (последнее посещение — 14 декабря 2009 г.).
- ³⁶ Statement by Dr. Shaul Chorev, Director General Israel Atomic Energy Commission to the 53rd General Conference of the IAEA. 2009, September.
- ³⁷ Тимербаев Роланд. Ближний Восток и атомная проблема. *Ядерный контроль*. 2003. № 3 (69). С. 40.
- ³⁸ Перспективы вступления в силу ДВЗЯИ, http://www.nasledie.ru/oboz/N03_01/3_17.HTM (последнее посещение — 14 декабря 2009 г.).
- ³⁹ Status of signature and ratification. CTBTO Preparatory Commission, http://www.ctbto.org/the-treaty/status-of-signature-and-ratification/?states=1®ion=8&no_cache=1&submit.x=28&submit.y=6 (последнее посещение — 14 декабря 2009 г.).
- ⁴⁰ The Middle East and Nonproliferation: An Interview with Nabil Fahmy, Egypt's Ambassador to the US. *Arms Control Today*, September 2008.
- ⁴¹ Конференция 2010 г. участников ДНЯО. Краткий отчет о 2-м заседании. NPT/Conf.2010/SR.2. п. 34.
- ⁴² Конференция 2010 г. участников ДНЯО. Краткий отчет о 5-м заседании. NPT/Conf.2010/SR.5. п. 40.
- ⁴³ Там же. п. 106.
- ⁴⁴ Конференция 2010 г. участников ДНЯО. Краткий отчет о 6-м заседании. NPT/Conf.2010/SR.6. п. 56.
- ⁴⁵ Конференция 2010 г. участников ДНЯО. Краткий отчет о 8-м заседании. NPT/Conf.2010/SR.6. п. 45–46.
- ⁴⁶ Establishment of a nuclear-weapon-free zone in the region of the Middle East. Report of the Secretary-General. Addendum. A/63/115 (Part I)/Add.1.

- ⁴⁷ Заключительный документ Конференции 2010 г. участников ДНЯО по рассмотрению действия договора. NPT/Conf.2010/50 (Vol. I). С. 35–36.
- ⁴⁸ Конференция 2010 г. участников ДНЯО. Краткий отчет о 16-м заседании. NPT/Conf.2010/SR.16. п. 32.
- ⁴⁹ Конференция 2010 г. участников ДНЯО. Краткий отчет о 16-м заседании. NPT/Conf.2010/SR.16. п. 38.
- ⁵⁰ Statement by Govt of Israel on NPT Review Conference Middle East resolution. 2010, 29 May, http://www.mfa.gov.il/MFA/Government/Communiques/2010/Statement_Government_Israel_NPT_Review_Conference_29-May-2010.htm (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ⁵¹ Совместная пресс-конференция с Президентом Сирии Башаром Асадом по итогам российско-сирийских переговоров. 2010, 11 мая, <http://www.kremlin.ru/transcripts/7710> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ⁵² Выступление делегации РФ на третьей сессии Подготовительного комитета Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО по вопросам реализации резолюции по Ближнему Востоку, принятой на Конференции 1995 г., по рассмотрению и продлению действия ДНЯО. Нью-Йорк, 4–15 мая 2009 г.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Осуществление резолюции по Ближнему Востоку, принятой на Конференции 1995 г., участников ДНЯО по рассмотрению и продлению действия Договора. Справочный документ, подготовленный Секретариатом
- ⁵⁵ ООН. NPT/Conf.2010/14. С. 9.
- ⁵⁶ Statement by Dr. Shaul Chorev, Director General Israel Atomic Energy Commission to the 53rd General Conference of the IAEA. 2009, September.
- ⁵⁷ Пленарное заседание Генеральной конференции МАГАТЭ. GC (52)/OR.10. 2008, 4 октября. С. 5.
- ⁵⁸ Statement by Dr. Shaul Chorev, Director General Israel Atomic Energy Commission to the 53rd General Conference of the IAEA. 2009, September.
- ⁵⁹ Shaker Mohamed I. The Middle East Issue; Possibilities of a Nuclear-Weapons-Free Zone. <http://www.opanal.org/Articles/Aniv-30/shaker.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ⁶⁰ The Arab Peace Initiative. The Council of Arab States at the Summit Level at its 14th Ordinary Session, <http://www.al-bab.com/arab/docs/league/peace02.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).
- ⁶¹ Statement by the Russian Delegation at the First Session of the Preparatory Committee for the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons on establishment of Nuclear-Weapon-Free Zone in the Middle East.
- ⁶² В 1991 г. между Индией и Пакистаном было подписано соглашение о взаимном ненападении на ядерные объекты друг друга. В феврале 1999 г. была принята Лахорская декларация, в которой указывалось на необходимость принятия немедленных мер по снижению риска случайного или несанкционированного использования ядерного оружия. В июне 2004 г. было решено учредить прямую «горячую» линию между министрами иностранных дел Индии и Пакистана, чтобы предотвратить «взаимное непонимание» в критических ситуациях и снизить риск ядерного конфликта.
- ⁶³ См., например, Building a Weapons of Mass Destruction Free Zone in the Middle East. Global Non-Proliferation Regimes and Regional Experiences. UNIDIR (United Nations Institute for Disarmament Research). 2004. P. 98–100.
- ⁶⁴ Claudia Baumgart and Harald Muller. A Nuclear Weapons-Free Zone in the Middle East: A Pie in the Sky? *The Washington Quarterly*. 2004/05, winter. P. 51.
- ⁶⁵ Ядерное нераспространение. Под общей редакцией В. А. Орлова. ПИР-Центр, 2002. Т. II. С. 400.
- ⁶⁶ Effective and Verifiable Measures Which Would Facilitate the Establishment of a Nuclear-weapon-free Zone in the Middle East. Report of the UN Secretary-General. N.Y., 1991. A/45/435. P. 11.
- ⁶⁷ Avner Cohen and Thomas Graham Jr. WMD in the Middle East: A Diminishing Currency. *Disarmament Diplomacy*. Issue No. 76, March/April 2004. <http://www.acronym.org.uk/dd/dd76/76actg.htm> (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, НОВЫЕ ОТВЕТЫ

В апреле 2012 г. состоится саммит по ядерной безопасности в Сеуле. На повестке дня будут как вопросы ядерной безопасности, так и ядерного терроризма. Насколько отличаются подходы России и США в этих сферах? Нужно ли России полностью копировать зарубежный опыт? Как связаны между собой вопросы ядерного нераспространения и обеспечения безопасности ядерных материалов? Эти вопросы были в центре внимания участников круглого стола, который был проведен ПИР-Центром совместно с фондом NTI в рамках проекта «Пути ядерного разоружения».

*С основным докладом выступил профессор, контр-адмирал, начальник ФГУ 12 ЦНИИ Министерства обороны РФ **С.Ф. Перцев**. В дискуссии приняли участие заведующий лабораторией Института безопасного развития атомной энергетики РАН С.Е. **Антипов**; генерал-лейтенант (в отставке), старший вице-президент ПИР-Центра Г.М. **Евстафьев**; консультант Booz Allen Hamilton Inc Д.А. **Ковчегин**; директор УПМСФ АНО Аспект-Конверсия Е.П. **Маслин**; президент ПИР-Центра В.А. **Орлов**; заместитель директора департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ О.В. **Рожков**; заместитель директора департамента международного сотрудничества Государственной корпорации Росатом А.В. **Убеев**¹.*

С.Ф. ПЕРЦЕВ (12 ЦНИИ): Ядерное оружие в современных условиях остается и в обозримой перспективе будет оставаться важнейшей составной частью вооружения нашего государства, одним из основных гарантов защиты его национальных интересов и безопасности. В то же время по своей физической сути оно таит в себе реальную угрозу государству, обществу и человеку в случае возможных аварий, техногенных катастроф и диверсий. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности ядерного оружия на всех этапах его жизненного цикла (разработка, изготовление, эксплуатация, разборка и утилизация) всегда было и остается задачей государственной важности.

Ядерная безопасность оружейного комплекса обеспечивается по четырем направлениям: технологический контроль выполнения требований по ядерной безопасности, техническое состояние оборудования, квалификация персонала и дисциплина, техническое обеспечение локализации и ликвидации последствий аварийных ситуаций.

Безопасность ядерных зарядов и ядерных боеприпасов всех видов ядерного оружия постоянно повышается, внедряются компьютеризированные системы учета и контроля ядерных материалов, совершенствуется система физической защиты. Безопасность ядерных боеприпасов доведена практически до уровня обычных боеприпасов.

Осознание чрезвычайной ответственности за обладание ядерным оружием привело к тому, что в России проблема обеспечения безопасности ядерного оружия приобрела особую государственную значимость и в новых социально-политических условиях требует безотлагательного, заблаговременного и каждодневного практического решения.

Подтверждением этому является принятие правительством РФ в 1996 г. постановления «О первоочередных мерах по обеспечению безопасности ядерного оружия», во исполнение которого в России создана и функционирует государственная система обеспечения безопасности ядерного оружия. Она охватывает все уровни государственного управления и предназначена для реализации государственной политики в области обеспечения безопасности ядерного оружия. Функционирование системы осуществляется на основе принципа персональной ответственности должностных лиц за безопасность ядерного оружия в пределах их компетенции.

С момента создания ядерного оружия любой инцидент с ним рассматривается как **чрезвычайная ситуация**. При этом авария с ядерным оружием имеет геополитическое значение, и затраты по ликвидации ее последствий огромны.

В Российской Федерации создана единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Учитывая особый характер работ с аварийным ядерным оружием, в рамках этой государственной системы создана функциональная подсистема реагирования и ликвидации последствий аварий с ядерным оружием в РФ.

Функциональная подсистема реагирования и ликвидации последствий аварии с ядерным оружием организуется на базе специальных аварийных служб и специальных аварийных формирований госкорпорации *Росатом* и министерства обороны России с привлечением сил и средств других ведомств в пределах их задач и функций в рамках единой государственной системы.

На крупных полномасштабных учениях Вооруженных сил Российской Федерации и Федерального агентства по атомной энергии, под кодовым названием *Авария-2004* проведенных в 2004 г. и связанных с обеспечением безопасности ядерного оружия, был отработан и продемонстрирован перед мировым сообществом (присутствовали 48 наблюдателей из 17 государств — членов НАТО) практически весь комплекс мероприятий и работ, осуществляемый при решении данной проблемы. Важным итогом данных учений является то, что Россия доказала мировому сообществу, что российский ядерный боезапас находится под надежной защитой и по всем принятым в ядерных державах критериям ядерной безопасности не уступает мировым стандартам, а по некоторым показателям (в частности по критериям устойчивости к несанкционированным действиям) и превосходит их.

Качество решения проблемы ядерной безопасности во многом зависит от эффективности **нормативно-правового регулирования** в рассматриваемой области. Суть нормативно-правового обеспечения безопасности ядерного оружия заключается в создании нормативных правовых документов, регламентирующих права, обязанности, ответственность органов государственной власти, организаций и предприятий при осуществлении этой деятельности.

В настоящее время в Российской Федерации с учетом реалий времени сформирована, действует и продолжает совершенствоваться система нормативных правовых документов всех уровней: от федерального (законы, основы, концепции) до ведомственного, охватывающая вопросы обеспечения безопасности ядерного оружия на этапах его жизненного цикла: создания, хранения на ядерных арсеналах, утилизации.

В условиях постоянно возрастающей угрозы международного ядерного терроризма Министерством обороны принимаются все надлежащие меры по обеспечению **физической защиты и антитеррористической устойчивости** объектов хранения ядер-

ного оружия. Проводимые в Министерстве обороны организационные и технические мероприятия позволяют обеспечить безопасность ядерного оружия.

В основу обеспечения сохранности ядерного оружия положены охрана и оборона ядерно опасных объектов с использованием технических средств охраны как в местах хранения ядерного оружия, так и при транспортировании автомобильным и железнодорожным транспортом ядерных боеприпасов для их последующей утилизации.

На объектах хранения ядерного оружия и ядерных материалов Министерства обороны проводятся работы по совершенствованию систем охраны путем поэтапного внедрения современных технических средств охраны, начиная от хранилища с ядерными боеприпасами и заканчивая периметром базы хранения ядерных боеприпасов, так называемых интегрированных комплексов.

Работа по совершенствованию физической защиты и повышение защищенности объектов хранения ядерного оружия Минобороны России осуществляются по двум направлениям: в рамках государственного оборонного заказа (ГОЗ) и международного сотрудничества.

В рамках ГОЗ совершенствование систем физической защиты ядерно-опасных объектов осуществляется в соответствии с «Единым планом проведения работ по совершенствованию физической защиты и охраны особо важных объектов Вооруженных сил Российской Федерации на период с 2004 по 2015 гг.».

Особая роль в обеспечении антитеррористической защищенности ядерно опасных объектов отводится интегрированным охранным комплексам инженерно-технических средств охраны, основными задачами которых являются своевременное обнаружение террористических и диверсионных групп, максимальное предотвращение и задержка несанкционированных действий, а также оценка ситуации и корректировка действий подразделений охраны при ведении боевых действий по блокированию и уничтожению нарушителей.

Учитывая тот факт, что обеспечение безопасности ядерного оружия становится все более интернациональной проблемой, в последнее время активно идет процесс **интеграции России в международно-правовую систему в области ядерной безопасности**. Международное сотрудничество в области обеспечения ядерной безопасности сегодня направлено на осуществление основных целей: уменьшение опасности возникновения ядерного конфликта; совершенствование механизма предотвращения распространения ядерного оружия; сокращение и ликвидацию ядерного оружия на многосторонней основе; предоставление взаимопомощи в случае ядерной аварии.

Одним из наиболее существенных итогов саммитов *восьмерки* в последние годы стало оформление Глобального партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения и принятие *Плана действий группы восьми* по нераспространению оружия массового уничтожения. Имеющийся положительный опыт и полученные реальные результаты такого партнерства позволили внедрить в российскую систему обращения с ядерным оружием много современного оборудования: аварийно-спасательный инструмент, суперконтейнеры, дозиметрические системы, полиграфы, оборудование по выявлению наркотиков и алкоголя в организме человека, компьютерную технику.

Наиболее существенную практическую помощь в области безопасности хранения и транспортировки ядерного оружия оказывают США и Германия. Это сотрудничество осуществляется с 1995 и 2003 гг. (соответственно) на основе принятых межправительственных и межведомственных соглашений.

На сегодняшний день в результате сотрудничества с США модернизированы технические средства охраны на нескольких десятках объектов хранения ядерного оружия Министерства обороны Российской Федерации (ВМФ, ракетных войск стратегического назначения и 12-го Главного управления Министерства обороны Российской

Федерации), на ряде объектов проводятся работы. Оплачена перевозка ядерных боеприпасов для утилизации на предприятиях ГК *Росатом* несколькими сотнями железнодорожных эшелонов.

В ходе сотрудничества с Германией проводится модернизация технических средств охраны на трех объектах хранения ядерных боеприпасов 12-го Главного управления.

Таким образом, по состоянию на сегодняшний день все базы хранения оборудованы инженерными препятствиями и средствами обнаружения нарушителя, а также современными охранными комплексами, удовлетворяющими российским и международным требованиям. Отмечу, что возможность обеспечивать требуемый уровень безопасности на ядерных арсеналах в современных условиях является основным и наиболее важным результатом реализации международных соглашений.

В течение ближайших лет планируется завершить модернизацию охранных комплексов объектов хранения ядерного оружия.

В братиславском заявлении президентами России и США от 24 февраля 2005 г. признано, что состояние защиты ядерных объектов России и США удовлетворяет современным требованиям.

В июле 2006 г. президентами России и США на саммите *Большой восьмерки* в Санкт-Петербурге была выдвинута инициатива, которая позже была оформлена как Глобальная инициатива по борьбе с актами ядерного терроризма (ГИБАЯТ).

Минобороны России принимает участие в реализации ГИБАЯТ. В частности, наши эксперты активно работают над совершенствованием «Модельного руководства по архитектуре ядерного обнаружения», разработка проекта которого в апреле этого года стала фактически первым важнейшим практическим результатом трехлетней работы ГИБАЯТ.

По нашему мнению, представителям России и США как стран-учредителей ГИБАЯТ целесообразно еще раз в двустороннем формате рассмотреть и доработать «Модельное руководство по архитектуре ядерного обнаружения» и уже такой совместный вариант документа вынести на одобрение стран — участников ГИБАЯТ.

В заключение хочу отметить, что позиция Министерства обороны России по обсуждаемой сегодня проблеме четкая и внятная — Россия предпринимает со своей стороны все необходимые меры для обеспечения надежной защиты своих ядерных арсеналов. Эти меры мы реализуем с конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого столетия с учетом тенденций, складывающихся в динамично меняющейся политической и социально-экономической обстановке как в России, так и в мире в целом. В начале 90-х гг. был выведен весь ядерный арсенал из государств бывшего СССР, оптимизировано количество и размещение мест хранения ядерного оружия, в том числе подлежащего утилизации.

Безопасность ядерного оружия всегда была и остается существенной составной частью национальной безопасности государства. Проблема обеспечения безопасности ядерных арсеналов относится к классу сложных организационно-технических задач, ее решение носит комплексный характер, и в настоящее время можно с достаточной уверенностью сказать о надежном обеспечении безопасности на ядерных арсеналах России.

О.В. РОЖКОВ (ДЕПАРТАМЕНТ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗОРУЖЕНИЯ МИД РФ): Я считаю, что тема, обсуждаемая сегодня, чрезвычайно важна, и она с самого начала поставлена в правильном контексте. Во вступительном слове С.Ф. Перцев уже отразил то, что было сделано и делается в России. Отталкиваясь от того, что было сказано, и если смотреть дальше в будущее, правомерно задать вопрос. Допустим, мы решили проблему обеспечения безопасности ядерных материалов, оружия, установок на территории РФ. Допустим, эта проблема прекрасно

решена в США и еще в трех-четырех государствах, обладающих ядерным оружием. Будет ли от этого обеспечена глобальная безопасность?

Все прекрасно знают, что в мире, помимо государств, обладающих ядерным оружием, есть более полусотни государств, которые развивают атомную энергетику и имеют значительные запасы ядерных материалов, радиоактивных материалов. Есть также страны, которые сейчас вступают на путь развития мирного применения атомной энергии, а значит, работы по сохранению, учету и контролю будут необходимы и в дальнейшем, причем в возрастающих масштабах.

Россия, США и другие страны, развитые в ядерной области, так или иначе сталкиваются с вопросами сохранности ядерных и радиоактивных материалов. Однако есть значительное число государств, которые имеют очень слабое представление о том, что нужно делать для обеспечения необходимого уровня сохранности таких материалов. Нужно обратить их внимание на внедрение тех норм ядерной безопасности, которые разрабатываются и рекомендуются МАГАТЭ, на создание современных систем учета и контроля за ядерными материалами и т.д. В этом состоят основные задачи саммита на нынешнем этапе.

Вопросы обеспечения сохранности ядерного оружия, военных установок — это слишком чувствительные вопросы. Как уже отмечалось при запуске Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма, защищенность ядерных материалов находится под пристальным вниманием, в настоящее время должный уровень обеспечивается. Все государства, обладающие ядерным оружием, несут ответственность за его сохранность. Отмечу, что в первую очередь это ответственность соответствующих государств в личном национальном качестве и в меньшей степени предмет широкого международного сотрудничества.

А.В. УБЕЕВ (ДЕПАРТАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГК РОС-АТОМ): Существует несколько вопросов. Во-первых, хорошо ли это — запугивать дальше? Во-вторых, не перегибаем ли мы палку с нагнетанием необходимости борьбы с ядерным терроризмом, с повышением безопасности? И, наконец, как мы будем дальше продвигать ядерную энергетику? Цель состоит вовсе не в том, чтобы в рабочем плане и коммюнике лидеров звучало только «Усилить, ужесточить!», а в том, чтобы показать *преимущество* атомной энергетики с учетом энергетического кризиса в мире. Я считаю, что это мнение не только представителей *Росатома*.

Представители многих индустриальных стран согласны в том, что необходимо четко показать роль атомной энергетики — разумеется, с соблюдением всех норм и стандартов безопасности. Другого выхода в сегодняшней энергетической ситуации, кроме развития атомной энергетики, в том числе и с учетом саммитов по Киотскому протоколу, просто нет. В этом состоит задача, на которую я хотел бы обратить внимание, в этом ключе стоит рассматривать и будущее атомной энергетики.

В течение последних лет — с января 2006 г. — разрабатывалась и реализуется инициатива президента о многосторонних подходах к ядерно-топливному циклу.

В 2009 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, в которой поручил гендиректору подписать соглашение с Российской Федерацией о создании гарантийного запаса низкообогащенного урана. Создание региональных центров — это реальный вклад в нераспространение, разумеется, если они будут находиться в очень ограниченном числе мест и под гарантиями МАГАТЭ.

Е.П. МАСЛИН (АСПЕКТ-КОНВЕРСИЯ): Так сложилась судьба, что десятки лет я занимаюсь вопросами ядерного оружия. Где-то в начале 1960-х гг. мне приходилось работать вместе с коллегами из *Минсредмаша*. Тогда объекты 12-го Главного управления (12 ГУ МО) помогали догонять США и создавать ядерный паритет. В 1962 г. я не был на Кубе, но ядерные боеприпасы, собранные и при моем участии, туда отправились. Затем в 1960-е гг. — это Восточная Европа. На территории всех наших союзников по Варшавскому договору были ядерные боеприпасы. И тогда я еще даже не задумывался

мывался над вопросами безопасности. Но вы можете на мгновение представить, что во фронтовой операции планировалось использовать до 700 ядерных боеприпасов — представьте себе Европу, где идет война и во фронтовой операции используются 700 ядерных боеприпасов! А ведь на сегодняшнем семинаре никто не вспомнил, что запускались в наших планах до 1000 боеголовок в одну сторону, а в ответном ударе еще 1000. Были такие понятия, как ответно-встречный удар. Если уничтожать — то сразу всех. Слава богу, эти времена прошли, и самое главное, что закончилось противостояние идеологий.

Когда существовали идеологические проблемы, когда социализм, переходящий в коммунизм, рассматривался как следующая стадия развития человечества после капитализма, когда было понятно, что если Третья мировая война будет, то будет ядерной, было сложно представить себе безопасность так, как она представляется сегодня.

Здесь много говорилось о совместных усилиях в вопросах ядерной безопасности. Само понятие *ядерной безопасности* не такое простое, как концепция обычной безопасности. В понятие ядерной безопасности входят такие аспекты, как безопасность хранения, безопасность перевозок, безопасность в защите от терроризма и т.д. Раньше считалось, что на первом месте среди главных опасностей стоит возможность несанкционированного применения. Сейчас эти проблемы ушли. Сейчас, на мой взгляд, мы занимаемся *прозаическими* проблемами по сравнению с тем, что было несколько десятилетий назад. Ядерная безопасность становится *выше*, чем меньше боеприпасов становится в мире.

Что касается идеи безъядерного мира, то мне как-то предложили высказать свое мнение по поводу движения *Global Zero*. Это движение предлагает конкретный первоначальный план освобождения земного шара от ядерного оружия к 2030 г. И когда меня спросили, как я к этому отношусь, я сказал, что это идея для нынешнего поколения бредовая, но когда-то надо начинать думать и об этом, понимая, что это за оружие.

Ядерное оружие давно стало политическим. Но если мы все понимаем опасность распространения, мы должны идти по пути сокращения ядерного оружия (кстати, это прописано в ст. VI ДНЯО). Я считаю, когда две стороны, которые обладают большими ядерными арсеналами, сократят до определенного предела свои боеголовки, тогда надо подключать и другие ядерные страны, сесть за стол переговоров и подумать, что делать с ядерным оружием в дальнейшем.

Один из вопросов, который прямо влияет на ядерную безопасность, — это так называемая Программа надежности персонала. Пока ядерное оружие существует, люди, которые эксплуатируют его, должны быть определенным образом подобраны, чтобы не было *человеческого фактора* и повышалась надежность.

Начиная с 1990-х гг. все технические средства охраны ограничивались колючей проволокой и датчиком под названием *Кристалл*. Если порвешь эту проволоку, туда прибегут два человека с автоматами. Но тогда были таблички, на которых было написано «Запретная зона». Тогда даже понятия терроризма не было в Советском Союзе, поэтому и объекты в начале 1990-х гг. были такими. Вскоре были приняты меры по повышению ядерной безопасности, особенно, когда Украина хотела стать ядерным государством и очень не хотела отдавать боеприпасы, которые были на ее территории. В настоящее время военные арсеналы почти все оборудованы, как уже говорил С.Ф. Перцев, отличными новыми средствами физической защиты.

В заключение мне хотелось бы выразить надежду, что будут все-таки выработаны практические шаги в плане ядерной безопасности. Да, МАГАТЭ должно функционировать. Но это может до бесконечности продолжаться — все эти резолюции, по сути, не решают проблем. А ведь технологии производства ядерного оружия сегодня уже понятны. И террористы в них тоже разбираются. Я, конечно, сомневаюсь, что какая-нибудь террористическая организация соберет заряд и произведет штатный ядерный взрыв. Это маловероятно. Но где-то собрать радоновые отходы, положить,

взорвать и учинить большую панику среди населения — уже возможно. Это нельзя игнорировать.

Сейчас в первую очередь политические деятели должны задумываться о том, чтобы в конечном счете мир стал безъядерным, потому что других проблем у человечества выше крыши: и потепление климата, и конец ресурсам... Пора задумываться, как на Марс лететь, а мы все угрожаем друг другу. Однако возможность применения ядерного оружия до конца не снята и вряд ли будет снята в ближайшее время, и над этим надо серьезно задуматься.

Д.А. КОВЧЕГИН (BOOZ ALLEN HAMILTON): В настоящее время ключевой проблемой, одним из главных вопросов в рамках российско-американского сотрудничества является обеспечение долгосрочной работоспособности тех усовершенствований, которые уже были достигнуты. Работа по этой проблематике дает хорошую пищу для размышлений. Из этой работы можно вынести достаточно много уроков как для будущего российско-американского сотрудничества в этой области, так и для сотрудничества с третьими странами во всем мире.

Прежде всего я хотел бы отметить, что обеспечение ядерной безопасности — это не какое-то фиксированное состояние, а циклический процесс, то есть мы не можем сделать проект, прикрутить датчики, возвести заборы и потом почивать на лаврах. У нас постоянно меняются угрозы, у нас постоянно меняется ситуация вокруг ядерных материалов. Соответственно, нам постоянно нужно анализировать эти угрозы и под эти угрозы разрабатывать соответствующие механизмы защиты от них.

Таким образом, необходимо работать над созданием *процессов*, в рамках которых обеспечивается ядерная безопасность, результатом которых является устойчивое функционирование системы ядерной безопасности. Надо развивать возможности по обеспечению ядерной безопасности на местах, а не постоянно поддерживать помощь извне. В противном случае мы столкнемся с такой ситуацией, когда *доноры* будут вынуждены постоянно давать деньги на усовершенствование. Российско-американское сотрудничество началось в середине 1990-х гг. Прошло 15 лет. И то оборудование, которое было поставлено в середине 1990-х гг., уже морально и физически устарело. И мы не можем постоянно продолжать процесс замены одного и того же оборудования. Это тупиковый процесс как для стран-*доноров*, так и для тех стран, которые выступают в роли реципиентов.

В рамках этого циклического процесса основное внимание необходимо уделять оценкам угроз, которым мы должны противостоять, и оценке адекватности тех решений, которые мы применяем к этим угрозам. Нам нужно учитывать, что не существует универсальных подходов, то есть мы должны учитывать то, что в США один спектр угроз, в России — другой, в Пакистане — третий, и т.д. Мы должны создавать нашу систему *под конкретную угрозу на местах*. Соответственно, не существует универсального решения, которое, скажем, Соединенные Штаты могут предложить России или Соединенные Штаты вместе с Россией могут предложить третьим странам.

Поэтому я считаю, что одним из ключевых элементов сотрудничества является достижение согласия по методикам, с помощью которых мы оцениваем угрозы и оцениваем эффективность тех систем, которые мы разрабатываем. Оба процесса критически важны, они предоставляют ту информацию, от которой мы отталкиваемся. И я считаю, что, если правильно определена проблема в рамках этого процесса, то решение найти значительно проще, и любой из разумных руководителей ядерного объекта или каких-то военных структур, имея адекватную информацию о реальной угрозе, приложит все возможные усилия для ее устранения.

Таким образом, необходимо работать над этими двумя процессами, а также необходимо оказать поддержку усилиям по реализации этих процессов в тех странах, где это не было проведено по тем или иным причинам. США и Россия достаточно далеко продвинулись, и эти процессы фактически стали *рутиной* на американских и россий-

ских ядерных объектах. В других странах это не так. Следовательно, нужно распространять эту практику и на третьи страны.

Что касается обмена информацией о конкретных угрозах, он всегда вызывал определенные сложности как с российской, так и с американской стороны. Вместе с тем обмен конкретной информацией относительно угроз может способствовать пониманию озабоченностей партнеров и установлению взаимного доверия. Такой обмен также неизбежен в рамках отношений «донор–реципиент», когда сторона-донор для получения гарантий целевого использования средств должна обладать определенной информацией о проблемах стороны-получателя.

Следующий момент, на который я бы хотел обратить внимание, — это то, что мы не можем рассматривать ядерную безопасность в отрыве от общей ситуации. Если мы возьмем российско-американское сотрудничество, поводом, одной из основных причин для его начала послужило не какое-то конкретное событие непосредственно в области ядерной безопасности. Главной причиной для начала этого сотрудничества послужил распад Советского Союза и весь спектр экономических, политических и социальных проблем, которые в связи с этим возникли.

Ядерная безопасность не является изолированной проблемой, не является единственным приоритетом, ради которого все остальное приносится в жертву. У директора ядерного объекта масса других проблем, он должен все свое внимание и все свои ресурсы каким-то образом распределять между вопросами ядерной безопасности в смысле *security*, ядерной безопасности в смысле *safety*, зарплатами сотрудников, увеличением доходов своего предприятия и т.д.

Такая ситуация создает, с одной стороны, проблемы и риски, когда конкурируют разные приоритеты, а с другой — она предоставляет определенные возможности для более эффективного решения существующих проблем. То, что у нас проблемы ядерной безопасности интегрированы с другими вопросами, может позволить нам использовать какие-то ресурсы из прилегающих областей, в том числе для решения вопросов ядерной безопасности. И на самом деле такое видение, такое понимание ситуации, как правило, существует *на местах* ядерных объектов. Люди на более высоком политическом уровне, которые руководят сотрудничеством, пока уделяют этому недостаточно внимания.

Соответственно, основную роль должны играть организации, ответственные за обеспечение ядерной безопасности. Ситуация, может быть, немного отличается в вооруженных силах, где существует определенная иерархия, а в области мирного использования непосредственно ответственным за обеспечение ядерной безопасности является руководство ядерного объекта. Эти люди, эти организации, работающие на низовом уровне, лучше всего понимают свои проблемы, они должны формировать *запрос* на те направления сотрудничества, которые наилучшим образом способствуют решению их интересов. А люди на государственном уровне, на политическом уровне, те, кто принимают участие в саммитах, они соответствующим образом должны анализировать информацию, поступающую снизу, и создавать условия для эффективной работы этих организаций.

В самом начале сотрудничества был хороший пример того, как это примерно должно реализовываться. Это так называемое межлабораторное сотрудничество *lab-to-lab cooperation*, когда специалисты с российских и американских ядерных объектов могли работать непосредственно друг с другом. Сейчас, когда я наблюдаю за непосредственным взаимодействием специалистов на низовом уровне, это производит приятное впечатление, и именно на таком уровне видно, что сотрудничество продвигается вперед, и от этого есть действительная польза.

Я бы хотел сделать несколько выводов. Во-первых, необходимо учитывать проблемы и интересы на местах в тех странах, в которых существуют непосредственные угрозы ядерной безопасности. В связи с этим необходимо разъяснять существующие проблемы и угрозы, а не навязывать свое видение. Иногда складывается такая ситуация,

когда страна-донор навязывает свое видение стране-реципиенту, с тем чтобы реализовать свои подходы к обеспечению ядерной безопасности.

Во-вторых, вопрос обеспечения ядерной безопасности нужно рассматривать в более широком контексте. У нас есть примеры России в 1990-е гг., когда большинство проблем происходило извне, из общей ситуации. У нас есть Пакистан в настоящее время, когда проблемы ядерной безопасности завязаны на более широком контексте. Все это нужно принимать во внимание, нужно анализировать.

К сожалению, мы не можем решить проблемы ядерной безопасности только работой с ядерными объектами, мы не можем ограничиться только возведением заборов и прикручиванием датчиков. Нам необходима обратная связь от людей, непосредственно занимающихся обеспечением ядерной безопасности.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Я был членом российской делегации на Московском саммите 1996 г. по ядерной безопасности. Мне кажется, сейчас был упущен один момент. Саммит 1996 г. подвел итог огромной работы, проделанной в России, по нормализации ситуации вокруг ядерных объектов, и это было признано. Именно с саммита 1996 г. мы стали разговаривать на равных с другими участниками процесса и нас стали по-настоящему слушать. Он проходил в Кремле, обстановка была потрясающая, и внимание к участникам тоже было потрясающее.

Теперь о нераспространении. Должен вам сказать, что когда мы все виним Абдул Кадыр Хана в том, что он что-то распространял, это не совсем точно, потому что Абдул Кадыр Хан имел дело только с государственными структурами иностранных государств. Он не имел дело с *Аль-Каидой* и всеми остальными людьми. Это все пропускают мимо ушей.

С.Ф. ПЕРЦЕВ: Д.А. Ковчегин поднял хорошие вопросы, в том числе и теоретического плана. Если я правильно его понял, требуется конкретный обмен информацией по оценке угроз. Никто не противится такому подходу. Я приведу короткий пример, когда у нас в начале 1990-х гг. была программа по оценке эффективности анализа уязвимости объекта. Американцы, разработавшие программу, базировались на известной программе *Салли*. Но программу-комплекс нам передали, а вот базу данных — нет. Открытость тут двоякая. Поэтому мы продолжаем методически взаимодействовать с доктором Барсоном, который читал лекции и проводил обучение. В то же время мы адаптируем эту программу к нашим условиям, привязываем к конкретным объектам, к территориям. Она не может быть единой для всей России. Там учитывается криминогенная обстановка, много факторов, которые важны для того, чтобы она работала на пользу.

Дмитрий Алексеевич также отметил, что страна-донор, как правило, навязывает свое видение проблемы ядерной безопасности. Как показывает наш опыт взаимодействия с американскими партнерами, особенно в последнее время, мы не ощущаем этого давления. Они говорят: «Ищите свои варианты, находите решения». Единственное, где возникает спор, — это когда мы предлагаем некий образец оборудования, а они говорят, что он дорогое и нужно найти подешевле. Тем не менее, мы находим компромиссы. Навязывания мы не ощущаем.

С.В. АНТИПОВ (ИНСТИТУТ БЕЗОПАСНОГО РАЗВИТИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ РАН): С 1995 г. я принимал активное участие в российско-американских программах сотрудничества по созданию систем физзащиты, контроля и учета, в том числе и на объектах 12 ГУ МО и в институте 12 ГУ МО, под Сергиевым Посадом. Поэтому все, о чем сегодня говорили, я, что называется, пощупал, через свое сердце пропустил. Но я бы хотел начать свое выступление с тематики, несколько отстраненной от проблем ядерной безопасности.

Не знаю, известно ли вам, что у военных медиков существует принцип: после боя в первую очередь помощь оказывают легко раненым. Только после этого приступают к оказанию помощи раненым средней степени тяжести и только потом — тяжело

раненным. Кажется это не очень гуманным: лежит, мучается тяжело раненный человек, а его некоторое время не замечают, пока решают более легкие проблемы. На самом деле в этом есть глубокий смысл. Если вы начнете оказывать помощь тяжело раненному — больше никому помощи вы уже не окажете. А за это время легко раненный станет среднетяжелым, средние — тяжелыми, и общие потери увеличатся.

Как развивалась логика отношений наших иностранных партнеров к тому, какие объекты сотрудничества в тот или иной период времени являются наиболее важными? Мы говорим о проблеме нераспространения. Она состоит, на мой взгляд, из двух частей. Одна часть — это опасность возникновения новых ядерных государств, то есть попадание ядерных материалов, ядерного оружия, технологий в руки тех государств, которые сегодня не относятся к *ядерному клубу*. И вторая составляющая — попадание этих материалов в руки террористов, будь то одиночки, группы или организации.

И здесь появляется новый нюанс. Если для первых интересно само ядерное оружие с точки зрения обороны, а может быть, и нападения, то для вторых интересные и радиоактивные материалы, и радиоактивные отходы, именно отсюда пошло понятие *грязной бомбы*. *Грязная бомба* — это не то самодельное ядерное устройство, которое часто упоминают: сделал *на коленке* — оно пшикнуло. На самом деле это может быть обычное взрывчатое вещество или самолет с горючим, который падает в хранилище радиоактивных отходов и заражает местность. Вот на эти вещи в течение длительного периода начала сотрудничества наши партнеры не обращали внимания.

Я приведу пример из взаимодействия с нашими американскими коллегами. Поначалу в 1995 г., когда мы приступили к физзащите объектов Военно-морского флота, у них была жесткая директива: рассматриваем только те объекты, на которых либо есть ядерные боеприпасы, либо есть свежее ядерное топливо, высокообогащенное. Все остальное — неинтересно. Это ваши проблемы — мы на это денег не выделяем. Проходит некоторое время. Здесь, надо сказать, и события 11 сентября не в последнюю очередь, наверно, сказались. Становится интересной защита отработанного ядерного топлива. США начинают выделять деньги на перевозку отработанного ядерного топлива с баз на комбинат *Маяк*, на его переработку, на создание парков контейнеров, специальных эшелонов и т.д.

Мы поднимаем вопрос о том, что у нас существуют радиоизотопные термоэлектрические генераторы (РИТЕГи). Это автономный источник питания, рассчитанный на десятки лет, который ставится, как правило, на маяках и каких-то труднодоступных местах и выдает небольшое количество электроэнергии, но он очень радиоактивен. Они стоят в абсолютно безлюдных местах и в этом смысле не защищены. И если террористы их оттуда похитят, они могут быть использованы с очень большим ущербом для всего населения планеты. Наши иностранные коллеги, кроме норвежцев, этим вопросом не интересовались. На сегодня, по результатам инициированного нами семинара контактной экспертной группы МАГАТЭ в Осло в 2005 г., уже пять государств — Норвегия, США, Канада, Франция, Финляндия — выделяют деньги для решения этой проблемы. Начиная с 2005 г. 250 РИТЕГов сняты с труднодоступных точек, вывезены на предприятия *Росатома*, разобраны и утилизированы. Работа эта продолжается. Таким образом, осознание, что, кроме тяжело раненных, нужно решать проблему средне и легко раненных, начинает проявляться.

В завершение. Кто-то когда-то рассматривал объекты Академии наук в качестве ядерных, радиационно-опасных объектов? Минатом — да. Минобороны — да. Но оказалось, что более 70 институтов на сегодня, а до этого более 150 институтов работали с радиоактивными веществами, и там есть радиоактивные отходы. И поскольку не было той железной дисциплины, как в *Средмаше*, то много остается неизвестно до сих пор: где, что и в каком качестве лежит. А ведь многие институты академии находятся в крупных городах. Вице-президент академии академик Н.П. Лаверов выступил с инициативой заняться физзащитой и этих объектов, в которой в качестве перво-

очередного шага предложен список из 12 наиболее уязвимых институтов. Мы нашли понимание. Два института уже завершают усовершенствование систем физзащиты. Я думаю, на остальных развиваться события будут так же.

В заключение скажу, конечно, нельзя пользоваться принципом медиков: оставим тяжелых, займемся легкими, — но нельзя им и пренебрегать. Иными словами, работа над большими опасными угрозами, нельзя забывать об угрозах менее опасных. Менее опасных в смысле последствий, но, возможно, более вероятных.

А.Г. САВЕЛЬЕВ (ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИМЭМО РАН): Е.П. Маслин говорил, что в начале 1990-х гг. система охраны была у нас в виде колючей проволоки. Мне было бы интересно узнать, что ответили бы на вопрос, насколько надежна система охраны объектов, если бы его задали тогда? Сказали бы, что великолепная система охраны. Вот и сейчас все говорят. Мне просто интересно, чем нынешние системы охраны и предупреждения принципиально отличаются от прошлых.

С.Ф. ПЕРЦЕВ: И в 1990-е гг., и сейчас надежность боезапаса была обеспечена. Просто надежность и ядерная безопасность обеспечивается тремя составляющими: *первая* — организационные меры, *вторая* — организационно-технические мероприятия, и *третья* — конструктивно-технические решения. Это три столба, три принципа, которые лежат в основе всех мероприятий. Раньше больше внимания уделялось организационным мерам. Если говорить проще — вместо охранного взвода был полк. Доли каждой составляющей меняются.

Сейчас у нас национальная концепция обеспечения ядерной безопасности заключается в том, что приоритетным направлением являются конструктивно-технические решения, на втором месте стоят организационно-технические мероприятия, а на третьем месте — организационные меры. В организационно-технические меры входит нормативно-правовое регулирование, инструкции, положения, наставления, снизу доверху — до федеральных законов, о которых я частично говорил. Эта составляющая должна быть оптимальной. На мой взгляд, сейчас она носит рациональный характер. Я думаю, это сочетание в настоящий момент очень хорошее. И раньше оно было рациональным (в 1990-е, 80-е, 70-е гг.), но доли были разными. Поэтому тогда можно было и с колючкой обходиться, и как Евгений Петрович сказал: видит красный знак, написано «стоп», и никто не пойдет, а сейчас пойдет из любопытства, из великого и демократического подхода.

Работа над проблемой ядерной безопасности никогда не останавливается. Все время нужно задумываться, потому что устаревают технологии, нужно менять, модернизировать, нужно вводить новое, нужно, вообще говоря, подалше *человека* убирать от этого. Правда, даже если человека мы ставим в качестве оператора, охранника, сопровождающего, вводим правила трех лиц, правила шести лиц, мы все равно должны это реализовывать с помощью современных подходов по социально-психологической адаптации, подбору. У нас есть хорошие методики, их нужно развивать, учитывая демократические особенности нашего государства. И полиграфы те, которые в 1995 г. мы стали внедрять, сейчас должны модернизироваться. Поэтому это все важно и нужно. Здесь сидит и модель угроз.

Модель угроз — это серьезный, очень серьезный, ответственный глубоко научно-технический проблемный аспект деятельности. Результаты должны носить очень аккуратный и чувствительный характер, и до каждого уровня они должны быть донесены иерархически. Для президента — одно, промежуточные срезы для руководителя ведомства — другое, а вот для командира — начальника объекта, который должен больше знать, — может быть, третье.

В.А. ОРЛОВ (ПИР-ЦЕНТР): Я благодарю всех участников круглого стола за интересную дискуссию. Подводя итог встречи, отмечу следующее.

Первое. Я думаю, нужно не перегнуть палку по поводу актуальности ядерного терроризма и его последствий. Главное, все время работать на предупреждение, пото-

му что угроза ядерного терроризма серьезна. Допустим, вероятность невысока, ну и что? Достаточно одного случая, чтобы потом каялись и говорили, что не прислушались. Поэтому задача остается актуальной, работает на упреждение. И эти траты, которые идут на упреждение недопущения терроризма, в том числе и ядерного, окупятся, если, не дай бог, что-нибудь произойдет.

И второе. Я думаю, что Е.П. Маслин, когда так эмоционально и очень точно выступал, затронул *краеугольную* проблему. Он напомнил нам о том, что еще относительно недавно мы оперировали категориями ядерной войны в Европе. Мы оперировали категориями ответного, ответно-встречного удара. Больше того, были программы, как мы теперь узнаем, когда уже все политическое руководство СССР было уничтожено, а удары должны были продолжать наноситься. Я думаю, что очень важным напоминанием о тех временах являются открывающиеся сегодня сведения. Чрезвычайно важно в этом свете и то, как мы от ядерной конфронтации переходили к ядерному сотрудничеству. Важно извлекать уроки из прошлого.

Мне кажется, что сегодняшний круглый стол этому способствует. 🌸

Примечания

¹ Все должности указаны на момент проведения круглого стола.

Юрий Крупнов, Лев Левинсон

ВОЙНА С НАРКОТИКАМИ — ПРОИГРАНА?

From: Lev Levinson
To: Yury Krupnov
Subject: Defeat in the war on drugs?

Здравствуйтесь, Юрий Васильевич!

Мне часто задают такой вопрос — а правильно ли, что сейчас предлагают пересмотреть жесткую запретительную политику в отношении наркотиков? Почему усилия по борьбе с наркотиками не принесли успеха, и является ли это достаточным основанием для кардинального пересмотра политики?

Пытаясь понять, почему за последние полвека не произошло кардинальных позитивных изменений в борьбе с наркоторговлей, стоит помнить, что существующий антинаркотический дискурс имеет более чем столетнюю историю, считая от первой попытки глобального запрета опиума — Шанхайской конференции 1909 г. Разрешить проблему нелегального наркобизнеса не удалось не только за 50 лет действия Единой конвенции ООН, но и за целый век. Было бы странно ожидать, что сегодняшняя антинаркотическая политика, определяемая Конвенцией 1961 г., способна решить проблемы, ею же созданные и поддерживаемые.

О какой наркоторговле идет спор? Списки веществ, объявленных наркотиками 50 лет назад, разрастаются с каждым годом, и конца этому не видно. Ни в международных договорах, ни в российском законодательстве не содержится ссылок на отличительные признаки наркотиков. Определения их и в основных конвенциях 1961, 1988 гг., и в федеральном законе идентичны: наркотические средства — это вещества, включенные в Списки (или, еще лучше, — «занесенные в Списки», согласно переводу Единой конвенции). Получается, что превращение некоего растительного или синтетического вещества в наркотик — действие магическое, или — политическое. «Чем шире рамки определения, тем шире поле для спекуляций», — пишет по этому поводу Нильс Кристи в книге «Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии».

Оговорюсь сразу: речь не о том, что проблемы наркомании и наркотизма не существует. Дело в концепции ее решения: политике запрета и войне с наркотиками.

Потребление психоактивных веществ сопровождает человеческую историю. Последствия этого часто неблагоприятны. Некоторые из таких веществ формируют зависимость, что создает между поставщиком и потребителем отношения особого рода (последний зависим от первого). Вмешательство в эти отношения государства с запретами и санкциями преподносится как забота о здоровье и нравственности, но обусловлено, как правило, интересами контроля в разных его проявлениях.

На почве борьбы с наркотиками выросли мощные структуры — и международные, и национальные. Даже если оставить за скобками коррупцию и сращивание наркополицей и наркобизнеса, приходится признать, что антинаркотические институты (пусть самые честные) заинтересованы в сохранении поля борьбы, как и наркобизнес заинтересован в расширении нелегального рынка. Запрет стимулирует развитие этого бизнеса. Повышаются транзакционные издержки, растет цена риска, растут прибыли. Растет разрыв между первой продажной ценой, получаемой крестьянином, выращивающим мак или коку, и доходами лиц, контролирующих рынок сбыта.

Не думаю, что война с наркотиками проиграна. То есть она проиграна, конечно, в смысле общественных интересов, и в этом Глобальная комиссия по наркополитике, выпустившая доклад в июне 2011 г., совершенно права. Но интересы воюющих сторон не в победном завершении столетней войны (не в полной победе над наркотиками и не в полной их легализации), а в ее продолжении. Сюда просятся строки Брехта:

*Война удачей переменной
Сто лет продержится вполне,
Хоть человек обыкновенный
Не видит радости в войне...*

С уважением,
Лев Левинсон

From: Yury Krupnov
To: Lev Levinson
Subject: Re: Defeat in the war on drugs?

Уважаемый Лев Семенович,

Я не думаю, что постановка вопроса о «войне с наркотиками» и «решении проблемы наркоторговли» является адекватной. Окончательного и полного решения проблемы наркомании и, соответственно, наркоторговли не существует. При этом если бы не предпринимались существующие попытки, то уровень и масштаб наркомании был бы, минимум, в несколько раз больший, об этом свидетельствует весь исторический опыт.

Любые рассуждения о том, что проблему наркоторговли не удалось решить за 50 или 100 лет с исторического момента консолидации мирового сообщества вокруг запрета свободного оборота наркотиков некорректны, поскольку и полное попустительство в отношении наркоторговли до этого момента не просто не дало каких-либо положительных результатов, а прямо вело к национальным наркокатастрофам — например, опиумной катастрофе Китая в XIX в. и США в начале XX в.

Ради извлечения сверхприбыли британцы организовали с конца XVIII в. на территории Индии феноменальное производство опиума — почти в 10 раз больше, чем сегодня в Афганистане! Никто эту торговлю тогда не ограничивал и была создана система буквально выжигания опиумом Китая изнутри через втягивание в опиумную наркоманию миллионов китайцев.

Британцы массированно завозили индийский опиум в Китай, обратно они увозили чай и серебро. Попытка руководства Китая и китайцев сопротивляться вызвала те самые знаменитые опиумные войны середины XIX в. Логика легальной торговли наркотиками банальна, как и логика любой торговли — втягивать в потребление своего смертельного товара все новых и новых людей, поскольку прибыль собирается с каждой ГОЛОВЫ.

К моменту частичного (!) запрещения экспорта опиума из Индии в Китай в 1907 г. доходы составляли почти 3 млн фунтов стерлингов. Ситуация серьезно улучшилась в Китае только после введенного запрета.

Другим примером катастрофических последствий практической легализации наркооборота являются США.

Шанхайская опиумная комиссия февраля 1909 г., с которой и начались усилия мирового сообщества по борьбе с торговлей наркотиками, был создана по инициативе президента США Теодора Рузвельта и епископа Чарльза Генри Brenta, поскольку эпидемия опиумной наркомании в США достигла невероятных размеров и нужно было что-то делать.

К этому времени рядом стран (Францией — 1845 г., США — 1895 и 1906 гг., Китаем — 1906 г.) уже были приняты национальные законы, направленные против наркотиков, но торговля наркотиками носит транснациональный характер и требует именно международного запрета.

Другой пример уже после создания современной интернациональной системы контроля оборота наркотиков — Швеция 1960-х гг. Именно здесь были описаны классические формы наркоэпидемии, то есть безудержного втягивания в наркопотребление все новых и новых жертв. И рестриктивная политика в Швеции была выработана как раз в ответ на это национальное бедствие. Кстати, современная шведская наркополитика является образцовой, и в основе ее не только запрет свободного оборота, но и прямая криминализация наркопотребления, то есть уголовное преследование за нахождение в состоянии наркотического опьянения в публичных местах. Именно шведскую национальную антинаркотическую модель следует брать за основу при разработке новой российской модели.

Примеры же Голландии и, теперь, Праги, где разрешен легальный оборот так называемых *легких* наркотиков ни о чем не говорят. Перед нами типичные *наркоофшоры*, которые за счет подобного наркотикуризма решают исключительно свои финансовые вопросы и ни в коей мере не проблему наркомании.

Наркопотребление — не частное решение частного человека, а род социальной заразы, где даже самые стойкие молодые люди, не говоря уже о подростках, не в силах противостоять маркетинговым сверхусилиям *торговцев смертью*.

Исторический опыт однозначно свидетельствует, что либеральная политика по отношению к обороту наркотиков, а тем более их легализация всегда вели лишь к взрывному росту наркомании. Необходимость жесткой ограничительной политики очевидна и из логики и природы наркомании.

Жду Вашего ответа.

С уважением,
Юрий

From: Lev Levinson
To: Yury Krupnov
Subject: To ban or not to ban?

Юрий Васильевич,

На мой взгляд, идти по пути наращивания ужесточений, из года в год повышая сроки и расширяя списки, неправильно. Закручивание гаек тоже имеет предел, иначе резьба сорвется. Где-то нужно и ослабить.

Так, за последние десять лет, помимо усиления ответственности за некоторые преступления, Уголовный кодекс РФ претерпел существенные изменения в сторону смягче-

ния и даже декриминализации отдельных деяний. Из этого не следует, что поощряется, например, обман потребителей, ответственность за который исключена из УК, и что клевета и оскорбление, исключение которых будет рассматриваться нынешней осенью, являются благом. В начале 2000-х гг. были снижены санкции за квалифицированные виды краж не потому, что они не представляют опасности, а потому что ответственность за них была завышена. И в 2001, и в 2003, и в 2011 гг. гуманизация УК инициировалась президентом России.

Существуют разные точки зрения на оправданность создания каскада водохранилищ на Волге, Ангаре и других реках, затопивших тысячи гектаров земли и поселений. Но даже самые суровые критики этих давно реализованных решений не призывают одновременно слить воду, чтобы исправлением ошибок не принести еще большего вреда. Так и с наркополитикой.

Лев Левинсон

From: Yury Krupnov
To: Lev Levinson
Subject: Re: To ban or not to ban?

Лев Семенович,

Не согласен. Само разделение на так называемые *тяжелые* и *легкие* наркотики является абсолютно неправомерным и вредным.

Во-первых, большинство наркозависимых входят в потребление *тяжелых* как раз через так называемые *легкие*. Поэтому марихуану и другие *легкие* зовут *воротами в ад*.

Во-вторых, та же марихуана дает очень серьезные последствия на психическую сторону потребляющих ее, и в итоге разрушение личности идет преимущественно не через физиологическую сторону (как при дезоморфине или героине), а через психическую.

В-третьих, легализация *легких* наркотиков является основным приемом для сторонников легализации наркотиков в целом, поскольку позволяет подспудно, скрытно вводить этапность в легализации наркотиков как таковых.

Более того, в легализации *легких* наркотиков крайне и напрямую заинтересованы те полуподпольные корпорации, которые в последние 10 лет научились делать сверхприбыли на дизайнерских наркотиках — новых синтетических нарковеществах, которые приносят гигантские прибыли в связи с возможностью полгода — год продавать их легально, так как реакция государства на запрет новых веществ существенно запаздывает. Призывы к легализации *легких* наркотиков являются видами работ по маркетингу в пользу таких корпораций.

Юрий

From: Lev Levinson
To: Yury Krupnov
Subject: Re: Re: To ban or not to ban?

Уважаемый Юрий,

Нет никаких разумных оснований держать коноплю в одном списке с опийным маком. Вред ее сильно преувеличен, впрочем, как и незаменимость ее как лекарственного средства, проповедуемая некоторыми сторонниками легализации. Дифференциация запретов и санкций должна, как видится, затронуть многие контролируемые веще-

ства, а не одну только марихуану. Причем смягчение запретов в отношении одних веществ (производных каннабиса, некоторых галлюциногенов, анаболиков, амфетаминов) должно идти параллельно усилению контроля других (табака, кодеиносодержащих препаратов, ингаллянтов).

Теория *входных ворот* является спекулятивной. Действительно, многие героиноманы курили и продолжают курить марихуану, точно так же, как практически все они курили и продолжают курить табак, а подавляющее большинство куривших в молодости марихуану не умерло затем от героина, а стали взрослыми людьми: женились, родили детей, работают, пьют водку.

Действительно, за запретом ряда известных синтетических каннабиноидов следует появление их легальных модифицированных аналогов. Никакой заинтересованности производителей этой химии в легализации марихуаны нет. Напротив, это подорвало бы их бизнес.

Искренне,
Л.

From: Yury Krupnov
To: Lev Levinson
Subject: Authorities

Уважаемый Лев,

Все же не стоит недооценивать работы и опыт тех органов, которые занимаются вопросами наркотиков на международном уровне. УНП (Управление по наркотикам и преступности ООН) и КНС (Комиссия по наркотическим средствам) — это рабочие органы ООН, они представляют интегральную волю всех наций ООН. А вот шумевшая Глобальная Комиссия по наркополитике — клуб ряда отставников, которые в период занятия ими высоких должностей провалили войну против наркотиков, а теперь выступают с критикой наркополитики.

Да, работа КНС и УНП не всегда очевидна и видна, здесь нет такого пиара как при продвижении доклада Глобальной комиссии. Не самыми эффективными являются и подходы и методы управления в этих организациях ООН, но другого подобного механизма нет и он медленно, сложно, но работает.

Глобальная комиссия по сути работает на наркомафию, пусть и в крайне завуалированной форме. Громкий доклад комиссии, представленный 2 июня 2011 г., ярко свидетельствует: его задача состоит в том, чтобы в очередной раз отвлечь внимание и не дать мировому сообществу возможность выстроить консолидированную систему борьбы с глобальным уровнем наркотрафиков и наркомафии.

Как известно, ежегодный наркооборот в мире составляет порядка 700–800 млрд долл. Вероятно, малая толика от этого оборота и идет на подобные громкие кампании.

Это очевидно на конкретных примерах.

Самой заметной фигурой в комиссии является экс-генсек ООН Кофи Аннан (1996–2006 гг.). За 10 лет пребывания на этой должности Аннан стал своего рода *автором* роста объемов наркопроизводства в Афганистане ни много ни мало в три раза. Ярким свидетельством неадекватности Аннана в борьбе с наркомафией является тот факт, что принятая через два года после начала его работы в должности генсека ООН Политическая декларация Генеральной Ассамблеи ООН 1998 г. оказалась не просто невыполненной, но и имевшей обратные результаты.

В Политической декларации в качестве стратегического обязательства государств определялось полностью покончить с незаконным культивированием наркосодержащих растений. Пункт 19 Декларации гласит: «Приветствуем глобальный подход

А
К
И
М
Е
Л
П

Международной программы ООН по контролю над наркотическими средствами к искоренению незаконных культур и обязуемся осуществлять тесное сотрудничество с Программой в разработке стратегий, направленных на искоренение или существенное сокращение к 2008 г. незаконного культивирования кокаинового куста, каннабиса и опийного мака». Однако результат по факту оказался прямо противоположным — рост объемов производства опийного мака составил 40 раз.

Возьмем другого автора доклада — господина Хавьера Солану. Солана — отец создания независимого Косово. В 1996–1999 гг. он был генсеком НАТО и руководил войной против Югославии. Затем на посту комиссара Евросоюза в феврале 2003 г. он организовал подписание бракоразводного процесса — распада Югославии. В результате активности Хавьера Соланы создано Косово — ныне глобальный транзитный героиновый анклав в центре Евросоюза.

И теперь нас Солана вместе с Аннаном убеждают в каком-то провале борьбы с наркотиками и необходимости их легализации!

Следующий автор — президент Мексики Эрнесто Зедилло (Ernesto Zedillo) (1994–2000 гг.). Да, именно при этом президенте в Мексике было мало якобы столь ненужной борьбы с наркомафией, и в итоге пассивного наблюдения за процессами были созданы все необходимые и достаточные условия для образования и вызревания сотни наркокартелей, во многом перехвативших грязный бизнес наркомафии Южной Америки.

И что мы видим сегодня? Что пять лет назад нынешний президент Мексики Фелипе Кальдерон был вынужден вместе с США начинать войну против этих картелей, которые фактически устранили государство и почти взяли власть. Сейчас идут тяжелые столкновения, по сути война, США с Мексикой реализует целый «план Мерида» — но все было бы значительно легче, если бы не запущенность проблемы во второй половине 1990-х гг. в период президентства автора доклада господина Зедилло.

Думаю, эти факты говорят сами за себя.

Юрий

From: Lev Levinson
To: Yury Krupnov
Subject: Re: Authorities

Юрий,

Мир меняется. То, о чем писали интеллектуалы в 60-е и 70-е гг., о чем говорила в 80-е и 90-е гг. маргинальная (с точки зрения *реальной политики*) Транснациональная радиальная партия, провозглашено теперь с верхних этажей истеблишмента.

В докладе Глобальной комиссии по наркополитике нет призывов к тотальной легализации. Пафос доклада — в бесперспективности ставки исключительно на силовые методы и в необходимости соблюдения прав человека, о чем уже говорилось выше.

Радикализируют содержание доклада его противники, искажающие смысл послания. К тому же, как сговорившись, все СМИ называют из 19 членов комиссии только троих — Кофи Аннана и бывших латиноамериканских президентов, и это тот случай, когда недоговоренное является ложью.

Сколько бы ни было при Кофи Аннана громковещательных заявлений об искоренении к какому угодно году незаконной культивации коки и опийного мака, результата не добился бы тут ни один генсек. Но так как *искоренение* не происходит и сейчас, при Пан Ги Муне, с таким же успехом можно обвинить в потворствовании наркомафии и последнего.

Авторитет комиссии настолько высок, что противникам ее доклада приходится замалчивать присутствие среди авторов не только бывших, но и действующих политиков высокого ранга, выдающихся писателей, экономистов, правозащитников. Это нынешний премьер-министр Греции Георгиус Папандреу, это и председатель Консультативного совета при президенте США по экономическому восстановлению Пол Волкер, и одна из авторов современной немецкой антинаркотической стратегии Марион Касперс-Мерк. Это крупнейшие латиноамериканские писатели Карлос Фуэнтес и лауреат Нобелевской премии Марио Варгос Льюса. К ним вполне бы мог присоединиться и Габриэль Гарсиа Маркес, не участвовавший в работе комиссии в силу возраста, но всегда выступавший против прогибационизма. «Невозможно представить себе искоренение насилия в Колумбии без искоренения наркомафии, но и искоренение наркомафии невозможно без легализации продажи и покупки наркотиков, цены на которые тем выше, чем строже запреты», — говорил он на Конгрессе представителей интеллигенции и ученых в Антиокии в 2003 г.

Среди авторов доклада бывший президент Колумбии Сесар Гавирия, последовательный борец с кокаиновыми картелями, при котором была уничтожена преступная империя Пабло Эскобара, и бывший госсекретарь США в администрации Рейгана Джордж Шульц (республиканец!), а также известные правозащитники: спецдокладчик ООН по казням Асма Джахангир и бывшие верховные комиссары ООН Луиза Арбур (по правам человека) и Торвальд Столтенберг (по делам беженцев).

Вряд ли все эти люди заказаны наркомафией.

Лев Левинсон

From: Yury Krupnov
To: Lev Levinson
Subject: On Approaches

Уважаемый Лев,

Есть борьба с наркотиками и наркомафией и есть отказ от борьбы, наиболее ярко выраженный в мощно финансируемом и организуемом движении за легализацию наркотиков. Последнее касается не *борьбы с наркотиками*, а потворствует обороту наркотиков и наркотизации общества, по сути, убийству детей и молодых людей — в РФ ежегодно это минимум 30 тыс. человек, а реально в 2–3 раза больше.

Наркомафия существует не от того, что государства и мировое сообщество в целом осуществляют, как любят выражаться сторонники легализации, «вмешательство с запретами и санкциями в отношении между поставщиком и потребителем наркотиков», а оттого, что наркомафия преследует цель извлечения максимальной прибыли ценой разрушения жизни людей и поражения наркозависимостью общества и человечества в целом.

Те, кто имеют возможность изучить вопрос и осознать реальную мощь наркомафии, прекрасно понимают, что даже самые мощные государства слабы перед возможностями транснациональной наркопреступности.

По совокупным доходам наркомафия является как бы 30-м государством мира (по ВВП), таким государством, которое занимается исключительно распространением наркотиков, действуя при этом анонимно и пренебрегая любыми законами и нравственными устоями. В этом плане все *причитания* о том, что наркоманию плодит сама война с наркотиками, не имеют отношения к реальности. Наоборот, полноценная адекватная война — хотя бы с точки зрения ресурсов — еще и не начиналась.

Особенно это актуально сегодня, когда в последние 10 лет возник принципиально новый феномен планетарного глобального уровня наркомафии, которая получает

А
К
И
М
Е
Л
П

до 80 % всех доходов и не коренится ни в одной из стран, являясь своего рода транс-национальным *спрутом*.

Пока же основные усилия в борьбе с наркотиками по инерции идут на локальном или региональном уровне. Именно здесь *увязла* и стагнирует борьба с наркомафией.

А основная наркомафия существует на третьем, высшем, глобальном уровне.

Рисунок 1. Организационная и финансовая структуры наркотрафика

Лев, обратите внимание, я прилагаю к своему письму рисунок. На нем сопоставлены пропорции усилий мирового сообщества и финансовые выгоды наркомафии на разных уровнях. Видно, что основные доходы, финансовые рычаги, а следовательно, и главные пружины и политические приводные ремни наркобизнеса сконцентрированы на глобальном уровне.

Финансово-организационная мощь верхнего глобального уровня хорошо видна из того факта, что в период пика глобального кризиса 2008–2009 гг. глобальными наркогруппами в банки для устранения критического дефицита ликвидности было вброшено, инжектировано, согласно оценкам бывшего на тот момент директора УНП ООН Антонио Косты, порядка 352 млрд долл.

Приходится констатировать, что вокруг глобального наркопроизводства возник принципиально новый планетарный криминально-политический субъект.

И с ним не надо бороться?

Перед нами мощнейшие вооруженные силы самого опасного глобального криминала, действующие против наций ООН, а нас призывают прекратить войну с этой армадой.

Это примерно то же самое, что 22 июня 1941 г. призывать не сопротивляться мощнейшей на тот момент армии Гитлера и заявлять, что Гитлер вторгся в СССР по причине отсутствия в СССР полного разоружения...

Вижу за рассуждениями о легализации подверженность сознаний искренних адептов этой позиции абстрактными механизмами рынка, которые якобы управляют бытием.

На деле же реальность определяется не нафантазированными продуктами неконтролирующего процедуры абстрагирования сознания, а конкретными силами, субъектами, наркомафией.

С уважением,
Юрий

From: Lev Levinson
To: Yury Krupnov
Subject: Re: On Approaches

Уважаемый Юрий,

Политика — искусство нюансов, лозунгам место на митинге. Между полюсами, обозначенными Вами, существуют различные варианты. Поиском наиболее рационального и ответственного занималась Глобальная комиссия по наркополитике. И Гитлер тут ни при чем.

В докладе комиссии нет призывов к тотальной легализации наркотиков. И раздавать марихуану пионерам никто не предлагает. Речь идет о корректировке, местами существенной, установок и методов современной антинаркотической политики. Это надо делать не только из-за ее неэффективности, но и из-за той цены, которой она требует. Цена эта — миллионы молодых жизней, загубленных и засушенных в тюрьмах из-за войны с наркотиками, умерших от болезней и передозировок из-за отсутствия человеческого отношения к больным наркоманией.

Были опиумные войны, но не было конопляных войн, амфетаминовых, псилоцибиновых и сибутраминовых. Есть опийная наркомания, тяжелая, трудноизлечимая форма аддикции. И есть представляющие определенную опасность формы злоупотребления марихуаной, амфетаминами, галлюциногенами. Но сегодня все это смешано в одну кучу.

Повторю: идет не война с опиумом, а война с раздутым списком веществ, вредность которых различна, не все они вызывают физическую и даже психическую зависимость, а некоторые из них менее опасны, чем легальные психоактивные вещества — табак и алкоголь. Последний же намного криминогенней, несмотря на то что это пищевой продукт, а не запрещенный наркотик. В состоянии алкогольного опьянения в РФ совершается более 20% преступлений (в основном против личности и собственности).

Доклад Глобальной комиссии по наркополитике именно об этом: о необходимости дифференциации мер контроля за веществами, попавшими под одну гребенку. Самыми распространенными в мире наркотиками являются производные каннабиса (марихуана и гашиш), а не героин. Если говорить о России, потребление героина, по сравнению со второй половиной 90-х гг., сократилось. Популярность же марихуаны только увеличилась. В некоторых регионах (например, на Камчатке) героин стал редкостью, основной наркотик — марихуана. В Петропавловске-Камчатском молодых людей, в основном студентов, сажают на восемь, десять и более лет за сбыт нескольких грамм марихуаны — не за системный наркобизнес, а за спровоцированную органами перепродажу по горизонтали (равный — равному, без извлечения прибыли). Такое творится не только на Камчатке. По всей стране сажают людей за выращивание конопли для собственного употребления: при чем здесь борьба с наркобизнесом? Средства от ожирения и для накачки мышц могут быть вредны и должны контролироваться, но при чем здесь наркомания? Между тем наркоконтроль организует проверочные закупки анаболиков у качков и китайских таблеток для похудения у аптекарей и сажает их за «сбыт в особо крупном».

Если бы усилия, затраченные в одной только России на борьбу со списками наркотиков, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, а также прекурсоров

А
К
И
М
Е
Л
О
П

и аналогов, обратить против героина и кустарных опиатов и против злоупотребления аптечными легальными кодеиносодержащими препаратами, можно было бы приставить к каждому торговцу героином по несколько нарко- и просто полицейских.

Через российские тюрьмы прошли сотни тысяч людей, никак не связанных с афганским наркотрафиком.

Дело еще в том, что опийная наркомания — тяжелое психическое расстройство. И дифференциация *борьбы* необходима не только в отношении веществ, но и в отношении субъектов их незаконного оборота. Для этого не достаточно лозунга «лечение вместо наказания». Нужна реальная, эффективная наркология, а не полиция в белых халатах. Ссылаясь на опыт Швеции, следовало бы говорить не о заимствовании уголовной ответственности потребителей, а о развитой, доступной и гуманной системе наркологической помощи, существующей там. В Швеции широко применяется и заместительная (замена нелегального героина медицинским легальным опиатом) терапия, запрещенная, кстати, из европейских государств, только в РФ.

Как раз в Голландии за десятилетия либеральной политики в отношении каннабиса число опийных наркоманов существенно сократилось, средний возраст потребителей героина увеличился. Это означает, что не только героиноманы стали жить дольше (благодаря поддерживаемым государством программам снижения вреда), но и появление молодых потребителей героина сократилось.

Так что Голландия — пример подлинной заботы о здоровье граждан. Чаще же заботой о здоровье граждан прикрываются политические, бюрократические или экономические интересы. Поэтому говоря, что полноценная, адекватная борьба с наркотиками еще не началась, Вы правы. Война идет ради самой войны. В интересах тех, кто ее ведет.

Лев Левинсон

From: Yury Krupnov
To: Lev Levinson
Subject: Re: Re: On Approaches

Добрый день, Лев,

Раз уж мы затронули вопрос противодействия наркотикам в России, отмечу следующее. Основной недостаток заключается в отсутствии национальной антинаркотической модели, которая бы соответствовала реалиям, передовым мировым практикам и природе такого социально-духовного эпидемического явления, как наркомания.

Во-первых, наркоманию относят к частным вопросам отдельных граждан.

Это в предпоследний год существования СССР было определено Комитетом конституционного надзора СССР. В своем Заключении от 25 октября 1990 г. № 8 (2–10) «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией» Комитет отменил предусмотренное статьей 4 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении положение, согласно которому «граждане СССР должны бережно относиться к своему здоровью», поскольку такая обязанность якобы «не предусмотрена ни Конституцией СССР, ни международными актами о правах человека и не может обеспечиваться мерами принудительного характера. Поэтому уклонение от лечения алкоголизма или наркомании, если оно не сопряжено с систематическим нарушением общественного порядка или ущемлением прав других лиц, не должно рассматриваться в качестве правонарушения, влекущего юридическую ответственность. По этой же причине употребление наркотиков само по себе не должно рассматриваться в качестве административного правонарушения или преступления».

Однако наркозависимость ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве частного дела отдельных граждан, поскольку в поисках очередной дозы наркозависимые втягивают в наркопотребление своих друзей, соседей, сверстников и подростков. Наркомания — это эпидемия. В среднем до 10–20 человек втягивает в наркоманию каждый наркоман. Уже только этот факт делает очевидным общественную опасность наркозависимости, не говоря уже о крайней опасности находящихся в состоянии наркотического опьянения автомобилистах или даже диспетчеров аэропортов и командиров расчетов ракетного крейсера (это реальный факт 2009 г.).

Соответственно, риски для молодежи вовсе не в том, что она якобы является «жертвой правоохранительных «рейдов», а в том, что молодежь и подростки постоянно находятся в зоне эпидемии и даже пандемии и не просто рискуют, а с неизбежностью подвергаются попыткам втягивать их в наркопотребление.

Отсюда в основу российской национальной антинаркотической модели должен быть положен принцип криминализации наркомании, то есть введения уголовной ответственности за нахождение в общественном месте в состоянии наркотического опьянения. Другое дело, что при судебном решении наркозависимому на выбор должны предоставляться две равные возможности — отправляться в места заключения или добровольно вступать в программу немедицинской реабилитации и ресоциализации.

Во-вторых, искусственно разделяют борьбу со спросом и предложением.

Однако давно уже доказано и зафиксировано основополагающими документами ООН и других международных организаций, что предложение и доступность наркотиков напрямую провоцируют усиление спроса и рост наркомании. Поэтому все разговоры о «вредности борьбы с предложением» на деле потворствуют наркобарыгам в их смертоносном бизнесе.

В-третьих, главным профилактическим инструментом против наркомании являются передовые образование, здравоохранение и спорт.

Здесь мы наблюдаем неуклонную сдачу позиций и снижение уровня и качества этих важнейших сфер. Но наркоманию надо напрямую поставить в зависимость от развитости этих основополагающих сфер.

При этом есть множество и более частных недостатков в деятельности как правоохранительных, так и административных органов, которые реализуют антинаркотическую политику. Есть и требующая своей отмены «палочная система». Но это все должно решаться непосредственно, без отказа от борьбы с наркоманией как таковой.

С уважением,
Юрий Крупнов

From: Lev Levinson
To: Yury Krupnov
Subject: Pitfalls of the existing system

Уважаемый Юрий,

Принципы и методы работы полицейских органов в России являют весьма характерный образец подмены реальных действий по сокращению распространения наркотиков, то есть деятельности в интересах граждан, ведением эффективной (но не эффективной) перманентной войны в интересах бюрократических *раковых корлусов*.

Это следствие того, о чем говорилось ранее: размытости объекта борьбы и отсутствия ее дифференциации. В сочетании с традиционным плановым правоохранительным хозяйством (так называемой *палочной системой*) это приводит к наращиванию показателей и — *очковтирательству*. Так, например, заявляется о приоритете раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, преподносятся соответствующие

успехи. Отчетность выглядит убедительно. Но что стоит за словами *тяжкое преступление*? Бензобак героина? Не обязательно. Тяжким преступлением признается хранение свыше двух с половиной грамм героина без цели сбыта или разовой дозы курительной смеси, вчера еще легальной.

71,3% привлеченных за наркотики (71 673 человека — *здесь и далее данные Судебного департамента при Верховном суде РФ*) осуждены в 2010 г. за действия, не связанные со сбытом, то есть за хранение, приобретение, выращивание для собственного употребления в так называемых крупном и особо крупном размерах.

Но и остальные осужденные — в подавляющем большинстве не наркоторговцы. Припечатанные по громкой статье 228–1 УК (сбыт и производство наркотиков) — это те же рядовые потребители, зачастую случайные и неопытные, клюнувшие на провокацию.

Методы работы органов правопорядка известны: раскрытие преступлений по разнарядке, коррупция, фальсификация доказательств, принуждение к сотрудничеству, шантаж. И в целом правовой нигилизм.

Суды работают в том же фарватере. Из 98 725 представших перед судом в 2010 г. по делам о наркотиках (статьи 228, 228–1, 231 УК) оправдан 141 человек — 0,1%. В применяемой обычно укрупненной статистике это выглядит просто — 0.

Важно и то, что 64% дел по антинаркотическим статьям (в отношении 63 570 человек) рассмотрены в том же году в особом порядке, без судебного разбирательства, что предполагает признание обвиняемым вины в полном объеме (так называемая *сделка о признании*). Весь такой суд занимает минут 15. Где тут отличить виновного от невиновного... Адвокаты с одной стороны, дознаватели и следователи — с другой склоняют обвиняемых воспользоваться возможностью такого *профанного* правосудия, чтобы не гнить, как они говорят, полгода в СИЗО, обещая меньший, а то и условный, срок. Благодаря *сделке* повышается пропускная способность следственных органов и судов.

Особый порядок — не российское изобретение. На включение его в УПК настаивала Американская ассоциация юристов, принимавшая некоторое, в том числе финансовое, участие в подготовке российского кодекса. В США дела о наркотиках сопровождаются *сделкой* в подавляющем большинстве.

Статистика показывает продолжающееся в последние несколько лет сокращение показателей преступности в РФ (можно говорить только о показателях, а не о реальном положении дел). А значит, борьба с наркотиками, превращенная в борьбу с молодежью, будет усиливаться. При этом просто полиция конкурирует с наркополицией, также борющейся за отчетность.

В зоне риска в РФ находятся все молодые люди — не только потому, что значительная часть их экспериментирует с разного рода легальными и нелегальными препаратами и растениями, но и потому, что клуб, улица, подъезд и даже вузовская аудитория, превращенные в поле антинаркотической борьбы, превратились в зоны риска, имея в виду риск стать жертвой правоохранительных *рейдов*.

Объединение деятельности антинаркотических структур РФ, Китая и далеких от демократии государств Средней Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества обозначает тенденцию создания анклавных надгосударственных полицейских институтов, что есть укрупнение и закрепление на уровне международного права вышеописанной и подобных ей практик.

Россия стоит перед выбором между рациональной стратегией Совета Европы и *гонимой вооружений*, предлагаемой одновременно Штатами и азиатскими партнерами по ШОС. С позиций права выбор должен быть предрешен, поскольку высшей ценностью и целью существования государства Конституция России признает права и свободы личности, а не государственные, общественные, а тем более ведомственные и непонятно чьи еще интересы.

Прошу не толковать все вышесказанное как отрицание реального вреда наркотиков и как пропаганду легких наркотиков, которые, по моему убеждению, так же должны подлежать разумному государственному контролю и ограничениям оборота. Главным злом международной антинаркотической стратегии и таких ее крупных образцов, как американская, китайская, российская системы борьбы с наркотиками (при своеобразии каждой из них), является пренебрежение правами человека во имя самодостаточной борьбы. В этих государствах созданы мощные, в том числе специализированные, службы, тратятся колоссальные ресурсы (хотя заявляется, что их крайне недостаточно). В этих государствах наибольшее (и в абсолютном, и в относительном выражении) число заключенных за наркотики. Но вряд ли там меньше проблем с наркотиками, чем, например, в Канаде, Германии, Испании, Австралии — государствах, придерживающихся более сдержанной, хотя и не ультралиберальной (как в Швейцарии), линии.

Лев Левинсон

From: Yury Krupnov
To: Lev Levinson
Subject: Re: Pitfalls of the existing system

Лев,

Вне всяких сомнений, в сфере антинаркотической политики и борьбы с наркоманией существует огромное число проблем. И Россия — не исключение.

В частности, у нас необходимо кардинально менять уголовное законодательство, чтобы предоставлять в суде возможность наркозависимым, совершившим незначительное преступление, выбирать между заключением и прохождением курсов освобождения от зависимости, прежде всего, в системе немедицинской социальной реабилитации. Это и будет реальной борьбой за права тех, кто попал в сети наркомании.

Проблемы решаются не за счет отказа от борьбы, а за счет совершенствования методов борьбы и трансформации подходов этой борьбы и войны, а также за счет организации развития страны. Права человека не нарушаются, а защищаются посредством борьбы с наркоманией, поскольку помимо самих наркозависимых есть в десятки раз большее количество пока что не наркозависимых людей, которые в каждый момент втягиваются в наркоманию наркозависимыми. Это суть наркомании как социальной эпидемии. И мы должны говорить о защите прав *каждого* гражданина, а не избирательно только наркозависимых граждан.

Базовой же профилактикой наркомании является не антинаркотическая пропаганда, а опережающее развитие образования и здравоохранения, спорта. Но при развитии страны важной составляющей является и развитие мер борьбы с наркоманией, повышением эффективности ведения этой неизбежной войны. Более того, в эту войну на нашей стороне надо включать и самих бывших наркоманов, что и происходит сегодня в ситуации, когда после правильной социальной реабилитации многие бывшие наркозависимые становятся лидерами антинаркотической работы, со всей мощью своего освобожденного от зависимости интеллекта и тела включаются в предупреждение молодежи и спасение попавших в беду.

Это говорит о том, что наркомания неизлечима медицинским путем, излечима только духовным путем. В этом суть. И война должна быть высокодуховной и учитывающей все социальные и антропологические аспекты наркомании.

С уважением,
Юрий

From: Lev Levinson
To: Yury Krupnov
Subject: Solutions?

Юрий,

В заключение нашей дискуссии: война наркотикам объявлена еще сто лет назад и стала мировой спустя полвека. Но, как известно, штыками можно воевать, сидеть на них нельзя. В первую очередь надо решать социальные, экономические, политические задачи, выбивать почву из-под ног наркобизнеса. Это требует значительных капиталовложений, но вряд ли станет дороже войны.

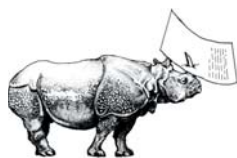
Если без красивых слов, то у нас в России воюет, понятное дело, наркоконтроль. В Аниках-воинах нет недостатка. Но чтобы решать проблемы наркотизма и наркомафии, главным не должно быть силовое ведомство. Конечно, глядя на Минздравсоцразвития, язык не поворачивается предложить ему что-либо возглавить. Впрочем, никто и не предлагает. Но некоторыми специалистами, в том числе и из *правозащитного лагеря*, всерьез предлагается передать ФСКН реабилитацию и даже лечение наркоманов, что одновременно и абсурдно, и логично. Абсурдно понятно почему. Логично же потому, что все деньги на антинаркотическую деятельность съедает наркоконтроль. Так пусть он и лечит.

По идее, более эффективно было бы перенести центр тяжести на региональный и местный уровни. Но это обусловлено не только передачей соответствующих полномочий, но и их финансированием, и формированием реальных федеративных отношений, и созданием подлинного местного самоуправления. Имею в виду не только медико-социальную сферу, но и вопросы правонарушений, которые в максимальной мере должны разрешаться не уголовно-репрессивными методами, а в единой системе пробации и восстановительного правосудия. Под пробацией понимаются здесь социальная адаптация и социальный патронаж: помощь в получении образования, трудоустройстве, обеспечении жильем, получении документов, а также организация доступа к лечению, точнее — преодолению препятствий в получении медицинской помощи и других проявлений стигматизации различных (в том числе по степени их проблемности) групп людей, допускающих немедицинское употребление наркотиков.

Как отмечается в пособии «Наркология» (под редакцией Л. Фридмана, Н. Флеминга, Д. Робертса и С. Хаймана), одним из основных проявлений болезненного пристрастия к наркотическим веществам является создание репутации наркомана, изменение его положения в обществе и снижение самооценки. Это и подлежит исправлению.

Большую часть мер пробации следует возложить на негосударственные некоммерческие организации (включая религиозные) и местные сообщества, действующие на основе государственного и муниципального социального заказа.

С уважением,
Лев Левинсон

Августин Алонсо, Владимир Асмолов, Адольф Биркхофер и др.

НИКОГДА БОЛЬШЕ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ВАЖНЕЙШЕЙ ЦЕЛИ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

В заявлении «Никогда больше» от 4 апреля 2011 г.² мы, неформальная группа ветеранов ядерной безопасности из разных стран, выразили свою убежденность в том, что только такая атомная энергетика приемлема для общества, которая не представляет угрозы ни для здоровья и безопасности населения, ни для окружающей среды. Для достижения этого необходимо удвоить усилия по недопущению аварий с такими большими выбросами радиоактивности за пределы площадки АЭС, как это было в Чернобыле и на Фукусиме. В данном документе мы формулируем проблемы безопасности, которые считаем важным еще раз проанализировать в каждой стране с атомными электростанциями, не дожидаясь результатов всестороннего изучения уроков Фукусимы и не ограничивая эти переоценки конкретными событиями и обстоятельствами, приведшими к ситуации на Фукусиме. Мы рассматриваем такие переоценки как демонстрацию критического отношения к своей деятельности, ключевой элемент высокой культуры безопасности и качество управления безопасностью со стороны промышленности и национальных органов регулирования безопасности. Мы также обсуждаем ряд мер повышения безопасности, которые, по нашему мнению, необходимо рассмотреть в контексте таких переоценок, понимая, что эти меры в существенной степени должны учитывать особенности проекта и площадки. Несмотря на то что поднимаемые нами проблемы относятся прежде всего к реакторам с водяным теплоносителем и замедлителем, в них содержатся важные аспекты, применимые и к реакторам других типов и другим ядерным установкам.

ПЕРЕОЦЕНКА ДОПУЩЕНИЙ ПРОЕКТНЫХ ОСНОВ НОВЫХ И ДЕЙСТВУЮЩИХ СТАНЦИЙ

Необходимо провести переоценку событий, обстоятельств и процессов, учтенных в проектах и целях проектирования новых и действующих АЭС, включая их реакторы и установки для выдержки облученного ядерного топлива. Переоценки должны включать оба типа событий, которые мы называем событиями первого и второго уровня соответственно:

- события и условия (внутренние и внешние), которые АЭС должна выдерживать без значительных радиоактивных выбросов и невозстановливаемых повреждений, с возможностью возобновления производства энергии не более чем через год или два. Цели проектирования для таких событий первого уровня включают защиту населения и обеспечение страны электроэнергией³;

- события и условия, которые могут привести к более серьезным повреждениям на АЭС, включая активную зону реактора, но которые АЭС должна выдержать без необходимости проведения значительных противоаварийных мероприятий за пределами площадки, таких как эвакуация населения, проживающего на расстоянии до десятков километров от АЭС. Основные цели проектирования для событий второго уровня состоят в защите населения и соответствующей социальной инфраструктуры⁴.

Данные переоценки должны включать очень детальный поисковый процесс применительно к конкретной площадке и проекту АЭС, который обеспечил бы выявление и учет в анализе безопасности крайне маловероятных событий и комбинаций событий. Должны быть представлены формальные обоснования причин невключения событий в анализ. Для всех учтенных событий в проекте должны быть предусмотрены достаточная защита в глубину и соответствующие запасы безопасности. Особое внимание следует уделять событиям и условиям, которые способны оказывать одновременное воздействие на все энергоблоки и любые хранилища отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) на площадке.

Уже идет подготовка к проведению переоценок безопасности АЭС в странах — членах ЕС. Их называют *стресс-тестами* или аудитами безопасности, предназначенными для выявления характера процедур или оборудования, которые при необходимости надо будет добавить для преодоления экстремальных условий, не рассмотренных полностью в выполненных обоснованиях безопасности. На основе уроков, извлеченных из аварии на Фукусиме, разработаны программы проведения таких тестов⁵. Тесты будут проводиться энергокомпаниями — владельцами АЭС, а их результаты пройдут экспертизу независимых национальных компетентных организаций и станут доступны общественности. Европейский Совет пообещал сделать оценку предварительных результатов этих тестов до конца 2011 г. Мы приветствуем усилия, предпринимаемые в ЕС, и рекомендуем провести такие аудиты безопасности во всем мире. Они должны выявить возможное поведение АЭС в экстремальных ситуациях и позволить компетентным организациям стран и энергокомпаниям-владельцам АЭС принять соответствующие предупредительные меры для устранения остаточного риска, где это разумно возможно, путем снижения вероятности таких событий, готовности АЭС противостоять им без существенных повреждений и ограничения потенциальных последствий тяжелых аварий, если они все-таки произойдут.

Исходя из предварительных уроков Фукусимы, в переоценки безопасности должно быть включено следующее:

- a. землетрясение с гораздо большей магнитудой, чем заложено в проекте АЭС;
- b. цунами, высота волны которой существенно превышает возможности защитных барьеров станции от наводнения;
- c. комбинации таких событий, особенно для площадок, подверженных воздействию землетрясений с эпицентрами под уровнем моря;
- d. одновременные отказы по общим причинам технических средств безопасности на нескольких энергоблоках на одной площадке;
- e. превышение проектных основ и возможностей технических средств безопасности реакторных установок и их хранилищ отработавшего ядерного топлива и
- f. потеря внутреннего и внешнего источников энергоснабжения в течение нескольких дней.

Переоценки должны также включать анализ влияния обстоятельств, возникших на Фукусиме, на проявление других дефицитов безопасности данного проекта. Примеры других событий, которые могут быть установлены анализом *запроектных условий* на Фукусиме применительно к данной площадке, включают повреждение

резервных технических средств безопасности затоплением или порывами ветра экстремального шторма, а также другие потенциальные причины отказов по общим причинам систем безопасности. Необходимо также рассмотреть одновременные и продолжительные потери функций внешней поддержки, таких как внешней энергосети и автоперевозок аварийного оборудования и материалов. Следует рассмотреть возможность умышленных отказов по общим причинам, но вопросы национальной безопасности требуют их оценки на национальном уровне и исключают обсуждение в данном документе.

В ходе проведения этих переоценок возникнут вопросы о целесообразности использования методов вероятностного анализа безопасности (ВАБ) и количественных целей этих анализов, с которыми следует сравнивать результаты. К ВАБ и их количественным целям следует относиться с осторожностью. В то же время ВАБ наилучшее из имеющихся сегодня средств оценки неопределенностей в решениях по безопасности на основе оценок поведения станции во штатных условиях. Интегрирование результатов ВАБ с детерминистским анализом защищенности в глубину, как это рекомендовано в INSAG-25⁶, в конечном итоге должно приводить к более надежным решениям по безопасности. Необходимо согласовать на международном уровне общие цели безопасности высокого уровня для новых АЭС, направленные на снижение вероятностей аварий с повреждением активной зоны реактора и ограничение радиоактивных выбросов в окружающую среду.

Аудиты безопасности, учитывающие специфику площадки, также должны включать рассмотрение вопросов, возникающих из анализа событий на Фукусиме в части обращения с ОЯТ, в том числе проектные средства изоляции и защиты от природных и техногенных опасностей, отказы по общим причинам резервных систем безопасности. Оценки должны охватывать практические меры для своевременного вывоза ОЯТ из реакторных зданий, безопасного его хранения или переработки во избежание отягощения развития аварии на реакторе.

Мы призываем к более широкому внедрению процедур политически независимой многонациональной сертификации проектов новых АЭС с использованием международных целей безопасности и стандартов, о которых речь идет в данном документе, с тем, чтобы все АЭС, поставляемые на мировой рынок, отвечали требованиям безопасности высокого уровня с учетом специфики площадки и условий эксплуатации. Преимущества такого подхода продемонстрированы в авиационной промышленности.

Требования безопасности для новых АЭС должны быть доработаны с таким расчетом, чтобы резервные системы охлаждения были способны выполнять свою функцию в течение длительного времени после полной потери внутренних и внешних источников энергоснабжения, достаточного для предотвращения повреждения активных зон реакторов. Таким образом, новые станции должны быть способны быстро восстанавливать или компенсировать потерю энергоснабжения. Для обеспечения высокого уровня обеспечения такой способности в будущих проектах при конструировании необходимо использовать пассивные системы и перспективные технологии, материалы, методы управления информацией и коммуникаций с особым вниманием к неопределенностям. Кроме того, новые АЭС следует размещать вдали от мест повышенной природной и техногенной опасности.

Для дальнейшего повышения безопасности АЭС необходимо продолжить НИРиОКР. Они должны быть направлены на усовершенствование конструкции топлива и разработку перспективных материалов оболочек твэл, укрепление защитных барьеров, повышение надежности пассивных и активных систем безопасности, а также моделирование поведения топлива, реакторов и гермооболочки в тяжелых авариях. Необходимы исследования и в области общественных (например, поведение коллектива в чрезвычайной ситуации) и естественных (например, риски природных событий, таких как наводнения и землетрясения) наук.

ПЕРЕОЦЕНКА РЕАКЦИИ АЭС НА ТЯЖЕЛЫЕ АВАРИИ С ОБШИРНЫМ ПОВРЕЖДЕНИЕМ РЕАКТОРА

После переоценки событий, обстоятельств и процессов, способных привести к повреждению реактора или облученного топлива, необходимо провести анализы тяжелых аварий применительно к конкретной АЭС (или сделать ревизию имеющихся) с использованием наилучших моделей и исходных данных. Такие анализы тяжелых аварий должны определить меры по прекращению развития различного типа событий и достижению устойчивого состояния, включая критические времена установления и поддержания ключевых функций безопасности.

В прошлом были проведены многочисленные исследования тяжелых аварий, начиная с исследований в разных странах после аварии на АЭС Тримайл-Айленд в 1979 г. и вплоть до начала нынешнего столетия. Однако возможно потребуется проведение дополнительных исследований тяжелых аварий с использованием знания, приобретенного в связи с событиями на Фукусиме. В этом случае целесообразно организовать эффективное международное сотрудничество, как это было сделано по проекту RASPLAV, реализованному под эгидой Агентства по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития АЯЭ ОЭСР⁷.

Оценки тяжелых аварий, учитывающих специфику площадки и проекта АЭС, должны облегчить выявление мер, которые энергокомпании и инфраструктурные организации (пожарные команды и другие спасательные организации, включая воинские подразделения) должны принять для повышения уверенности в способности остановить развитие тяжелых аварий и снизить их последствия. Переоценки должны охватывать различные периоды вплоть до нескольких лет (если необходим вывод из эксплуатации поврежденной АЭС). Эти оценки должны определить средства, необходимые для успешного управления поврежденными состояниями АЭС независимо от исходных событий, их вызвавших. Кроме того, эти оценки должны учитывать возможность серьезного снижения работоспособности на длительные периоды времени некоторых обеспечивающих функций в результате определенных исходных событий (таких как крайне неблагоприятные погодные условия, землетрясения или другие природные и техногенные явления).

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ УПРАВЛЕНИЯ АВАРИЯМИ НА ПЛОЩАДКЕ

Общие цели управления авариями должны состоять в переводе ядерного энергетического реактора в состояние длительного останова с активной зоной (даже если она повреждена), залитой теплоносителем, желательна в корпусе реактора, внутри неповрежденной гермооболочки при атмосферном давлении и надежно охлаждаемой резервными каналами рециркуляции теплоносителя, что в совокупности обеспечивает изоляцию любой радиоактивности, включая остатки поврежденной активной зоны, от окружающей среды. Для достижения этих целей необходимо наличие эффективных стратегий управления авариями. Такие стратегии должны быть основаны на тщательном анализе и внедрении необходимых средств, включая:

- a. защиту ключевых барьеров на пути выхода радиоактивности, таких как корпус реактора и гермооболочка;*
- b. наличие оборудования и материалов, необходимых для выполнения ключевых функций безопасности (останов реактора, охлаждение активной зоны, охлаждение или вентилирование гермооболочки и пр.) на случай отказа штатных систем безопасности. Такие запасы (резервы) могут быть созданы постоянными, мобильными на/вне площадки и на периоды времени, пока они будут необходимыми. Запасы на площадке должны учитывать возможность продолжительного срыва поставок извне. Некоторые имеющиеся технические средства безопасности могут оказаться доста-*

точными после определенной модернизации для эксплуатации в более жестких условиях;

- c. обеспечивающие источники энергии, контрольно-измерительные приборы для упомянутого выше оборудования, модернизированные для работы в условиях тяжелых аварий и допускающие дистанционное управление;
- d. модернизированные установки и приборы для мониторинга радиоактивных выбросов с площадки и уровней радиации внутри ключевых помещений станции и оповещении о них местных властей. Должно использоваться дистанционное управление и технология «черного ящика», применяемая в авиации для диагностики аварийных ситуаций;
- e. возможности оценки будущих выбросов для передачи властям, ответственным за управление противояварийными мероприятиями вне площадки станции;
- f. компетентные организационно-управленческие структуры и персонал, способные обеспечить своевременное принятие необходимых решений по управлению аварией на нужном административном уровне на основе лучшей доступной информации. Эксплуатирующая организация должна нести всю полноту ответственности за безопасность управления тяжелой аварией, принимать все необходимые решения для снижения вероятности выброса продуктов деления за пределы реакторного здания. Возможно, следует уточнить порядок взаимодействия между эксплуатирующей организацией, регулятором и другими правительственными органами в таких обстоятельствах;
- g. квалифицированный персонал, подготовленный для длительного круглосуточного управления аварией, а также логистика, необходимая для его перевозок и обеспечения условий жизнедеятельности, охрану здоровья и безопасность в условиях изоляции площадки из-за экстремальных природных явлений или больших радиоактивных выбросов.

Сегодня, когда уже произошли три тяжелые аварии на АЭС, абсолютно необходимо извлечь из них все возможные уроки для совершенствования управления авариями, а не только те уроки, которые уже извлечены. Необходим международный проект с участием квалифицированных специалистов для анализа уроков управления авариями на ТМ1, в Чернобыле и на Фукусиме и выработки на их основе рекомендаций к мерам управления авариями (оборудование, процедуры, обеспечение персоналом и его подготовка) для всех действующих и предполагаемых к сооружению АЭС, включая построенные по ранним стандартам безопасности. Они должны определить роль автоматизированных средств предотвращения аварий и аварийного реагирования, функции операторов, а также необходимость выявлять признаки непредвиденного развития тяжелых аварий и принимать адекватные действия в таких условиях. Экспертам необходимо рассмотреть целесообразность создания и оценить размеры финансирования международной группы опытных ликвидаторов, оснащенных необходимыми средствами, подготовленных и, по запросу, готовых оказать помощь любой стране, в которой произошла тяжелая ядерная авария.

Эффективное поведение персонала в аварийных ситуациях не происходит само по себе, но требует предварительного обдумывания и подготовки. Например, должны быть хорошо разработаны и отработаны при подготовке персонала процедуры перехода от инструкции нормальной эксплуатации (включая аварии уровня 1) к инструкциям по управлению тяжелыми авариями (уровень 2), причем инструкции уровня 2 должны рассматривать широкий диапазон поврежденных состояний АЭС. Во время любого кризиса, ядерного или другого, с непредвиденным катастрофическим развитием ситуации от технических специалистов (например, эксплуатационного персонала АЭС) требуются незамедлительные квалифицированные действия. В ядерной области такие действия могут включать разрешение конфликтных приоритетов, таких

как выбор между снижением доз облучения работников и доз, получаемых населением. Способность принимать решения в таких непредвиденных обстоятельствах требует ясности в отношении возникающих серьезных этических вопросов. События на Фукусиме говорят о том, что ни в одной стране мира в данной области не достигнут достаточный прогресс, и мы рекомендуем приложить дополнительные усилия на международной арене.

Примерами заблаговременного планирования могли бы быть:

- ❑ требование об обязательном присутствии на площадке в первые часы после возникновения аварийной ситуации представителей верхнего звена управления эксплуатационного персонала, хорошо подготовленного к управлению тяжелыми авариями, и
- ❑ наличие (по вызову) национальных и международных экспертов с глубокими знаниями в области управления тяжелыми авариями, готовых дать дополнительный совет на языке операторов. Компетенция таких экспертов должна поддерживаться путем непрерывного участия в исследованиях и разработках в области тяжелых аварий.

ПЕРЕОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ АВАРИЙНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ВНЕ ПЛОЩАДКИ

Необходимо провести переоценку возможностей, организации и подготовки местных, региональных и национальных структур для аварийного управления вне площадки. Переоценка должна включать:

- ❑ наличие четких протоколов управления и связи, включая межведомственные соглашения, и связанных критериев принятия необходимых и своевременных решений для противоаварийного управления на основе лучшей доступной информации с АЭС и их эффективных коммуникаций с населением;
- ❑ надежность организационных структур оператора, регулятора и местных властей, включая условия, когда другие факторы (природные или враждебные действия) могут частично вывести из строя местные подразделения;
- ❑ технические и другие средства измерения радиации вне площадки в аномальных условиях и оценки возможных доз облучения и уровней радиоактивного загрязнения местности и облучения населения;
- ❑ меры вмешательства, такие как запасы таблеток йода, контроль качества питьевой воды и продуктов, возможности по эвакуации и размещению населения, проживающего на пораженных территориях;
- ❑ надежные коммуникационные сети, способные работать в экстремальных условиях, когда нормальная инфраструктура связи существенно повреждена.

Противоаварийные инструкции не могут быть эффективными, если они не основаны на твердых научных знаниях и практическом опыте. Произошедшие до настоящего времени тяжелые аварии, включая многоблочную тяжелую аварию на АЭС Фукусима, доказывают, что экстраординарные обстоятельства могут возникать и возникают и подвергают суровой проверке эффективность этих планов, эффективность подготовки персонала и проведенных учений. Для содействия совершенствованию противоаварийной готовности необходимо международное сотрудничество для анализа опыта прошлых радиологических аварий и подготовки рекомендаций по ее совершенствованию. Такое сотрудничество должно включать разработку или уточнение критериев доз облучения персонала и населения, радиоактивного заражения воды и продуктов на различных стадиях развития тяжелых аварий, включая условия возвращения населения на загрязненные территории (например, дезактивацию твердых поверхностей, таких как кровли, стены и дороги) и возврат загрязненных земель к землепользованию. Такой международный проект помог бы гармонизиро-

вать противоаварийные процедуры между соседними странами, повысить эффективность их использования и доверие общественности в случае серьезного ядерного инцидента.

ПОДХОД К СТАРЫМ И НОВЫМ АЭС

Даже с учетом возможных юридических трудностей⁸ мы считаем затруднительным обосновать существенные отличия в общих целях безопасности для новых и действующих станций. Для достижения этих целей могут быть приняты различные технические и организационные меры. Необходимо реализовать разумно осуществимые меры для модернизации (совершенствование систем безопасности и связанной инфраструктуры), включая возможности управления авариями на АЭС, построенных по ранним стандартам безопасности – в противном случае их эксплуатацию следовало бы разрешить на ограниченный период времени⁹. Более того, все большую поддержку со стороны участников Конвенции по ядерной безопасности приобретает концепция постоянного совершенствования АЭС в течение всего срока их службы, возможно, на основе периодических оценок безопасности примерно каждые 10 лет¹⁰, и этот подход должен быть реализован всеми странами¹¹.

Правительства и регуляторы должны относиться с большой осторожностью к продлению ресурса эксплуатации энергоблоков, построенных по самым ранним стандартам безопасности. Ресурс эксплуатации нескольких самых старых блоков, продленный на несколько лет, не должен ставить под вопрос продолжение эксплуатации более новых и более безопасных блоков в течение более длительного времени. В попытке установить приемлемость понятия «достаточной безопасности» для этих старейших блоков необходимо рассмотреть следующие компенсирующие мероприятия:

- ❑ повторное лицензирование на соответствие действующим критериям безопасности с техническим обоснованием любого выявленного отступления;
- ❑ проведение вероятностного анализа безопасности применительно к конкретной АЭС для выработки требований к дополнительным техническим средствам безопасности;
- ❑ при необходимости, усиление мер управления тяжелыми авариями (оборудование, процедуры, укомплектование персоналом и его подготовка) сверх требований, предъявляемых к новым АЭС;
- ❑ предъявление требования к использованию передовых технологий в ключевых системах безопасности (для останова реактора, охлаждения активной зоны и изоляции радиоактивности).

ПЕРЕОЦЕНКА КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

Высокий уровень культуры безопасности и высокое качество управления безопасностью являются ключевыми предпосылками достижения и поддержания высокого уровня безопасности, необходимого при использовании ядерной энергии. Поэтому культура безопасности и управление безопасностью должны находиться под постоянным контролем путем проведения беспристрастных аудитов, включая международные партнерские проверки. Такие аудиты и проверки должны быть направлены на выявление критического отношения и стремления к совершенству, по крайней мере на уровне формального соблюдения требований действующих правил и процедур. Такие аудиты и проверки должны охватывать все сектора атомной отрасли: руководство станции и энергокомпании, так же как и соответствующие правительственные организации, особенно персонал независимого регулирующего органа. Совершенно очевидно, что высокий уровень культуры безопасности и высокое качество управления безопасностью могут быть достигнуты только, если во всех секторах атомной отрасли работают профессионалы с соответствующим опытом и подготов-

кой, в достаточном количестве, которые критически относятся к своей деятельности, наделены необходимыми полномочиями, финансовыми и другими ресурсами.

Особое внимание к культуре безопасности и качеству управления безопасностью необходимо, но этого может быть недостаточно. Руководство МАГАТЭ по фундаментальным принципам безопасности, включающее культуру безопасности и качество управления безопасностью, предлагает более всесторонний подход. Оно распространяется как на правительство, включая регулирующий орган, так и на эксплуатирующую организацию¹².

Должна быть подтверждена приверженность к критическому отношению не только на словах, но и на деле, тем самым обеспечивая непрерывное повышение уровня безопасности. В настоящее время основное внимание сконцентрировано на последствиях событий, типа имевших место на Фукусиме с тяжелым повреждением активной зоны. Однако все серьезные аварии стали следствием серии ошибок и событий, корни которых лежали в рутинном проектировании и эксплуатации. Таким образом, необходимо продолжить углубленный анализ таких рутинных операций и разработать меры, эффективно предотвращающие развитие незначительных ошибок в тяжелые аварии. Возможно, для лучшего понимания воздействия организаций и сообществ на развитие и поддержание культуры безопасности потребуются дополнительные научные исследования.

События на Фукусиме являются хорошей иллюстрацией тому, что во множестве энергокомпаний и правительственных организаций, вовлеченных в процесс производства электроэнергии на АЭС, для своевременного принятия трудных и критических управленческих решений в непредвиденных обстоятельствах необходимо знать не только «что» и «как», но и «почему». Для обеспечения таких компетенций во всех странах с атомной энергетикой государства — поставщики атомно-энергетического оборудования должны создавать в странах-реципиентах центры подготовки специалистов-ядерщиков и персонала для энергокомпаний и правительственных организаций. Цель состоит в подготовке ключевых лидеров, способных принимать решения в экстремальных ситуациях.

Национальные ядерные институты, включая органы регулирования ядерной безопасности, должны отчитываться за результаты своей деятельности и быть прозрачными в вопросах ядерной безопасности, с тем чтобы получать и заслуживать доверие общества. Национальные органы регулирования ядерной безопасности во всех странах должны быть независимы в принятии решений по ядерной безопасности, обладать необходимой компетенцией, ресурсами и полномочиями.

ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА (ЯДЕРНОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ

Как отмечено в нашем предыдущем документе «Никогда больше», безопасность атомной энергетики выходит за национальные границы. После должного обсуждения необходимо определить и внедрить дополнительные меры по укреплению международного режима ядерной безопасности, будет ли это в рамках Конвенции по ядерной безопасности, МАГАТЭ, региональных органов, таких как ЕС или организаций атомной промышленности, таких как Всемирная ассоциация операторов атомных электростанций (ВАО АЭС). Принципиальным вопросом должен стать характер мер, способных наиболее эффективно обеспечить высокий уровень ядерной безопасности во всем мире.

После Фукусимы следует вернуться к рассмотрению целесообразности введения юридически обязательных международных стандартов безопасности. Очевидно, они должны быть основаны на международном соглашении или конвенции для стран-участниц. Однако такие стандарты обычно отвечают минимальному уровню требований, поскольку международные переговоры по юридически обязательным нормам после сложного и продолжительного процесса имеют тенденцию заканчиваться выработкой *наименьшего общего знаменателя*. Часто они приводят к самоуспокоенности

достигнутым уровнем, что противоречит стремлению к совершенству как основному элементу высокой культуры безопасности и качества управления безопасностью. Поэтому мы считаем, что такие обязательные *минимальные требования* должны быть дополнены набором стандартов, представляющих *наилучшую международную практику*, которые были продемонстрированы как разумно достижимые и которые должны периодически пересматриваться независимой группой международно-признанных экспертов по ядерной безопасности.

Мы приходим к выводу, что наиболее эффективный путь к соблюдению таких обязательных международных стандартов обеспечат независимые национальные регулирующие органы, наделенные необходимыми компетенциями и полномочиями. Мы полагаем, что независимые национальные регуляторы с полномочиями принуждения, такими как наложение штрафа и ограничений на эксплуатацию, более эффективны, чем создание международного агентства с эквивалентными полномочиями. Таким образом, мы считаем, что вместо создания международного регулирующего органа следует укреплять действующую систему международных партнерских проверок. Мы также рекомендуем провести анализ сложившихся подходов к проведению международных партнерских проверок, с тем чтобы повысить их эффективность в выявлении недостатков и инициировании принятия эффективных корректирующих мер.

Национальные власти: регулирующие органы, энергокомпании и поставщики ядерного оборудования, — должны играть свою роль в обеспечении ядерной безопасности в каждой стране. Аварии на Три Майл Айленд, в Чернобыле и на Фукусиме произошли из-за ошибок в национальных системах и не могут рассматриваться как внутренне присущие ядерной технологии. Они демонстрируют трудность освоения новой технологии и подчеркивают необходимость извлечения всех возможных уроков из такого дорогостоящего опыта. Также они иллюстрируют необходимость для регуляторов, владельцев и операторов станций смотреть глубже формального соблюдения установленных требований, честно, постоянно и открыто выявлять предвестники маловероятных обстоятельств, способных поставить под угрозу безопасность их станций. Наравне с владельцами и операторами АЭС деятельность национальных регулирующих органов должна также быть предметом международных партнерских проверок.

Международные партнерские проверки должны стать обязательными в рамках того же международного соглашения, которое должно ввести юридически обязательные стандарты безопасности. В центре международных партнерских проверок должно быть соблюдение обязательных стандартов как атомной промышленностью, так и органами регулирования ядерной безопасности во всех странах — участницах такого соглашения. Основные выводы и рекомендации международных проверок, равно как и корректирующие меры, разработанные проверяемыми организациями, должны быть доступны общественности для создания стимулов к внедрению мер повышения безопасности и роста доверия общественности, которое зависит от открытости¹³. По аналогии могли бы быть организованы многонациональные независимые группы экспертов для проверки степени следования «лучшей международной практике». Решения о степени придания гласности результатов таких проверок на соответствие «лучшим практикам» следует принимать после определения процесса их проведения с должным учетом важности открытости в вопросах ядерной безопасности и эффективности частного консультационного процесса. Следует рассмотреть и другие возможности мотивации обеспечения ядерной безопасности, в том числе по линии страхования ущерба АЭС и гражданской ответственности оператора в случае аварии.

Как было отмечено в нашем первом документе, необходимо разработать требования к новым странам, встающим на путь развития атомной энергетики, и инкорпорировать их в международный режим ядерной безопасности. Такие страны должны продемонстрировать способность поддерживать высокие стандарты ядерной и физической безопасности, а также ядерного нераспространения в течение всего срока действия их ядерно-энергетических программ.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ СО СМИ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ О СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ АВАРИЙ

Применение Международной шкалы ядерных событий (INES) к аварии на Фукусиме не достигло своей основной цели, а именно предоставления точной и понятной публичной информации о тяжести аварии. Мы полагаем, что необходимо проанализировать и, возможно, пересмотреть шкалу INES с тем, чтобы общественность могла в будущем получать более качественную информацию о возможных последствиях для здоровья в случае возможного выброса радиоактивности.

Более того, необходимо повышать требования к квалификации персонала, доводящего до общественности информацию о воздействии аварийных выбросов радиации, с тем чтобы население получало корректную и легко-понятную информацию, а также объективные разъяснения соотношения таких опасностей с другими опасностями для здоровья.

Примечания

¹ Документ передан в редакцию Николаем Штейнбергом и Виктором Муроговым с любезного разрешения авторов документа. Следующие эксперты содействовали подготовке документа и полностью согласны с содержанием:

Августин **Алонсо** (Испания), почетный профессор Технического университета в Мадриде; бывший член ИНСАГ; бывший директор и комиссионер органа ядерного регулирования Испании; вице-председатель Комитета по безопасности ядерных установок АЯЭ ОЭСР;

Владимир **Асмолов** (Российская Федерация), бывший заместитель министра по атомной энергии Российской Федерации, бывший координационный директор Курчатовского института, действующий член ИНСАГ, первый заместитель генерального директора ОАО Концерн *Росэнергоатом*; избранный председатель ВАО АЭС;

Адольф **Биркхофер** (Германия), почетный профессор Технического университета в Мюнхене; бывший член и председатель ИНСАГ; бывший председатель Комиссии по реакторной безопасности Германии; бывший председатель Комиссии по безопасности ядерных установок АЯЭ ОЭСР;

Юргис **Вилемас** (Литва), член Академии наук Литвы, бывший директор Литовского института энергии;

Анил **Какодкар** (Индия), бывший член ИНСАГ; бывший председатель Комиссии по атомной энергии Индии;

Георгий **Копчинский** (Украина), бывший руководитель Департамента атомной энергетики и промышленности Совета министров СССР, бывший заместитель председателя Государственного комитета Украины по ядерной и радиационной безопасности;

Юкка **Лааксонен** (Финляндия), вице-председатель ИНСАГ; генеральный директор Органа регулирования ядерной и радиационной безопасности Финляндии (СТУК); председатель Западно-европейской ассоциации органов регулирования ядерной безопасности (WENRA); бывший председатель Комитета по ядерному регулированию АЯЭ ОЭСР;

Виктор **Мурогов** (Российская Федерация), профессор Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ МИФИ), директор Российской ассоциации по ядерной науке и образованию; бывший директор Физико-энергетического института (ФЭИ) и заместитель генерального директора МАГАТЭ по ядерной энергии;

Роджер **Мэтсон** (США), Бывший директор по безопасности реакторных систем и руководитель РГ по извлечению уроков из аварии на TMI 2 Комиссии по ядерному регулированию США (NRC), сопредседатель РГ ИНСАГ-3;

Николай **Пономарев-Степной** (Российская Федерация), член Российской академии наук, бывший заместитель директора Российского национального центра (РНЦ) *Курчатовский Институт*;

Виктор **Сидоренко** (Российская Федерация), член-корреспондент РАН; бывший член ИНСАГ; бывший заместитель директора РНЦ *Курчатовский институт*; бывший заместитель председателя Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ

в атомной энергетике и заместитель министра Министерства по атомной энергии СССР и России;

Ашок **Тадани** (США), бывший член ИНСАГ; бывший председатель Комитета по безопасности ядерных установок АЯЭ ОЭСР; бывший директор Офиса исследований Комиссии по ядерному регулированию (NRC) США;

Сэм **Харбисон** (Великобритания), бывший член ИНСАГ и генеральный инспектор Инспектората ядерных установок Великобритании (NII);

Ларс **Хегберг** (Швеция), бывший член ИНСАГ и генеральный директор Инспектората по безопасности атомной энергетики Швеции (SKI); бывший председатель Руководящего комитета АЯЭ ОЭСР;

Кун Мо **Чунг** (Республика Корея), бывший член ИНСАГ; бывший министр по науке и технике, бывший президент Корейской академии по науке и технике; бывший президент Генеральной конференции МАГАТЭ и вице-председатель Мирового энергетического совета;

М.Р. **Шринивасан** (Индия), член Комиссии по атомной энергии (КАЭ) Индии; бывший председатель КАЭ Индии, бывший председатель Корпорации атомной энергетики Индии;

Николай **Штейнберг** (Украина), бывший член Консультативной группы по ядерной энергии при Генеральном директоре МАГАТЭ; бывший главный инженер Чернобыльской АЭС; бывший заместитель председателя Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике; бывший председатель Государственного комитета Украины по ядерной и радиационной безопасности и заместитель министра энергетики и топлива Украины.

Печатается в сокращении.

² Never Again: An Essential Goal for Nuclear Safety. 2011, April 4, <http://www.thehindu.com/news/resources/article1682986.ece> (последнее посещение — 22 июня 2011 г.).

³ События первого уровня в нынешней терминологии примерно соответствуют проектным авариям.

⁴ События второго уровня примерно соответствуют запроектным условиям в терминологии Требований европейских энергокомпаний к новым реакторам, включают цели проектирования по снижению выбросов в окружающую среду.

⁵ Требования к проведению стресс-тестов в странах ЕС опубликованы на интернет-сайте http://ec.europa.eu/energy/nuclear/safety/doc/20110525_eu_stress_tests_specifications.pdf (последнее посещение — 22 июня 2011 г.).

⁶ A Framework for Integrated Risk-Informed Decision-Making Process. Final Draft. International Nuclear Safety Group. 2011. March.

⁷ Обзор по проекту RASPLAV представлен на сайте <http://www.oecd-nea.org/jointproj/rasplav.html> (последнее посещение — 22 июня 2011 г.).

⁸ После выдачи лицензии на эксплуатацию АЭС введение новых требований может рассматриваться как нарушение установленных правил по управлению конфигурацией АЭС и как требование необоснованных изменений (например, проведение мероприятий по модернизации для приведения АЭС в соответствие с изменившимися требованиями).

⁹ См. Конвенцию по ядерной безопасности, Статья 6. Действующие ядерные установки.

¹⁰ См. параграфы 36–37 в Кратком отчете 5-го Обзорного совещания в рамках Конвенции по ядерной безопасности, <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/cns-summaryreport0411.pdf> (последнее посещение — 22 июня 2011 г.).

¹¹ Для стран — членов ЕС это уже юридически обязывающее требование (Council Directive 2009/71/Euratom. 2009, June 25).

¹² Фундаментальные принципы безопасности. Серия документов МАГАТЭ по основам безопасности. SF-1, 2006. См. также: Базовые принципы безопасности для атомных электростанций. 75-INSAG-3 Rev. 1, INSAG-12, Отчет Международной консультативной группы по ядерной безопасности (ИНСАГ). 1999. Октябрь.

¹³ Более того, региональные органы такие, как ЕС, могут захотеть использовать механизмы юридического принуждения, зафиксированные в их базовых договорах.

ОБ ИНИЦИАТИВАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ПО РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ОБЪЕКТОВ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

26 апреля 2011 г.

Дмитрий Медведев выдвинул предложения по дальнейшему совершенствованию международной нормативно-правовой базы, связанной с вопросами обеспечения безопасности атомных станций.

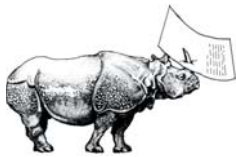
Предложения являются результатом анализа событий на японской АЭС Фукусима-1, а также учитывают тенденцию активного развития гражданских объектов атомной энергетики в мире.

Инициативы предполагают дополнение действующих Конвенций и устава МАГАТЭ рядом положений, предусматривающих:

- ответственность государства за своевременность и достаточность мер реагирования при возникновении аварии для минимизации ее последствий;
- создание регламента координации и взаимодействия государства, эксплуатирующей организации и надзорного органа в условиях управления аварией и снижения уровня ее последствий;
- ответственность страны, использующей ядерную энергию, по обеспечению уровня ядерной безопасности не ниже уровня, соответствующего стандартам МАГАТЭ, и наличие в стране планов действий в чрезвычайных ситуациях, связанных с эксплуатацией АЭС;
- требование относительно создания в странах, планирующих строительство объектов атомной энергетики, инфраструктуры в соответствии с рекомендациями МАГАТЭ, при содействии поставщика ядерной установки;
- разработку дополнительных требований к регламентам строительства АЭС в сейсмически опасных зонах, а также в районах, подверженных иным воздействиям природных катаклизмов с учетом возможного их комплексного воздействия;
- регламентация состава представляемой информации относительно аварии в зависимости от ее значения по шкале МАГАТЭ.

Указанные предложения Российской Федерации по проблемам развития и обеспечения безопасности атомной энергетики направлены в МАГАТЭ, руководителям стран Группы восьми, БРИКС и СНГ.

Источник: <http://news.kremlin.ru/news/11094> (последнее посещение — 1 августа 2011 г.).

Михаил Лысенко¹

ЗАКОНЧИЛСЯ ЛИ ЯДЕРНЫЙ РЕНЕССАНС?

До Фукусимы вопросы ядерного нераспространения доминировали в международной повестке дня, между тем как вопросы *safety* — то есть ядерно-эксплуатационной безопасности, безопасной работы техники, — обсуждались параллельно и несколько приглушенно. Министерская конференция в Вене, состоявшаяся в июне 2011 г., пожалуй, впервые по итогам Фукусимы показала, что эти два направления — *security and safety* — неразделимы и должны идти рука об руку, им необходимо отводить должный приоритет.

Как участник конференции поделюсь некоторыми своими впечатлениями. Июньская конференция была уникальна тем, что она дала ответ на вопрос о том, закончился ли *ядерный ренессанс*? После Фукусимы появилось много скептиков, которые говорили, что *ренессанса* больше нет, что атомная энергетика бесперспективна. Германия заявила, что будет сворачивать свои ядерные программы, в Италии прошел известный всем референдум. Некоторые страны заявили, что не будут заниматься атомной энергетикой. Что же теперь, все, идем на попятную? Вена дала ответ: нет, ядерная энергетика должна развиваться и будет развиваться, ибо альтернативы ей нет.

Заявления о свертывании национальных ядерных программ сделали страны, которые либо и так это планировали, либо еще и не приступали к развитию атомной энергетики. Все остальные ключевые игроки — и США, и Россия, и даже Япония — заявили, что будут продолжать развитие атомной энергетики. Это *первый* и важнейший вывод, который был сделан на закончившейся министерской конференции в Вене.

Второй вывод заключался в том, что сейчас надо посмотреть, какие требуются срочные и долгосрочные меры для того, чтобы атомная энергетика шла вперед. По итогам конференции общим консенсусом было принято сбалансированное, очень солидное заявление, где, в частности, говорилось, что необходимо извлечь уроки из аварии на Фукусиме. Министры подчеркивают, что государства, которые осуществляют ядерные программы, должны обеспечить соблюдение наивысших стандартов ядерной безопасности; подчеркивают важность осуществления усиленных национальных и международных мер для обеспечения соблюдения наиболее жестких уровней ядерной безопасности. Подчеркивают важность того, чтобы МАГАТЭ и в дальнейшем могло отвечать на высокий уровень ожиданий общественности, поскольку многие действительно ожидали, что МАГАТЭ в этой ситуации проявит себя более оперативно, чего, к сожалению, не случилось. Роль и активность МАГАТЭ необходимо укреплять.

Большинство стран выступили за активное продолжение развития мирного атома, но вместе с тем высказывались и отдельные оговорки. В частности, представители Аргентины и Бразилии указывали на то, что может возникнуть ситуация, при которой держатели ядерных технологий начнут навязывать странам, которые развивают атомную энергетику, какие-то технологии или жесткие стандарты. Высказывалась и другая крайняя точка зрения о том, что, возможно, стоит все нормы МАГАТЭ, которые носят

Вопросы деятельности МАГАТЭ и дискуссии по международной ядерной безопасности дается в бюллетене «Вена+Женева», а также в разделе «География российского атома» по адресу <http://atom.pircenter.org/>

рекомендательный характер, автоматически превратить в обязательные. Но в целом возобладал здравый смысл и был принят достаточно сбалансированный документ.

Что касается собственно российской позиции, то наш президент еще

26 апреля 2011 г. озвучил несколько конкретных инициатив, которые и были продвинуты на Венской конференции. Мы внесли три крупных предложения. Первое предложение касалось внесения поправок в Конвенцию об оперативном оповещении о ядерной аварии. В Вене об этом много говорилось, что поступала неполная информация из Японии и от самого МАГАТЭ. Информация поступала неоперативно, зачастую местные органы информацией не обладали, а CNN, к примеру, передавала информацию более четко и быстро, чем государственные органы.

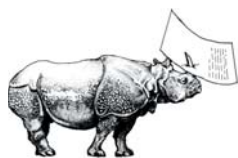
Проанализировав Конвенцию об оперативном оповещении о ядерной аварии, мы увидели, что в ней существуют несколько прорех, и, соответственно, предложили следующее: во-первых, новое положение о безотлагательном и ограниченном по времени информировании заинтересованных участников Конвенции, а также МАГАТЭ в случае ядерной аварии, — сделать это положение обязательным. Необходимо ввести обязательства при этом сразу же предоставлять предварительную оценку аварии по единой шкале ядерных и радиологических событий. Во-вторых, необходимо, чтобы и общественность, и население получали больше информации. Соответственно, мы внесли конкретные предложения и на этот счет. Как известно, вокруг атомных станций в Российской Федерации установлены датчики, которые напрямую передают эту информацию на сайт *Росатома*, и каждый человек может в любую минуту проверить, какой фон рядом с той или иной атомной станцией. Это дает прозрачность, предсказуемость для населения, снимает возможные риски. Мы предлагаем, чтобы и другие страны также активно использовали интернет-сайты для оповещения населения о том, какая обстановка вокруг атомных станций.

Второе предложение Российской Федерации касалось внесения поправки к Конвенции о ядерной безопасности. Мы предложили закрепить обязательство тех стран, которые планируют начинать строительство своей первой ядерной установки, еще до начала сооружения АЭС провести все необходимые меры по долгосрочному планированию и созданию инфраструктуры атомной энергетики. Кроме того, мы предлагаем ввести четкий регламент координации и взаимодействия государства, эксплуатирующей организации и регулирующего органа, а также пересмотреть существующие проектные требования, чтобы можно было учитывать сочетание внешних воздействий на ядерную установку.

И, наконец, третье предложение России это, собственно, совершенствование норм и стандартов безопасности МАГАТЭ. Мы предлагаем провести комплексный анализ и внести уточнения в имеющиеся нормативные документы в части рекомендаций по сейсмичности, комбинированным воздействиям внешних факторов и т.д. В России завершены стресс-тесты атомных электростанций; они подтвердили, что некоторые нормы, которые мы соблюдаем, даже выше по своей жесткости, чем нормы МАГАТЭ. Наши станции построены с расчетом таких неблагоприятных воздействий, как высокая сейсмичность; у нас есть пассивные системы защиты, ловушки от сплава. Были проведены необходимые мероприятия по проверке, стресс-тесты, проводится их анализ. Мы приглашали в порядке доброй воли иностранных специалистов для участия в этих мероприятиях и будем обмениваться необходимой информацией с нашими иностранными коллегами.

Примечания

¹ Текст подготовлен на основе выступления М. Н. Лысенко в ходе международного семинара ПИР-Центра «Атомная энергетика и развитие культуры нераспространения: охватывая новые регионы», который состоялся 23 июня 2011 г. в Москве.

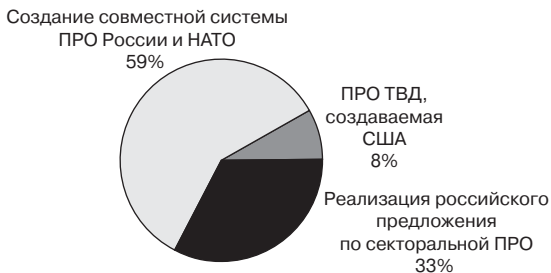
Клэр Люсьен

СЕКТОРАЛЬНАЯ ПРО: ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ

Одним из последних прорывов в отношениях между Россией и НАТО стало достигнутое на Лиссабонском саммите 2010 г. соглашение о «расширении областей сотрудничества по территориальной противоракетной обороте»¹. Соглашение ознаменовало новый этап в 30-летних дебатах, начало которым положила рейгановская Стратегическая оборонная инициатива, больше известная как программа «Звездных войн»². Идея создания системы обороны от баллистических ракет в Европе родилась еще в 1950 х гг., как в США, так и в России. С тех пор на повестку дня периодически всплывали разные многосторонние и односторонние проекты. Однако до сих пор не существует единого мнения о достоинствах самой идеи ПРО. Ее сторонники считают, что система ПРО укрепляет военную мощь государства (либо целого региона). Они утверждают, что такая система стимулирует технический прогресс и является инструментом геополитического влияния³. Противники ставят под вопрос эффективность системы и ее сдерживающий потенциал по отношению к странам, которые хотят иметь на вооружении баллистические ракеты.

Со времени избрания президентом Барака Обамы вопрос ПРО *глобализировался* под воздействием нескольких внешних факторов⁴. Наибольшие опасения вызывает развитие ракетных технологий в Иране, Сирии и Северной Корее. Северокорейские ракеты напрямую не угрожают Европе, однако они могут угрожать России. Что же касается Ирана и Сирии, то здесь повод для беспокойства есть и у России, и у Европы. Перед лицом этой вполне реальной угрозы лидеры стран, представленных на саммите в Лиссабоне, согласились с необходимостью сотрудничества между НАТО и Россией в области ПРО. Они также признали, что такое сотрудничество станет *лакмусовой бумажкой* для их будущих отношений. В ходе дискуссий появилось два альтернативных предложения. Первое основано на американском Фазовом адаптивном подходе (ФАП). Второе было предложено Д.А. Медведевым; в основе его лежит идея *секторальной системы ПРО*⁵.

Опрос на сайте ПИР-Центра: Какой вариант развития системы ПРО в Европе является оптимальным для обеспечения безопасности?

Источник: <http://www.pircenter.org/>

К
О
М
М
У
Н
И
Т
А
Т
И
В

Американское предложение пришло на смену предыдущему американскому проекту Третьего позиционного района, который предлагался администрацией Буша. Первые две фазы нового американского плана не создают каких-то особых проблем для России, поскольку имеют в основном односторонний характер. Однако третья и четвертая фазы, как утверждается, ставят под угрозу российский потенциал ядерного сдерживания. Предложение секторальной ПРО заключается в создании «коллективной системы противоракетной обороны по периметру Евроатлантического региона»⁶, настроенной на перехват ракет из-за пределов региона. По словам российского представителя в НАТО Д.О. Рогозина, такая система «будет напоминать двух рыцарей, которые стоят спина к спине, защищаясь от нападения»⁷. В этой статье я рассмотрю позиции европейских стран по проекту секторальной ПРО.

Все европейские страны согласны с тем, что на сегодняшний день система ПРО необходима. Однако степень угроз, с которыми приходится считаться разным странам, а также их понимание этих угроз, сильно варьируются. Страны на юге Европы явно находятся в зоне угрозы иранских ракет. Бывшие члены Организации Варшавского договора больше обеспокоены российским военным развертыванием. Страны *старой Европы* озабочены техническими деталями и стоимостью проекта⁸. Восприятие угроз и рисков в определении национальной политики по вопросу ПРО играет такую же важную роль, что и военные расчеты.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом различные национальные подходы к ПРО повлияли на отношение разных европейских стран к предложению Медведева о создании секторальной ПРО? На основании материалов нескольких интервью автора с европейскими дипломатами и экспертами в данной статье будет рассмотрена позиция шести европейских стран. В Западной Европе тремя лидерами в вопросах обороны являются Франция, Великобритания и Германия, однако их мнения относительно роли ПРО не совпадают. В Восточной Европе наиболее убежденными противниками российского предложения являются Польша и Литва. Наконец, Турция, которая традиционно поддерживает тесные отношения с Ираном, объявила о своей позиции по ПРО одной из последних среди стран НАТО. Прежде чем приступить к анализу позиций этих шести государств, необходимо более детально рассмотреть выгоды, которые принесет Европе система ПРО. Это нужно для более четкого понимания позиции разных стран по вопросу секторальной ПРО.

ПРО В ЕВРОПЕ: ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ И ЖЕЛАНИЕ?

Мир становится все более опасным. На сегодняшний день НАТО признает, что около 30 стран уже имеют или скоро получат возможность запускать баллистические ракеты, способные нанести удар по территории Европы. Турецкий дипломат, с которым я беседовала при подготовке данной статьи, заявил, что «ответственность за обеспечение безопасности своей территории и населения несут прежде всего сами государства». Он также сказал, что «в рамках НАТО мы ведем разговор об общих угрозах; возможно, эти угрозы — дело не завтрашнего дня, однако мы чувствуем, что ситуация становится все более опасной»⁹.

В ответ на угрозу «распространения оружия массового поражения, установленного на баллистические средства доставки»¹⁰, НАТО еще в 2002 г. приняло решение о начале создания системы ПРО театра военных действий (ПРО ТВД) для защиты отдельных областей или военных контингентов от ракет ближней и средней дальности. В начале декабря 2010 г. были успешно протестированы интегрированные компоненты управления этой системы; 27 января 2011 г. они были переданы военному командованию НАТО. Успех проекта ПРО ТВД показывает, что европейские страны давно заинтересованы в данном вопросе. Решения, принятые на саммите НАТО и заседании Совета Россия–НАТО в Лиссабоне, лишь последние в серии шагов, предпринятых в ответ на растущую угрозу¹¹. Поэтому в целом ПРО не является чем-то новым для Европы, однако в последнее время эта тема привлекает к себе повышенное внимание в связи с проектом создания территориальной ПРО.

Хотя система территориальной ПРО имеет некоторые неоспоримые преимущества, она также является источником многочисленных рисков, которые следует принять во внимание. С одной стороны, как заявил один литовский дипломат, «НАТО как организация имеет наилучшие возможности для создания эффективной системы ПРО для своих членов». Однако дипломат настаивает на том, что принимать участие в создании системы в меру своих сил должны все члены альянса, так как это требуется для поддержания и укрепления «принципов солидарности и неделимости»¹². Фактически одним из основных рисков при воплощении проекта ПРО является так называемая *дилемма альянса*. Великие державы из числа членов НАТО окажутся перед выбором: либо оказаться втянутыми в проблемы более слабых членов, либо *бросить их на произвол судьбы*, игнорируя их интересы¹³.

Другие преимущества территориальной ПРО в Европе напрямую связаны с распространением ядерного оружия. По мнению Оливера Транерта, щит территориальной ПРО будет распространяться как на ядерные, так и на неядерные державы, делая обладание ядерным оружием менее привлекательным и не предоставляя ядерным державам какого-то особого статуса в Европе¹⁴. Наконец, ПРО снижает остроту давней проблемы, связанной с баллистическими ракетами, — проблему верификации и стабильности в контексте возвратного потенциала. Эту идею защищает Дин А. Вилкенинг; он заявляет, что, с одной стороны, инфраструктуру для баллистических ракет труднее скрыть, чем потенциальное ядерное оружие, поэтому упрощается процесс верификации и соответственно возрастает доверие между партнерами. С другой стороны, «в случае введения всеобщего запрета на баллистические ракеты система защиты от таких ракет станет подстраховкой против нарушителей»¹⁵.

Все риски и преимущества создания территориальной ПРО в Европе взвешены в натовском Исследовании целесообразности и осуществимости системы противоракетной обороны (Missile Defense Feasibility Study)¹⁶. В этом анализе приняты во внимание четыре основных аспекта: анализ угроз, технология, стоимость и политическая воля сторон. Что касается первого аспекта, то НАТО регулярно пересматривает и обновляет свой анализ угроз. Роберт Белл, американский советник по вопросам обороны в НАТО, так охарактеризовал текущую ситуацию с угрозами в своем выступлении на конференции по ПРО, проведенной американским Институтом авиации и астронавтики: «Баллистические ракетные системы становятся все более эффективными. Увеличивается их дальность. Несколько государств разрабатывают системы с ядерными, химическими и/или биологическими боеголовками и баллистическими средствами доставки. По мере увеличения дальности ракет в зону риска попадает все большая часть территории и населения НАТО»¹⁷. Во-вторых, был изучен вопрос об осуществимости проекта и эффективности существующих технологий. Американская система на сегодня является единственным реальным вариантом для развертывания в Европе, поскольку США уже вложили большие инвестиции в разработку таких технологий. С 1985 г. финансирование американского Агентства противоракетной обороны составило 132,6 млрд долл.¹⁸ По мнению Р. Белла, такая ситуация не усугубит зависимость Европы от Америки в оборонных вопросах, поскольку одной из задач проекта является подключение «национального потенциала других стран [а также существующего или будущего потенциала НАТО]»¹⁹. Польское правительство придерживается того же мнения: по словам одного польского дипломата, «за последние 60 лет у США появилась реальная заинтересованность в поддержании безопасности в Европе, основанная на политических, экономических и военных соображениях. Никакого противоречия между американским планом ФАП и интересами укрепления европейской безопасности не существует»²⁰. Однако беседовавший с нами французский дипломат считает, что внедрение ФАП усилит зависимость Европы от американских технологий в силу существующего технологического отрыва Америки от Европы²¹. При этом оценка угроз и вопросы технологии являются не единственными проблемными областями. Работа системы ПРО не сводится к запуску одной ракеты с целью сбить другую. Требуется проделать огромный объем работы еще до запуска; сюда входит мониторинг, обнаружение и обработка информации. Поэтому затраты будут очень велики, и в связи с этим возникает вопрос: учитывая текущие сокращения военных бюджетов по всей Европе, оправдывает ли существующий уровень угрозы

такие затраты? НАТО пришла к выводу о том, что стоимость расширения существующий ПРО ТВД до уровня территориальной ПРО составит всего около 200 млн долл.²² На политическом уровне союзники по НАТО настояли на том, чтобы территориальная ПРО стала прежде всего натовским проектом, не направленным против каких-то конкретных государств, а ставящим своей целью укрепление безопасности территории НАТО. Как подчеркнул турецкий дипломат, «Турция решительно настаивала на том, чтобы в ходе дискуссий и в тексте документов по данному вопросу ни на кого не указывалось пальцем», поскольку в области ПРО «указывание пальцем на конкретные страны загоняет их в угол, они начинают предпринимать определенные ответные действия, и в итоге ситуация с безопасностью становится только хуже»²³.

Таким образом, в ответ на вопрос о том, нужна ли Европе система ПРО, все рассматриваемые нами страны согласны с необходимостью создания системы территориальной противоракетной обороны. Поэтому я считаю, что американо-натовский проект, представленный и одобренный на саммите НАТО в Лиссабоне, будет воплощаться в жизнь. Однако, как будет показано ниже, европейский консенсус в данной области оказывается весьма поверхностным, если глубже изучить вопрос о целях и задачах данного проекта, а также вопрос о том, следует ли подключать к нему Россию — и если да, то каким образом.

ЕСТЬ ЛИ ШАНС ДЛЯ КОНСЕНСУСА?

На сегодняшний день в Европе есть консенсус относительно того, что создание территориальной ПРО необходимо. Не подлежит сомнению, что достижение этого консенсуса на саммите в Лиссабоне стало огромным шагом вперед по сравнению с тем раздором, который вызвал предыдущий американский проект. Однако при ближайшем рассмотрении национальных позиций шести стран, которые фигурируют в данной статье, нельзя не заметить различий в интерпретации и мотивации. Прежде всего различные европейские государства по-разному воспринимают международное сообщество. Кроме того, за последние пару лет национальные позиции претерпели определенную эволюцию. Некоторые страны, например, Франция, кардинальным образом изменили свое отношение к проекту. Позиция других стран, таких как Польша, не претерпела особых изменений. Наконец, разница в национальных позициях и восприятиях порождает явные различия в подходах к ПРО; при этом все эти подходы в основном вращаются вокруг аргументов, приводимых Францией и Германией.

Чтобы понять, как разные страны воспринимают ПРО, необходимо четко понимать, как эти страны оценивают ситуацию на международной арене. Особо важно отношение стран к стратегической концепции НАТО и к угрозе со стороны Ирана. Что касается первого вопроса, то понимание иерархии целей НАТО слегка различается между разными странами. Основные различия лежат в области баланса между коллективной безопасностью и операциями вне зоны ответственности. Хотя ни один из союзников по НАТО не подвергает сомнению Статью 5, некоторые страны, в том числе Балтийские государства, Польша и Турция, придают особое значение коллективной безопасности. Балтийские государства особенно упорно настаивают на важности принципа равной безопасности; они считают, что операции вне зоны ответственности не должны ослаблять безопасность самого альянса. Польша стремится к укреплению коллективной обороны путем построения более прочных трансатлантических связей и усиления американского присутствия в Европе. Турция в силу своего нестабильного геополитического окружения вынуждена в большей степени полагаться на *зонтик* НАТО. В то же время, все эти страны придерживаются более *либерального* подхода к операциям НАТО вне зоны ответственности по сравнению с Францией, Германией или Великобританией, которые считают, что НАТО не может выполнять роль всемирного полицейского и что такие операции должны проводиться лишь в исключительных случаях, при наличии прямой угрозы безопасности стран НАТО²⁴.

Что касается иранской угрозы, то все страны понимают ее реальность, но не в одинаковой степени. В настоящее время всем известно, что Иран имеет техническую

возможность запускать баллистические ракеты малой и средней дальности. В мае 2009 г. Иран провел успешный запуск двухступенчатой твердотопливной ракеты *Седжил-2* класса земля–земля. Дальность ракеты, как подтвердили американские официальные лица²⁵, составляет 2000–2500 км. По словам французского дипломата, вопрос иранской угрозы заключается не в наличии у Ирана баллистических ракет, а в их дальности²⁶. Единственным исключением среди рассматриваемых шести стран является Турция. В связи со своими тесными политическими и экономическими связями с иранским режимом Анкара «опасается потенциальных последствий в Иране»²⁷. Будучи соседкой Ирана, Турция, конечно же, не хочет развития иранской ядерной программы. Однако, по словам турецкого дипломата, Анкара «не видит причин, по которым некоторые страны, упоминаемые в контексте угроз, могут в настоящий момент пожелать нанести ракетный удар по европейской стране. Иметь на вооружении ракеты — это одно дело, а пустить их в дело — совсем другое»²⁸. Российская позиция по Ирану очень близка к турецкой: признавая опасность иранской политики в области пролиферации баллистических ракет, Москва, тем не менее, считает, что эту угрозу можно держать под контролем²⁹.

Приняв во внимание все эти мнения, мы можем перейти к рассмотрению различий в позиции разных стран по вопросу ПРО и эволюции этих позиций за последние несколько лет. В этом плане шесть стран, рассматриваемые в данной статье, разделились на три группы.

К первой группе можно отнести Великобританию, Польшу и Литву, которые неизменно поддерживали проект ПРО. Еще в 1998 г. *Великобритания* признала в своем Стратегическом оборонном ревью, что пролиферация баллистических ракет представляет собой опасность. Однако тогда в Англии считали, что эта опасность может перейти в разряд прямой угрозы «лишь через много лет». С тех пор в каждой новой редакции документа (2002, 2003 и 2008 гг.) указывалось на продолжение пролиферации баллистических ракет, однако утверждалось, что «в настоящее время ни одно государство не имеет одновременно и намерения, и технической возможности поставить под прямую ядерную угрозу Соединенное Королевство или его жизненные интересы. Но мы не можем исключить риск того, что такая угроза возникнет в будущем десятилетия»³⁰. Такая позиция сохранилась и в 2010 г. в новом издании Национальной стратегии безопасности. В документе сказано, что «нападение другого государства или контролируемых другими государствами групп на Соединенное Королевство или принадлежащие ему территории с применением химического, биологического, радиологического или ядерного оружия» является приоритетом второго плана, поскольку, хотя последствия такого нападения были бы тяжелыми, его вероятность невелика³¹.

В вопросе о европейской системе ПРО наиболее решительным сторонником США является *Польша*. По словам Е. Хорожко, «Варшава в данном вопросе заняла выжидательную позицию: иными словами, в Варшаве ждут, когда наконец Вашингтон примет окончательное решение»³². Позиция Польши, по словам дипломата, может быть охарактеризована следующим образом: Польша чувствует на себе обязательство обеспечить безопасность своего региона, а система ПРО способна значительно укрепить безопасность Балтийских государств и членов Вышеградской группы. На национальном уровне в Польше существует консенсус в поддержку плана ФАП, который будет внедряться силами НАТО. Такого консенсуса не существовало относительно плана Третьего позиционного района, который вызывал разногласия в гражданском обществе, особенно в тех местных общинах, где должны были располагаться элементы системы ПРО³³.

Наконец, *Литва* также является убежденным сторонником создания системы ПРО в Европе под эгидой НАТО. На это есть три основные причины. Во-первых, Вильнюс не имеет возможности разрабатывать такую систему самостоятельно. Во-вторых, проект укрепляет трансатлантические связи. И в-третьих, он внесет вклад в упорочные безопасности и стабильности в регионе³⁴.

Во вторую группу стран входят Франция и Германия, которые изменили свою позицию и теперь поддерживают проект, хотя и высказывают обеспокоенность отдельными его аспектами. Как пояснил один немецкий эксперт, *Германия* явно была настроена против

плана ПРО, предлагавшегося Бушем, поскольку считала, что он был направлен против России. Что же касается плана ФАП, то Берлин готов внимательно изучить предлагаемые им возможности в области территориальной обороны стран НАТО. Однако эксперт подчеркнул, что приоритетом для Берлина остается система ПРО ТБД³⁵.

Франция с неприятием относилась к идее территориальной ПРО, поскольку Париж всегда стремился сохранить свою ядерную независимость и поэтому считал систему ПРО поползновением против собственного потенциала ядерного сдерживания. Однако в последние годы французское правительство осознало, что альтернативы присоединения к плану ФАП не существует. Как сказал французский дипломат, поскольку ФАП был распisan от а до я (доктринально, технологически и финансово) американцами, которыми движет *паранойя* после событий 11 сентября, проект будет внедрен вне зависимости от того, присоединится ли к нему Париж. Поэтому Франция решила *запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда*, чтобы иметь голос в принятии решений и внести собственный вклад в виде систем обнаружения и радаров³⁶.

Наконец, *Турция* всегда сохраняла тщательный нейтралитет по данному вопросу. Основной причиной такого нейтралитета являются турецкие связи с Ираном. Даже на внутривнутриполитическом уровне «турецкое общественное мнение не слишком поддерживает проект, поскольку не видит для него повода в виде какой-то угрозы». Как пояснил турецкий дипломат, каждый год в Турцию приезжает более миллиона иранских туристов, и для Турции это является «важным инструментом мягкой силы»³⁷.

Все вышеописанные разногласия должны быть приведены к общему знаменателю для полного понимания вторичных целей, которые преследуют европейские страны в процессе построения системы ПРО. Перед саммитом в Лиссабоне поднимался вопрос связи между политикой сдерживания и ПРО. Как ни странно, дебаты вращались вокруг разногласий между Францией и Германией. Поскольку Германия не является ядерной державой, в военных вопросах она не настолько сильно полагается на политику сдерживания, как Франция. Немецкий эксперт охарактеризовал позицию своей страны следующим образом: ПРО в Берлине рассматривается как альтернатива традиционному ядерному сдерживанию³⁸. Такой тип мышления выводит на первый план переход от *наступательного* стратегического баланса к *оборонительному* стратегическому балансу, а значит, позволяет Европе «оставить в прошлом принцип гарантированного взаимного уничтожения», сокращая риск удара на опережение либо несанкционированного удара, а также стимулируя снижение боевого статуса арсеналов³⁹.

Однако Франция является ядерной державой, и в этом смысле она и Россия находятся в очень похожем положении. По мнению французского дипломата, третья и четвертая фаза плана ФАП подрывают французский и российский потенциал сдерживания и, наоборот, усиливают американский, поскольку эти фазы явно непропорциональны масштабам угрозы со стороны Ирана. «Мы признаем, что иранская угроза достаточно серьезна, чтобы принимать ее в расчет — однако она недостаточно серьезна, чтобы из-за нее подрывать наш потенциал сдерживания. Мы требуем, чтобы будущая система ПРО не ставила под угрозу наш потенциал сдерживания, как на техническом уровне, так и на концептуальном»⁴⁰. Однако французское правительство признает тот факт, что американский проект в любом случае будет воплощаться в жизнь, и поэтому пошло на компромисс. Париж признает необходимость в системе ПРО на сегодняшний день, однако считает эту систему дополнением стратегии ядерного сдерживания, а не ее заменой⁴¹.

Наконец, в данной дискуссии важна позиция Англии, которая является единственной, кроме Франции, ядерной державой в Европе. В Белой книге по оборонной политике редакции 2003 г. Великобритания заявила, что «наш минимальный потенциал сдерживания, который в настоящее время представлен ракетами *Трайидент*, вероятно, останется необходимым элементом нашей безопасности» и что «ракеты-перехватчики и другие противоракетные средства смогут справиться лишь с ограниченной по масштабам баллистической ракетной угрозой, поэтому они не являются заменой ядерному сдерживанию или другим формам сдерживания»⁴². Поэтому позиция Великобритании очень близка к французской. Однако Лондон все еще не пришел

к окончательному выводу относительно «правильного баланса между инвестициями в [ПРО], силы ядерного сдерживания, прочие формы сдерживания и другие оборонительные и превентивные стратегии». В Англии также придерживаются точки зрения о том, что США должна принадлежать более весомая роль в области ПРО.

Все вышеупомянутые разногласия между Францией и Германией были сглажены, что позволило 28 государствам на саммите в Лиссабоне принять решение «разрабатывать противоракетную систему, способную защищать все население, территорию и силы НАТО в Европе»⁴³. На данный момент союзники по НАТО перешли к попыткам интегрировать в будущую систему ПРО Россию.

КАК ВОСПРИНЯЛИ РОССИЙСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ИЗУЧЕННЫХ СТРАНАХ?

На саммите Совета Россия–НАТО (СРН) в Лиссабоне Россия согласилась «изучить возможности для сотрудничества в области ПРО в духе взаимности, максимальной прозрачности и взаимного доверия»⁴⁴. Это сотрудничество покажет, как станут развиваться будущие отношения. Однако было бы опасно иметь слишком высокие ожидания относительно успеха данного проекта. Придавая такое большое значение успеху сотрудничества по данному вопросу, США и Россия рискуют превратиться в заложников политической конъюнктуры. В этой связи, по мнению Джимми Рака и соавторов, европейские страны должны сыграть важную роль в создании «позитивной атмосферы для сотрудничества»⁴⁵.

Здесь нужно будет ответить на три вопроса. Во-первых, почему сотрудничество принесет пользу всем сторонам? Во-вторых, каковы позиции отдельных европейских государств по российскому секторальному предложению и почему это предложение было столь прохладно встречено в Европе? Наконец, учитывая такое резкое неприятие российского предложения, насколько серьезно следует воспринимать российские угрозы в случае, если проект провалится?

По моему мнению, чем более открыто будет международное сообщество к сотрудничеству с Россией, тем больше будет стремиться к такому сотрудничеству и сама Россия. Будучи настоящим евразийским государством, Россия испытывает трудности в поиске собственного пути, поэтому с ней следует поддерживать тесные отношения, а не загонять ее в угол. Кроме того, сотрудничество в данной области будет выгодно обеим сторонам.

По мнению немецкого эксперта, возможности НАТО по обнаружению могут быть серьезно усилены за счет данных российских радаров в Армавире и Габале, а также за счет проектов по строительству новых баз в Армении и вдоль южных границ России⁴⁶. Для самой России сотрудничество с НАТО тоже было бы весьма полезным, поскольку ее территория уже лежит в пределах досягаемости иранских и северокорейских ракет, а также поскольку ее векторы пока не показали себя такими же эффективными, что и американские. Хотя все шесть стран разделяют идею взаимовыгодного сотрудничества, все еще остаются несогласованные вопросы, касающиеся окончательных стадий такого сотрудничества.

С одной стороны, Великобритания говорит о необходимости мер по укреплению доверия с Россией и нацеливанию сотрудничества с ней на иранскую проблему. С другой стороны, Турция считает, что нужно установить «более глубокие отношения между Россией и НАТО»⁴⁷. Для Анкары совместная работа по ПРО — важный первый шаг, однако этим сотрудничество ограничиваться не должно.

Промежуточную позицию занимают Польша и Литва. Они остаются открытыми для сотрудничества с Россией, особенно в связи с постепенным улучшением двусторонних отношений в течение прошлого года. При этом Польша одобрила идею поэтапного подхода, полагая, что «сотрудничество следует начинать с регулярного обмена информацией, мониторинга ракетных угроз и раннего оповещения»⁴⁸. В этой связи в Варшаве положительно восприняли предложение о создании совместного центра обработки данных, сделанное Президентом Медведевым в Лиссабоне. Задачей тако-

го центра будет «получение общей радарной картины, чтобы каждая сторона отслеживала возможное ракетное нападение», а в дальнейшем к этому сможет добавиться планирование и координирование «возможных совместных действий против общего противника»⁴⁹. Балтийские страны признают, что «Россия является важным партнером в решении проблем безопасности». Однако они подчеркивают, что «сотрудничество не должно быть в ущерб ключевым ценностям альянса»⁵⁰.

Наконец, поскольку Франция и Россия оказались в похожей ситуации, Париж считает, что Россию необходимо подключить к процессу как можно скорее, пока не иссяк импульс, приданный процессу сотрудничества на Лиссабонском саммите. Поэтому Франция отстаивает идею тесного сотрудничества с Россией, которое должно начинаться прежде всего на военном, а не на политическом уровне⁵¹.

Несмотря на эти незначительные разногласия, со всех сторон существует необходимая политическая воля к эффективному сотрудничеству. Однако в силу природы самой проблемы и ее решения, все еще остаются две серьезные сложности — одна техническая, вторая политическая, которые нужно будет преодолеть.

На техническом уровне, оставляя пока за скобками вопрос технических стандартов и неизбежных ограничений на передачу технологий⁵², наиболее серьезной проблемой является вопрос центра управления системой ПРО. Поскольку на решение о запуске ракеты-перехватчика будут лишь считанные минуты, приниматься оно должно будет одним человеком.

На политическом уровне наибольшей проблемой является угроза, которую будет представлять собой для России развертывание третьей и четвертой фаз плана ФАП. Как пояснил французский дипломат, проблема состоит не в ракетах-перехватчиках, поскольку они все равно не смогут остановить российские баллистические ракеты. Проблема заключается в радаров, расположенных в Восточной Европе, поскольку они предоставят НАТО очень точную картину всего происходящего в небе России⁵³. Похоже, основная сложность здесь заключается в разном восприятии проблемы. Россия все еще воспринимает НАТО — или, по крайней мере, отдельные аспекты натовской политики — как основную угрозу своей безопасности. Однако для самого альянса Россия в списке приоритетов находится далеко не на первом месте. Основное внимание НАТО сконцентрировано на проблемах ближневосточного и средневосточного происхождения⁵⁴.

Именно опасения России за свой потенциал ядерного сдерживания заставили Москву выйти с предложением секторального подхода. Нужно согласиться с мнением французского дипломата: Россия сделала сильный ход. Несмотря на приход новой американской администрации, очень сильно отличающейся по своим взглядам от предыдущей, США продолжают упорно продвигать проект европейской ПРО. Это показывает, что данный проект будет идти вперед, что бы ни делала Москва. Согласившись на сотрудничество в области ПРО, Кремль не допустил ситуации, при которой он остался бы за бортом процесса. А предложив альтернативный проект, он сумел затормозить этот процесс⁵⁵.

Тем не менее предложенная Россией альтернатива с самого начала подверглась резкой критике со стороны всех шести рассматриваемых европейских стран. Постоянно выдвигается аргумент о том, что секторальный подход идет вразрез со Статьей 5 Вашингтонского договора. Представители Франции, Германии, Литвы и Польши согласны в том, что долю ответственности за безопасность территории НАТО нельзя отдавать на откуп России. Предложение Москвы защищать Балтийские государства, Финляндию и Восточную Европу выглядит парадоксально, учитывая историю их отношений. Но даже если не принимать этот парадокс во внимание, факт остается фактом: если НАТО даст третьей стороне право голоса в вопросе о том, как альянсу следует защищать собственную территорию, то безопасность членов альянса от такого решения только пострадает. На эту тему европейской стороной уже было сделано множество заявлений, в том числе заявление Президента Литвы Д. Грибаускайте: «НАТО — это НАТО. НАТО никогда не станет совместной организацией. Сотрудни-

чество должно заключаться в обмене информацией об общих противниках»⁵⁶. Такие пессимистические взгляды становятся понятнее, если учесть важность коллективной безопасности для всех европейских стран, особенно постсоветских.

Помимо несовместимости секторального подхода со Статьей 5, несколько европейских государств выдвигают и другие причины, которые, по их мнению, делают такой проект нереальным. Для Германии оригинальность российского предложения представляет определенный интерес, но это предложение не рассматривается как приоритет для сотрудничества. Более важная роль отводится оценке угроз и техническим вопросам, как и заявлено в коммюнике саммита в Лиссабоне. В связи с чувствительностью вопроса немецкий эксперт считает, что необходимо применять как можно более прагматичный подход к сотрудничеству⁵⁷.

Польша согласна с предлагаемым «постепенным, поэтапным» подходом, однако настаивает на том, что необходимо сохранить «автономию архитектуры двух систем, их центров управления и ракет-перехватчиков»⁵⁸.

Наконец, по мнению французского дипломата, секторальный подход был отвергнут Парижем не только из соображений коллективной безопасности, но и из-за своей технической неосуществимости, поскольку он не предлагает эффективного механизма принятия решений и не дает ответа на вопрос о том, кто отдает команду на запуск. По сути дела, Франция считает, что секторальный подход «не является оптимальной системой для предотвращения нападения». Однако похоже, что Париж не слишком противился бы идее создания «уникальной системы с центром управления в Германии»⁵⁹.

Такая частичная открытость российскому предложению также обнаруживается в позиции Турции. Несмотря на то, что и НАТО, и Россия должны обеспечивать собственную безопасность, турецкий дипломат признает, что российский подход к ПРО, «при котором некоторые восточноевропейские государства будут защищаться *российским зонтиком*», имеет определенные преимущества, однако воплотить его будет трудно в силу очевидных причин с европейской стороны. Он считает, что «сотрудничество, вероятно, не примет форму той более или менее единой системы, которую предлагает Россия, однако мы, скорее всего, сумеем выйти на такое решение, которое укрепит безопасность и России, и НАТО, открывая перспективы для более тесного сотрудничества»⁶⁰.

Столкнувшись с таким практически единогласным неприятием российского предложения по секторальной ПРО в Европе, Д. А. Медведев предупредил, что в течение следующего десятилетия «либо мы достигнем соглашения по ПРО и создадим полноценный механизм сотрудничества [с НАТО], либо (если мы не сможем прийти к конструктивному соглашению) мы увидим новую эскалацию гонки вооружений»⁶¹.

Представители европейских государств, с которыми я общалась при подготовке данной работы, сочли подобные угрозы весьма серьезными. Особенно это касается государств, граничащих с Калининградской областью. Однако те страны, которые имеют общие границы с основной территорией России, с большой неохотой обсуждали данный вопрос. При этом представители Франции и Германии были более открыты. В этом вопросе их мнение сходится: они считают такие угрозы весьма серьезными. Однако возобновление гонки вооружений не будет в интересах самой России. Как сказал французский дипломат: «Сегодня у России нет необходимых ресурсов, однако она их легко может найти, пожертвовав модернизацией своих вооруженных сил»⁶². При этом Россия имеет достаточный научный и технический потенциал, чтобы разработать систему, способную пробить любой европейский противоракетный щит. Немецкий эксперт заявил, что «если не будет выработан механизм сотрудничества между Россией и НАТО, России, конечно же, придется на это реагировать», чтобы поддержать стратегический баланс. Однако это уже будет вопрос суверенного решения на уровне отдельной страны⁶³.

За угрозами Медведева и агрессивной риторикой стоит реальная обеспокоенность за российский потенциал ядерного сдерживания. Статус ядерной державы играет центральную роль в российском самосознании, поскольку позволяет поддерживать осо-

бые отношения с США. Поэтому Кремль также выдвинул предварительное условие для любого сотрудничества в области ПРО: он требует юридически обязывающих гарантий того, что система ПРО не будет нацелена на российские силы ядерного сдерживания.

Союзники по НАТО не могут принять такое условие. На то есть две основные причины. Во-первых, с технической точки зрения система ПРО не может быть ограничена рамками определенной территории; ее зона действия неизбежно выйдет за границы территории стран НАТО. Во-вторых, Вашингтон ясно дал понять, что он будет внедрять план ФАП вне зависимости от того, присоединится к проекту Россия или нет. Белый дом поставил себе задачу разместить в Европе ракеты-перехватчики, способные сбивать иранские баллистические ракеты, к 2020 г., и эта позиция не является предметом торга.

Итак, подведем итог. Начиная с ноября 2010 г. вопрос создания совместной системы ПРО высоко стоит на повестке дня Совета Россия–НАТО (СРН). Рассматриваются два варианта такой системы. НАТО и США выступают за создание двух отдельных систем, работающих совместно. Россия предлагает единую совместную систему, основанную на секторальном подходе. Учитывая, что и Россия, и НАТО занимают весьма жесткую позицию по вопросу архитектуры ПРО, существуют большие сомнения относительно их способности выйти на взаимоприемлемое соглашение. Министры обороны стран СРН провели 8 июня 2011 г. свою первую встречу за последние три года. Хотя вопрос ПРО стоял в первых строках повестки дня, никакого соглашения министрам достичь не удалось⁶⁴.

Наволю России и НАТО к сотрудничеству оказали негативное влияние продолжающиеся разногласия относительно архитектуры европейской ПРО. Разногласия эти касаются двух ключевых вопросов. Во-первых, НАТО не желает подписывать документ, который убедил бы Москву, что хотя зона действия системы ПРО будет простирается до Урала, эта система не будет направлена против России. Кроме того, сама Россия не желает принимать на веру одни лишь устные декларации. Во-вторых, стороны не могут договориться о том, будет ли новая территориальная система ПРО отдельной натовской системой, как предлагает сам альянс, либо совместной, как того требует Россия. Тем не менее ни Россия, ни НАТО не считают, что переговоры зашли в тупик. Как заявил российский министр обороны А.Э. Сердюков, «мы с НАТО пока еще не рассмотрели все возможные варианты... Должны быть варианты решения данного вопроса, которые удовлетворят и Россию, и противоположную сторону»⁶⁵. Генеральный секретарь НАТО утверждает, что переговоры по данному вопросу пока еще находятся на самых ранних стадиях. Он надеется, что решение будет найдено до начала следующего саммита, намеченного на май 2012 г.⁶⁶

Все стороны демонстрируют решимость достичь соглашения, несмотря на существующие трудности. По словам А. Д. Богатурова, это позитивный сигнал, поскольку «если существует политическая воля, невозможно не найти конкретного решения»⁶⁷. Иными словами, успех сотрудничества между Россией и Европой по вопросу ПРО будет зависеть от наличия или отсутствия политической воли у лидеров.

Можно констатировать очевидный парадокс. Политические элиты всех стран признают чрезвычайную важность сотрудничества для обеспечения безопасности на европейском континенте. Однако, на мой взгляд, политизация вопроса противоракетной обороны и слишком высокие ожидания от сотрудничества в данной области со стороны как НАТО, так и России, продемонстрированные на саммите в Лиссабоне, могут помешать внедрению данного проекта и положить конец улучшению отношений между Россией и НАТО.

Примечания

¹ NATO Missile Defense, http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49635.htm (последнее посещение — 20 апреля 2011 г.).

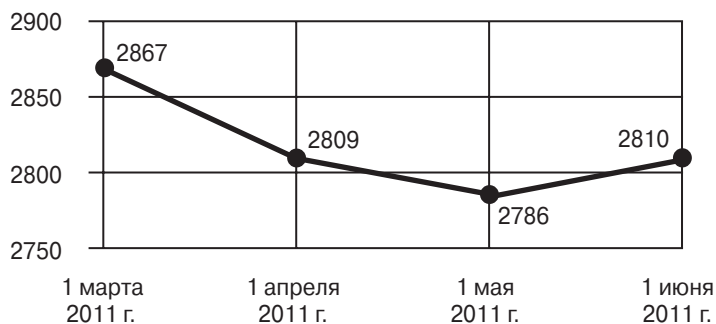
² Ali Sarihan, Amy Bush, Lawrence Summers, Brent Thompson, Steven Tomaszewski. Ballistic Missile Defense in Europe. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. 2009. Vol. 8, no. 3. P. 22.

- ³ Jimmy A. Ruck and al. The US Plans for Ballistic Missile Defense: impact on international security and US-Russia relations. *The Stanford US-Russia Forum Journal*. 2009–2010. Vol. 1. P. 29.
- ⁴ Michel Asencio. Le C2 et la défense antimissile balistique européenne en 2009. *Fondation pour la Recherche Stratégique Recherches & Documents*. 2010. Vol. 10. P. 25.
- ⁵ Stephen Fidler. Russia rebuffed on missile offer. *The Wall Street Journal*. 2010. November 26.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Andrew Weiss. The Kremlin's Bold Missile Defense Gambit. *The Moscow Times*. 2011. January 27.
- ⁸ Bruno Gruselle. La defense anti-missile. In: Dissuasion, proliferation, desarmement: le debatnucleaire apres 2010. *Etudes et debat n°3, Fondation pour la Recherche strategique*. 2010. P. 20.
- ⁹ Интервью автора с турецким дипломатом. Москва. 2011. Апрель.
- ¹⁰ Robert Bell. The why, what and how of missile defense at NATO. AIAA MD Conference, March 21, 2011.
- ¹¹ NATO Missile Defense.
- ¹² Интервью автора с литовским дипломатическим источником. Москва. 2011. 21 марта.
- ¹³ Raimo Vayrynen. Controversies Over Missile Defense In Europe. *Working Paper, The Finnish Institute of International Affairs*. 2009. P. 17.
- ¹⁴ Oliver Thränert. NATO, Missile Defense and Extended Deterrence. *Survival*. 2009. Vol. 5, no. 6. P. 72.
- ¹⁵ Dean A. Wilkening. Nuclear Zero and Ballistic-Missile Defense. *Survival*. 2010. Vol. 52, no. 6. P. 112–113.
- ¹⁶ NATO Missile Defense Feasibility Study. NATO Press Release. 2003, September 26, <http://www.nato.int/docu/pr/2003/p03-109e.htm> (последнее посещение — 20 апреля 2011 г.).
- ¹⁷ Robert Bell. Op. cit.
- ¹⁸ Финансирование Агентства противоракетной обороны с 1985 по 2010 г., <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf> (последнее посещение — 20 апреля 2011 г.).
- ¹⁹ Robert Bell. Op. cit.
- ²⁰ Интервью автора с дипломатическим источником. Москва. 2011. 4 апреля.
- ²¹ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ²² Anders F. Rasmussen, Monthly Press Briefing May 5, 2010, http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_63153.htm (последнее посещение — 20 апреля 2011 г.).
- ²³ Интервью автора с турецким дипломатом. Москва. 2011. Апрель.
- ²⁴ Beata Gorka-Winter and Marek Madej. NATO Member States and the New Strategic Concept: An Overview. *The Polish Institute of International Affairs*. 2010. March.
- ²⁵ Иранская баллистическая ракетная программа, <http://www.iranwatch.org/wmd/wmd-iranmissileessay.htm> (последнее посещение — 20 апреля 2011 г.).
- ²⁶ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ²⁷ Dorian Jones. As summit begins, NATO missile shield a test of Turkey's allegiance. *Deutsche Welle*. 2010. November 19.
- ²⁸ Интервью автора с турецким дипломатом. Москва. 2011. Апрель.
- ²⁹ The Future, With or Without a Joint Missile Defense? *Conference at Carnegie Moscow Center*. 2011. April 11.
- ³⁰ The National Security Strategy of the United Kingdom. 2008.
- ³¹ The National Security Strategy of the United Kingdom. 2010.
- ³² Elisabieta Horoszko. Missile Defense: A view from Warsaw. *Working Paper, Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2009. P. 3.
- ³³ Интервью автора с дипломатическим источником. Москва. 2011. 4 апреля.
- ³⁴ Интервью автора с литовским дипломатическим источником. Москва. 2011. 21 марта.
- ³⁵ Интервью автора с немецким экспертом. Москва. 2011. 9 марта 2011.

- ³⁶ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ³⁷ Интервью автора с турецким дипломатом. Москва. 2011. Апрель.
- ³⁸ Интервью автора с немецким экспертом. Москва. 2011. 9 марта 2011.
- ³⁹ Wilkening Dean. Nuclear zero and Ballistic-Missile Defence. *Survival*. 2010, Vol. 52, Issue 06. Pp. 107–125.
- ⁴⁰ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ⁴¹ Julia Zamecnik. Obama's European Missile Defense Strategy: Will France Play Nice? *The Monitor*. 2010, Winter.
- ⁴² Defense White Paper: Delivering Security in a changing world. 2003. December.
- ⁴³ Lisbon Summit Declaration. NATO Press release. 2010. November 20.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Jimmy A. Ruck, Anna Saakyan, Igor Tomashov, and William Treseder. The US Plans for Ballistic Missile Defense: An Impact on International Security and US-Russia Relations. *The Stanford US-Russia Forum Journal*. 2009–2010. Vol. 1.
- ⁴⁶ Интервью автора с немецким экспертом. Москва. 2011. 9 марта 2011.
- ⁴⁷ Интервью автора с турецким дипломатом. Москва. 2011. Апрель.
- ⁴⁸ Интервью автора с дипломатическим источником. Москва. 2011. 4 апреля.
- ⁴⁹ Permanent mission of Russia to NATO. Russia-NATO Joint Missile Defense: Implementing the Decision (East-West Institute Roundtable synopsis). 2011. April 5. <http://natomission.ru/en/security/article/security/artnews/134/> (последнее посещение — 19 апреля 2011 г.).
- ⁵⁰ Gorka-Winter. Op. cit.
- ⁵¹ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ⁵² Richard Weitz. Illusive Visions and Practical Realities: Russia, NATO and Missile Defense. *Survival*. Vol. 52, no. 4.
- ⁵³ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ⁵⁴ Thomas Gomart. NATO, Europe and 'Russian question'. In: Russian-European Relations: Between Strategic Alliances and Zero-Sum Game. *XIIIth International Academic Conference on Social and Economic Development*. Higher School of Economics. Moscow. 2011. April 6.
- ⁵⁵ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ⁵⁶ APF. NATO, Russia missile shields must remain separate: Lithuania. 2011. November 20.
- ⁵⁷ Интервью автора с немецким экспертом. Москва. 2011. 9 марта 2011.
- ⁵⁸ Интервью автора с дипломатическим источником. Москва. 2011. 4 апреля.
- ⁵⁹ Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ⁶⁰ Интервью автора с турецким дипломатом. Москва. 2011. Апрель.
- ⁶¹ Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ. 2010, 30 ноября, <http://www.kremlin.ru/news/9637> (последнее посещение — 19 апреля 2011 г.).
- ⁶² Интервью автора с французским дипломатом. Москва. 2011. 18 апреля.
- ⁶³ Интервью автора с немецким экспертом. Москва. 2011. 9 марта 2011.
- ⁶⁴ Россия и НАТО опять не смогли договориться о создании европейской системы ПРО, <http://www.1tv.ru/news/polit/178242> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁶⁵ NATO and Russia Clash Again on Missile Defense, <http://www.themoscowtimes.com/news/article/nato-and-russia-clash-again-on-missile-defense/438579.html> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁶⁶ НАТО и Россия — Вопросы и ответы, <http://www.natochannel.tv/?uri=channels/381662/1362886> (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).
- ⁶⁷ Блинов Артур. Министры обороны продолжили спор о ПРО, http://www.ng.ru/world/2011-06-09/7_pro.html (последнее посещение — 10 июня 2011 г.).

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(март-июнь 2011 г.)

- ➔ **Галия Ибрагимова. ИНДЕКС *iSi* В АПРЕЛЕ-ИЮНЕ 2011 г.: ГРОМОВЫЕ РАСКАТЫ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ИТОГИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА**
- ➔ **Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунув, Антонио Рамальо, Мехди Санаи, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Чун-Шэн Тян. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

Весной 2011 г. Индекс международной безопасности стремительно снижался. На 1 апреля значение Индекса *iSi* составило **2809 пунктов**. На 1 мая показатель снизился на 23 пункта — до **2786**. Затем *iSi* начал движение вверх и к 1 июня достиг **2810 пунктов**. Основными причинами снижения Индекса весной стали продолжающееся военное противостояние в Ливии войск Муаммара Каддафи и повстанцев, поддерживаемых силами НАТО, а также не стихающие выступления против властных структур в других государствах Северной Африки и Ближнего Востока. Сирия и Йемен стали эпицентрами ожесточенных столкновений противников и сторонников действующих в этих странах режимов. Антиправительственные акции продолжились в Омане, Ираке, Бахрейне, Саудовской Аравии, Иордании, Буркина-Фасо, Уганде. Из-за наплыва арабских беженцев государства Евросоюза временно усилили контроль на границах в зоне Шенгена. В Японии продолжается ликвидация последствий землетрясения, цунами и аварии на АЭС *Фукусима-1*. *Фатх* и *Хамас* достигли исторического соглашения о межпалестинском перемирии.

- **Африка и Ближний Восток.** Дальнейшее обострение ситуации в государствах Северной Африки и Ближнего Востока весной 2011 г. угрожающе воздействует на глобальную безопасность. В **Ливии** идет гражданская война между сторонниками Муаммара Каддафи и повстанцами. 19 марта в военное противостояние против режима полковника вступила коалиция западных государств при поддержке Лиги арабских государств. Решение об этом было принято на саммите в Париже после принятия 17 марта Советом Безопасности ООН резолюции № 1973, устанавливающей бесполетную зону над Ливией и допускающей возможность принятия военных мер. 26 марта НАТО взяло на себя руководство над операцией в Ливии. В течение апреля-мая с переменными успехом шли позиционные бои между восками Каддафи и оппозицией, поддерживаемой с воздуха

Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор — по электронной почте из Парижа: Военная операция сил НАТО в Ливии выходит за рамки резолюции Совета Безопасности ООН № 1973. Беспорядочные бомбардировки по военным и невоенным объектам Джамахирии свидетельствуют о том, что главная цель Североатлантического альянса — уничтожить Каддафи и его режим. Накал протестных настроений в Сирии и Йемене, ужесточение США и Евросоюзом режима санкций в отношении этих стран усугубляет ситуацию в регионе. Нарастают противоречия между США и Пакистаном. Несогласованное с Исламабадом уничтожение Усамы бен Ладена, замешательство администрации Обамы относительно будущности стратегии *АфПак* ведут к росту антизападных настроений. Перемирие, достигнутое между *Фатх* и *Хамас*, омрачено бескомпромиссной позицией Израиля по вопросу строительства новых поселений на Западном берегу реки Иордан. Тем самым официальный Тель-Авив отказывается от поиска путей к миру с Палестиной. Предстоящая в сентябре сессия Генеральной ассамблеи ООН, на которой будет озвучена идея создания Палестинского государства, может стать спусковым механизмом для начала израильянами новой военной операции против палестинцев. В итоге это приведет к замораживанию всех мирных инициатив в регионе.

силами НАТО, за Мисурату, Адждабию, Триполи, Марса-эль-Брегу. 12 мая авиация Североатлантического альянса нанесла удары по резиденции Каддафи, погибли его младший сын и внуки. В городах не хватает продовольствия и медикаментов. ООН добилась открытия гуманитарного коридора в Ливии, а страны Евросоюза согласовали план отправки сухопутных подразделений для охраны конвоев с гуманитарной помощью. Ливийские власти призвали ООН и Африканский союз назначить дату прекращения боев, но НАТО отвергла эту инициативу. Между тем лидеры стран большой восьмерки на встрече во французском Довиле подтвердили, что режим Каддафи утратил легитимность.

Резко обострилась ситуация в **Сирии**, где оппозиция требует ухода от власти Башара **Асада**. Главным очагом волнений стали города Хомс и Дераа, где сирийские службы безопасности для разгона демонстраций применили оружие; десятки человек погибли. Сам президент не намерен покинуть свой пост. 14 апреля он утвердил состав нового правительства, а 21 апреля — подписал указ об отмене действия в Сирии чрезвычайного положения. США и ЕС ввели санкции против Дамаска, Совет ООН по правам человека осудил действия властей и направил в страну миссию экспертов для расследования предполагаемых преступлений. Действия сирийских властей по подавлению уличных демонстраций осудили лидеры стран большой восьмерки на встрече в Довиле.

- **Иран** для оказания помощи правительству Сирии в подавлении демонстраций увеличил число советников и инструкторов, отправляемых в Дамаск. Демонстрации в Сирии угрожают лишить Тегеран самого важного союзника в регионе. Между тем в самом Иране обострились противоречия между духовным лидером страны аятоллой Али Хаменеи и президентом Махмудом Ахмадинежадом. Причиной столкновения интересов стали разногласия по вопросам кадровой политики в преддверии парламентских выборов в стране в 2012 г.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: В Ливии противостояние войск Каддафи и повстанцев, поддерживаемых авиацией НАТО, зашло в тупик. Без наземной операции победить полковника не удастся. Но начало сухопутной операции чревато большими потерями, эскалацией и интернационализацией сопротивления НАТО. В Сирии роль застрельщиков событий играют Иран или Катар, Саудовская Аравия или Турция. Режим Башара Асада устоит, если армия продолжит его поддерживать. Падение чревато расколом Сирии. Усилится влияние исламистов, в том числе *Братьев-мусульман*, резко ухудшится положение этноконфессиональных меньшинств: христиан, алавитов, друзов. Распад Сирии невыгоден ее соседям, включая Израиль. Но логика противостояния Саудовской Аравии и Ирана, союзником которого является Дамаск, позволяет предположить, что эскалация внутреннего противостояния будет усиливаться. Кровопролитная и затяжная гражданская война ожидает Йемен, если президент Салех не уйдет в отставку. Это приведет к дезинтеграции страны и станет детонатором для всего Аравийского полуострова. В целом, события на Ближнем Востоке — это начало изменения постколониальных границ, которые изменят всю геополитическую картину региона.

Между тем 24 мая Международное агентство по атомной энергетике (МАГАТЭ) в новом докладе заявило, что Иран продолжает наращивать запасы низкообогащенного урана, несмотря на ужесточение действующих в отношении Исламской Республики международных санкций.

В **Йемене** не стихают ожесточенные столкновения сторонников и противников президента Али Абдаллы **Салеха**. Оппозиция контролирует север и запад Саны, а остальную часть столицы контролируют правительственные войска. 23 апреля Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива инициировал план по урегулированию внутривнутриполитического конфликта в Йемене, который предусматривает формирование правительства национального единства, отставку президента и передачу его полномочий вице-президенту страны. Правящая партия и оппозиция согласовали этот

Мехди Санаи (Иран), доктор политологии, руководитель Центра по изучению России, Центральной Азии и Кавказа — по телефону из Тегерана: Разворачивающиеся на Ближнем Востоке события поднимают три основные проблемы. Первая: в современном мире нет места политическим системам прошлого. Йемен, Бахрейн, Египет Мубарака — это примеры изживших себя монархий. Главным катализатором эволюции политических систем в арабо-мусульманском мире становится молодежь, которая не намерена мириться с пережитками прошлого. Вторая проблема — это зашедшее в тупик палестино-израильское противостояние. Запад традиционно поддерживал в этом конфликте Израиль. Египет, как наиболее влиятельная сила в регионе, на протяжении многих лет игнорировал интересы мусульман и проводил собственную, независимую от мнения большинства политику в отношении этой страны. *Хамас* и *Хезболла* — наиболее прогрессивные силы в регионе — всегда были более близки к народу. Сегодня они хотят продемонстрировать солидарность с палестинским народом и твердость позиций по вопросу палестино-израильского урегулирования. Подписание исторического соглашения о примирении между *Фатх* и *Хамас* — значимый шаг на пути создания палестинского государства. Для *Фатх*, которая представляет официальную позицию Палестинской национальной администрации, объединение с *Хамас* — это также возможность стать ближе к народу. Третья важная проблема, которую поднимают ближневосточные события — это изменение геополитического расклада сил в регионе. Ближний Восток отныне будет играть более весомую роль в современных международных процессах. Очевидно, что США попытаются сохранить контроль над ситуацией, обосновывая это необходимостью поддержания стабильности в регионе.

Уничтожение Усамы бен Ладена — это возможность для американцев еще раз продемонстрировать свою приверженность к созданию более безопасного мира. Но в борьбе с терроризмом важно искать корни проблемы. Искоренять терроризм следует не только военными методами, но и методами мирного строительства. То, что Россия сегодня строит в Чечне школы, больницы, развивает инфраструктуру — пример мирных методов в борьбе с этим злом. Не менее важен цивилизованный подход к решению проблемы. Истинный мусульманин понимает, что терроризм никоим образом не соотносим с исламом. Поэтому в борьбе с ним необходимо не столкновение, а взаимодействие цивилизаций.

план. Президент Салех согласился передать власть своим сторонникам, но в итоге не подписал достигнутое соглашение, заявив, что продолжит борьбу. В стране усиливают свои позиции исламисты. 30 мая действующие на юге Йемена боевики, связанные с *Аль-Каидой*, захватили город Зинджибар. Президент теряет контроль над страной.

Весной антиправительственные акции продолжились в Омане, Ираке, Тунисе, Бахрейне, Саудовской Аравии, Иордании. Беспорядки были зафиксированы в Буркина-Фасо, Уганде, Боливии. 18 апреля в **Нигерии** после объявления результатов президентских выборов, вспыхнули массовые волнения из-за возможной фальсификации итогов голосования. 19 апреля на юго-востоке **Турции** курды провели акции протеста против властей, отстранивших прокурдских кандидатов от участия в июньских парламентских выборах.

В **Египте** 7 мая вспыхнули ожесточенные столкновения мусульман и христиан. Межрелигиозный конфликт произошел после того, как мусульмане напали на христианскую церковь в северо-западном пригороде Каира. В результате столкновений погибло около 20 человек.

В **Кот-д'Ивуаре** противостояние сторонников и противников международного признанного президента Аласана Уаттары и его конкурента завершилось в начале мая взятием штурмом французским спецназом резиденции Гбагбо в Абиджане и передачей его в руки оппозиции.

Израиль–Палестина. Весной напряженной оставалась военно-политическая ситуация на границе Израиля и сектора Газа. 15 мая на ливано-

Халил Каравели (Турция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Народные волнения в Йемене, Ливии, Сирии дестабилизируют ситуацию на Ближнем Востоке. Протесты суннитов в Сирии и их жесткое подавление режимом Башара Асада обнажили несостоятельность алавитского меньшинства, находящегося у власти. Страна разломлена по этническому и сектантским группам, что чревато крахом политической системы и страны как таковой. Сирийский фантом может стать спусковым механизмом для начала в регионе крупномасштабной войны. Режим Асада обречен. Отчаяние сирийских властей провоцирует их действовать против Турции и Израиля. Не исключено, что Сирия вместе со своим союзником и покровителем Ираном подстрекают выступления курдов на юго-востоке Турции.

Призыв Барака Обамы к Израилю восстановить границы с Палестиной по состоянию на 1967 г. обозначила новый американский подход к Ближнему Востоку. Очевидно, что выдвинутая инициатива — это не сиюминутное разрешение ближневосточного кризиса, но и не топтание на месте, свойственное сторонам конфликта. США, усиливая давление на Израиль, посылают арабскому миру знаки о том, что не поддерживают израильский экспансионизм.

Убийство Усамы бен Ладена — событие, которое очертило *конец истории* воинствующего исламизма. Террористы исламистского толка могут начать мстить за смерть лидера, но путь к созданию исламского халифата заказан. Осознание, что исламистский терроризм никогда не сможет одержать победу над США, отрезвляюще подействовало на все экстремистские элементы арабо-мусульманского мира.

израильской границе, в районе сектора Газа, а также на линии разделения сирийских и израильских войск израильские военные открыли огонь по палестинцам за попытку прорваться на территорию страны. Между тем Барак **Обама** в своей речи о будущем Ближнего Востока, поддержал палестинцев и впервые заявил о необходимости восстановить границы между Израилем и Палестиной по состоянию на 1967 г. Израиль отверг этот призыв, в ответ палестинцы заявили, что будут требовать признания своего государства через ООН.

3 мая соперничающие палестинские движения *Фатх* и *Хамас* подписали соглашение о национальном примирении и создании общих органов власти.

- **Афганистан — Пакистан.** В апреле в Афганистане вспыхнули беспорядки, спровоцированные сожжением Корана американским пастором Терри **Джонсом**, погибло более 100 человек. В Мазари-Шарифе толпа напала на офис ООН, погибли 12 человек, в том числе 7 сотрудников миссии.

Весной в северных и восточных районах Афганистана активизировались столкновения между талибами и силами международной коалиции. В конце мая талибы захватили населенные пункты в уезде Даваб, войска ИСАФ были вынуждены отступить для перегруппировки сил.

2 мая США объявили об уничтожении *террориста номер один* Усамы **бен Ладена**. Лидер движения *Аль-Каида* скрывался в укрепленном доме близ пакистанского города Абботабад на севере страны. Несогласованная с пакистанскими властями операция по уничтожению террориста вызвала жесткую реакцию официального Исламабада и еще больше обострила непростые

Фарход Толипов (Узбекистан), независимый политолог — по электронной почте из Ташкента: Международная комиссия по расследованию событий на юге Киргизии в июне 2010 г. представила доклад, в котором ответственность за межэтнические столкновения возложило на руководство страны во главе с Розой **Отунбаевой**. Считаю, что выводы доклада вполне убедительны и объективны. Неспособность киргизских властей нейтрализовать ситуацию спровоцировала межэтнические столкновения. Имела место вовлеченность самого руководства страны в этот конфликт. События в Оше отбросили назад региональную интеграцию Центральной Азии, обострили недоверие между республиками. Усиление Узбекистаном присутствия военных на границе с Киргизией — это следствие возникшего в результате тех событий недоверия.

Реальную угрозу безопасности Центральной Азии представляет Афганистан, ситуация в котором как будто нарочно провоцируется. Атаки афганцев против представительства ООН — абсолютно неадекватный ответ на провокацию американского пастора Терри **Джонса**, сжегшего Коран. Если этот неугомонный американец не откажется от своих безумных затей, то беспорядки продолжатся, а возможно повторятся в других мусульманских странах. Но проблема не только в безумном пасторе. В США зарождается уродливое социальное явление — *терриджонизм*, которое означает вандализм по отношению к иной религии. В ответ Америка как лидер мирового сообщества должна продемонстрировать пример принципиального отношения к проявлениям религиозной нетолерантности и наказать виновных. Это увеличит авторитет страны не только в Афганистане, но и в других частях исламского мира.

отношения с США. 26 мая по запросу пакистанского правительства начался частичный вывод американских военнослужащих из Пакистана.

Из-за угрозы терактов после ликвидации Усамы бен **Ладена** в ряде стран повышены меры безопасности

- **Европа.** Непрерывающийся поток нелегальных беженцев из Туниса и других стран Северной Африки, охваченных народными волнениями, вынудил государства Евросоюза рассмотреть возможность временного восстановления пограничного контроля в зоне Шенгенского соглашения. Инициаторами восстановления временного пограничного контроля в зоне Шенген стали Италия и Франция, где приток беженцев составил более 25 тыс. человек и правительства этих стран отказались их принимать. Таможенный контроль с сопредельными Германией и Швецией восстановила Дания. Еврокомиссия поддержала предложение о частичной отмене Шенгенских соглашений, но члены Европарламента осудили это решение.

Экономический кризис в Греции снова был в центре внимания Евросоюза весной. Объем кредита в размере 110 млрд евро, выделенный ранее стране, оказался недостаточным для восстановления экономики. В мае европейские лидеры обсуждали возможность беспрецедентного вмешательства в экономику Греции, которое может включать контроль за приватизацией госактивов и сбором налогов.

Массовые демонстрации против сокращения правительством госрасходов прошли в Лондоне, Греции, Португалии.

В Албании прошли акции протеста оппозиции с требованием объявить итоги выборов 8 мая. В Косово вспыхнули столкновения радикальной оппозиции с полицией из-за визита политического директора МИД Сербии Борислава **Стефановича**. В Боснии и Герцеговине обострился политический кризис из-за попыток властей Республики Сербской провести референдум,

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: События в арабском мусульманском мире ведут к увеличению потока мигрантов в Италию из Туниса и Ливии. Это провоцирует слухи о возрастающих угрозах безопасности Европейского Союза. Но угрозы эти чересчур преувеличены. Не думаю, что 17–25 тыс. мигрантов могут каким-то образом дестабилизировать ситуацию или снизить благополучие 60 млн итальянских граждан. Проблема мигрантов ставит другой, более важный вопрос о доверительности и сплоченности внутри государств ЕС. Много лет Италия призывала к совместным расходам на охрану и защиту внешних границ ЕС, которые должны были рассматриваться как общие. Сегодня в связи с возникшей проблемой вынужденных переселенцев из африканских государств Франция усиливает единоличный контроль на границе с Италией. Это не противоречит Шенгенским соглашениям, но свидетельствует о пробелах в системе единого государственного управления ЕС и размывании понятия *европейская солидарность*. После чрезвычайно сложного для Европы десятилетия, прошедшего с начала XXI в., практическая реализация единой европейской политики поставлена под сомнение. Беженцы из Африки становятся *яблоком* внутривнутриполитического *раздора* государств ЕС, который в любом случае придется преодолевать для сохранения *тлеющей* европейской идентичности.

оспаривающий решения международной администрации по созданию суда и прокуратуры Боснии и Герцеговины.

- **Постсоветское пространство.** 11 апреля в минском метро произошел взрыв — жертвами теракта стали 13 человек, около 200 получили ранения. 23 мая Нацбанк Белоруссии объявил о резкой девальвации белорусского рубля.

В конце апреля произошли столкновения на линии соприкосновения военных Нагорного Карабаха и Азербайджана. Оппозиция Грузии провела в мае акции протеста с требованием отставки президента Саакашвили.

Международная комиссия по расследованию событий на юге Киргизии в июне 2010 г. представила доклад, в котором ответственность за межэтнические столкновения возложило на руководство страны во главе с Розой **Отунбаевой**.

- **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** 3 мая Вашингтон и Бухарест согласовали вопрос о размещении системы американской ПРО на территории Румынии. Продолжились переговоры России и НАТО о создании совместной ЕвроПРО. Вопрос о ПРО был в центре внимания президентов России и США на майском саммите большой восьмерки в Довиле.
- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** В Японии продолжают восстановительные работы по ликвидации последствий аварии на АЭС *Фукусима-1*, вызванной землетрясением и цунами. Правительство страны подняло уровень опасности по международной шкале ядерных событий на АЭС *Фукусима-1* до максимального седьмого.

На юге США прошедшие в мае штормы и торнадо стали причиной гибели более 300 человек. Началась принудительная эвакуация жителей из окрестных районов.

Галия Ибрагимова

Евгений Бужинский (Россия), генерал-лейтенант, член Экспертно-Консультативного Совета ПИР-Центра — по телефону из Москвы: Для Москвы не стала большим сюрпризом достигнутая договоренность между Вашингтоном и Бухарестом о размещении американских ракет-перехватчиков на бывшей военно-воздушной базу Девеселу. Размещение в Румынии наземной системы *Иджис* с РП *SM-3 IB* предусмотрено американским планом поэтапного адаптивного подхода к развертыванию европейского сегмента ПРО. Появление американских противоракет в Румынии — это, по сути, переход ко второму этапу плана, который должен быть реализован к 2015 г. На лиссабонском саммите Североатлантического альянса в ноябре 2010 г. было принято решение об интеграции американского адаптивного подхода и активной эшелонированной ПРО ТВД НАТО. Иначе говоря, в данном случае произошло формальное закрепление на двустороннем уровне согласованного в рамках альянса решения. Не думаю, что американо-румынские договоренности способны оказать серьезное влияние на трудно проходящие консультации с НАТО по ЕвроПРО. Скорее они дают России повод более настойчиво поднимать вопрос о юридически обязывающих гарантиях ненаправленности американской ПРО против России. Считаю, что компромиссное решение будет найдено и сотрудничество с НАТО в области противоракетной системы будет продолжено.

Если судить о международных отношениях по заголовкам СМИ, то весной 2011 г. их эпицентр прочно утвердился в зоне Большого Ближнего Востока. Эксперты и журналисты увлеченно обсуждали последствия падения режимов в Тунисе и Египте, репрессии против сирийской оппозиции, волнения в Йемене, гражданскую войну в Ливии, операцию НАТО против режима Каддафи и, разумеется, ликвидацию Усамы Бен Ладена. Они, правда, разошлись во мнениях относительно причин этих событий, их природы и значимости. Одни видят в них начало неких *тектонических сдвигов*, меняющих не только политический облик Ближнего Востока, но и его глобальную стратегическую роль. Другие надеются, что в арабском мире началась новая, четвертая волна демократизации. Третьи убеждены, что выходящие на улицы арабских городов толпы протестующих управляются из штаб-квартир ЦРУ, Моссада или НАТО. Четвертые считают, что в конечном итоге все сведется к смене персоналий на верхушке властной пирамиды. Вполне возможно, что именно они и окажутся правы. Как меланхолически заметил в свое время Бернард Шоу, «революции никогда не облегчали бремя тирании. Они лишь переключали это бремя с одного плеча на другое».

Происходящее на Ближнем Востоке, сколь бы любопытным оно не было, отвлекло внимание от событий, имеющих не меньшее, а, скорее всего, заметно большее значение для мировой политики. Финансовый кризис в Греции, Португалии и Ирландии, признание провала мультикультурализма и, одновременно, активная роль ряда европейских стран в операции против Каддафи стали, возможно, предвестниками коррекции стратегических установок, свойственных нынешней Европе. Очередная вспышка антизападной истерии в Москве, последовавшая за соглашением о размещении в Румынии американской базы ПРО, оказалась еще одним свидетельством того, что *перезагрузка* отношений между Россией и США была изначально обречена на провал. Интересно и другое. С самого начала нынешних перемен в арабском мире произошло заметное оживление людей, страдающих конспирологическими фобиями и навязчивыми идеями. В целом же, для мировой политики последних месяцев характерного своего рода *весеннее обострение*, как в прямом, так и в переносном смысле.

ПЕРЕМНЫ В АРАБСКОМ МИРЕ: СУХОЙ ОСТАТОК

В Тунисе и Египте власть перешла к *переходным* структурам, задача которых — ввести *революционную стихию* в более или менее стабильное русло, обеспечить конституционные реформы и демократические выборы. После бегства Бен Али в Тунисе создано временное правительство. 23 июля 2011 г. там намечены выборы в Конституционный совет, который разработает новую конституцию. После ее утверждения будут избраны парламент и глава государства. В Египте к власти пришел Высший совет вооруженных сил. В марте 2011 г. сначала на референдуме, а затем Высшим советом была принята временная Конституционная декларация. Парламентские выборы намечены в Египте на сентябрь 2011 г., а президентские должны быть проведены до конца года. Политическая ситуация в этих странах турбулентна и хаотична, что вполне естественно. Падение авторитарных режимов всегда высвобождает энергию масс, не имеющих политического опыта и движимых скорее эмоциями, нежели более или менее ясно сформулированными доктринами. Эту энергию стремятся использовать в своих целях силы самой разной ориентации. Среди них — левые и исламисты, сторонники демократии и группы, связанные с прошлыми режимами.

Перемены на Ближнем Востоке и в Северной Африке высветили ключевую роль армии. В Тунисе и Египте офицерство и генералитет поддержали выступления оппозиции, что, собственно, и решило судьбу бывших режимов. В Ливии армия и элитные слои, в том числе вожди племен, раскололись, что привело к гражданской войне. В Сирии и Йемене армия, по крайней мере армейское командование и службы безопасности,

остаются к моменту написания обзора на стороне правящих кланов. Это позволяет местным лидерам пытаться подавить оппозицию силой. В Йемене, например, договоренности о мирной передаче власти, достигнутые при посредничестве государств Персидского залива, были сорваны президентом Салехом. В итоге, в конце мая 2011 г. там в очередной раз вспыхнули вооруженные столкновения. И, наконец, можно предположить, что если нестабильность в той или иной стране выйдет за некоторые пределы, вооруженные силы возьмут власть в свои руки.

РОЛЬ США В БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СОБЫТИЯХ

События в арабском мире породили несколько устойчивых мифов. Говорят, например, что США и, возможно, некоторые другие западные страны спровоцировали падение тунисского и египетского режимов для того, чтобы предотвратить приход к власти радикальных исламистских сил, и развязали войну против Каддафи, чтобы установить контроль над ливийскими источниками нефти и газа.

Роль Ливии в глобальном нефтегазовом балансе не стоит преувеличивать. В 2009 г. там было добыто 77 млн т нефти (около 2% мировой добычи) и 15 млрд кубических метров газа (0,5% мировой добычи). Но дело не в цифрах. Любое ливийское правительство — будь то Каддафи и его наследники, нынешняя оппозиция, исламские фундаменталисты, если они вдруг придут там к власти, или племенные вожди — будут исправно экспортировать нефть и газ, поскольку это единственный источник доходов, позволяющих стране существовать. А потому захватывать ливийские нефтяные и газовые промыслы военной силой не только бессмысленно, но и контрпродуктивно. Боевые действия вблизи месторождений могут лишь помешать бесперебойной добыче углеводородов и их поставкам на внешний рынок.

Другой вопрос: можно ли предполагать, что американское руководство способствовало свержению бывших режимов в Египте и Тунисе, с тем чтобы привести к власти менее одиозных лидеров прозападного толка и тем самым сорвать планы исламских экстремистов? Эта версия серьезно преувеличивает интеллектуальные способности нынешней американской администрации. События в Тунисе и Египте оказались полной и, главное, неприятной неожиданностью и для Вашингтона, и для правительств всех государств, так или иначе вовлеченных в ближневосточные дела, в том числе России. Пришлось срочно пересматривать устоявшуюся концепцию, согласно которой *умеренные авторитарные режимы* в мусульманских странах являются более или менее надежной основой стабильности в регионе и могут успешно противостоять исламскому радикализму. До сих пор остается неясно, какие политические силы в конечном итоге придут там к власти. Наконец, драматические перемены в Тунисе и Египте были более чем некстати именно для американского руководства, поскольку его основные заботы связаны с Ираком и Афганистаном, а также с ядерной программой Ирана. В этих условиях создавать себе дополнительный источник головной боли в Северной Африке было бы иррационально, даже для президента Обамы.

Относительно внятные, хотя и не слишком впечатляющие установки американской ближневосточной стратегии президент Обама изложил только 19 мая 2011 г., то есть через полгода после начала беспорядков в Тунисе. Если отвлечься от многословной риторики о том, что «свобода и демократия лучше, чем несвобода и авторитаризм», останутся обещание экономической и финансовой помощи Египту и Тунису, а также заявление, что основой урегулирования палестино-израильского конфликта должно стать возвращение к границам до войны 1967 г. Первый тезис особых вопросов не вызывает. Второй же — типичный политический *faux pas*, свидетельствующий о скверном понимании происходящих на Ближнем Востоке процессов. Заявление Обамы вызвало жесткие протесты в Израиле, поскольку не учитывало жизненных интересов 300 тыс. израильских поселенцев на Западном берегу. Палестинцы, в свою очередь, остались недовольны тем, что президент США не поддержал их требований о возвращении нескольких миллионов палестинских беженцев и передаче Иеруса-

лима будущему палестинскому государству. В итоге, менее чем через неделю после широко разрекламированной речи об *арабской весне*, Обама заявил, что его точка зрения была «несколько раз неверно интерпретирована», а израильтяне и палестинцы «должны путем переговоров договориться о границе, которая будет иной, чем та, которая существовала по состоянию на 4 июня 1967 года»¹. Комментарии, видимо, излишни.

ЕЩЕ ОДИН БУМАЖНЫЙ ТИГР

Второй миф, выражающий затаенные желания его авторов, особенно принадлежащих к российским политическим и академическим кругам, предполагает, что НАТО оказалась неспособной свергнуть режим Каддафи военной силой, и стало быть, доказала свою полную импотентность, *выдохлась* и превратилась в некоего бумажного тигра. Неприкрытое злорадство в этих утверждениях переплетается с наивными стратегическими расчетами. Если НАТО действительно не способна справиться с той частью ливийской армии, что сохранила верность Каддафи, то у России развязаны руки. Она может действовать в постсоветском пространстве без оглядки на Североатлантический альянс.

Вывод об импотентности НАТО аргументируется тем, что Каддафи и его клика продолжают сопротивляться, несмотря на непрекращающиеся бомбежки, да и сами бомбежки удивительно вялые. На первый взгляд, такого рода размышления заслуживают внимания. Однако НАТО не ставила своей целью максимально быструю ликвидацию режима Каддафи. Строго говоря, для участвующих в коалиции государств фактор времени не играет особой роли. Действительно, не столь важно, будет ли режим Каддафи ликвидирован в мае, июне или сентябре. Гораздо существеннее не допустить потерь своей авиации и максимально снизить расходы на операцию. Кроме того, слишком интенсивные бомбардировки военных и политических объектов Каддафи неизбежно повлекут за собой излишне высокие *сопутствующие потери*, то есть гибель мирного населения. Это вызовет неблагоприятную реакцию европейского общественного мнения. Наконец, быструю победу над Каддафи может принести только достаточно крупная наземная операция. Она не исключена. Но против нее решительно возражает часть ливийских оппозиционеров, и, кроме того, она чревата хотя и небольшими, но все же чувствительными потерями.

ПРИЗРАК ИСЛАМИЗМА

Наконец, говорится, что распад режимов, подобных тунисскому и египетскому, неизбежно приведет к власти исламских фундаменталистов. Призрак исламизма, действительно, уже несколько десятилетий бродит по всему мусульманскому миру. Однако предположения о том, что в результате крушения авторитарных режимов в арабских странах власть неизбежно перейдет в руки воинствующих религиозных фанатиков, угрожающих всему цивилизованному миру, на мой взгляд, как минимум, спорны.

Сами по себе термины «исламизм», «исламский радикализм» или «исламский фундаментализм» относятся к очень широкой совокупности различных взглядов и движений, которых объединяет только одно — убеждение, что общественная, в том числе политическая и экономическая, жизнь в исламских странах должна регулироваться правилами и нормами шариата. Лишь одно из ответвлений исламизма, известное как салафизм или джихадизм, является непримиримым противником иудео-христианской цивилизации и провозглашает вооруженную борьбу с ней. При этом политические интересы исламистских режимов нередко требуют сотрудничества с США, европейскими странами или Россией. В частности, власть в Саудовской Аравии принадлежит наиболее одиозному из всех ныне существующих исламистских режимов, но его лидеры глубоко заинтересованы в союзнических отношениях с США из-за противостояния с Ираном и другими соперниками в мусульманском мире. Иными словами, сама по себе гипотетическая победа исламистов на выборах в Тунисе, Египте или

Ливии не несет в себе угрозы интересам Запада и России; последняя появится, если к власти придут джихадисты, близкие по взглядам к недавно уничтоженному Бен Ладену. Но такое развитие событий, хотя и не исключено, но маловероятно. Джихадисты являются наиболее опасными противниками практически всей нынешней элиты арабского мира, которая сделает все возможное, чтобы не допустить экстремистов к власти, поскольку станет их первой жертвой.

НОВАЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА?

Главная опасность происходящего на Ближнем Востоке состоит не в гипотетической победе исламских экстремистов, а в том, что власти арабских стран стремятся отвлечь массы от проблем и трудностей собственных стран, канализировав их политическую энергию против Израиля. Сегодня просматривается сценарий развития событий, завершающийся новой войной между Израилем и арабами. В мае 2011 г. отчаянно боровшиеся друг с другом глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас, считающийся, хотя и без особых к тому оснований, относительно здравомыслящим политиком, и Халед Мишаль, лидер террористической группировки Хамас, захватившей власть в секторе Газа, подписали некое соглашение о перемирии и создании в будущем коалиционного палестинского правительства. Этому способствовало нынешнее египетское руководство. Затем представители палестинских группировок, на сей раз при содействии российских властей, встретились где-то в Подмоскovie и приняли некое Московское заявление. В нем определены параметры будущего палестинского государства, в том числе его границы «на основе линий 4 июня 1967 г.»². По мнению высокопоставленного чиновника российского МИД С.В. Вершинина, Московское заявление носит «конструктивный характер»³. На самом деле речь идет о подготовке исключительно опасной провокации.

Следующий шаг предполагается сделать в сентябре. Аббас планирует обратиться к Генеральной ассамблее ООН с просьбой признать суверенное палестинское государство. Без сомнения, Генеральная ассамблея ООН, где доминируют пропалестинские и антиизраильские настроения, эту просьбу поддержит. После этого будет объявлено о создании палестинского государства в границах до войны 1967 г., которые, естественно, не могут быть признаны Израилем. Резко обострятся и без того взрывоопасные проблемы израильских поселений на Западном берегу и палестинских беженцев. Власти арабских государств воспользуются нарастающим напряжением для того, чтобы направить революционный энтузиазм возбужденных масс против извечного врага арабских народов и, разумеется, всего прогрессивного человечества. Нельзя исключать не только новой интифады, но и попыток прорыва палестинцев через израильские границы. Завершится все это может крупномасштабным столкновением между израильской и арабскими армиями. Но даже если до этого дело не дойдет, ситуация на Ближнем Востоке обострится до крайности. Внимание США и европейских государств будет приковано к этому региону, что облегчит России еще одну попытку добиться своих целей в других регионах, прежде всего в зоне Южного Кавказа и в Прибалтике. Ведь не случайно же некто Муса Марзук, заместитель лидера Хамаса, после встречи с С.В. Лавровым проговорился, что последний «пообещал, что если мы в сентябре представим в ООН заявление об образовании независимого палестинского государства, то Россия это требование поддержит»⁴.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Очередную волну скептических комментариев в мае 2011 г. породила ликвидация Усамы бен Ладена. Одни утверждали, что на самом деле бен Ладен жив, а американцы либо убили кого-то другого, либо просто выдумали операцию в Абботабаде; другие — что он был убит много лет тому назад; третьи — что бен Ладен вообще никогда не существовал; четвертые доказывали, что он был доверенным агентом ЦРУ, кото-

рое и стояло за террористическими актами 11 сентября 2001 г. В этом сумбурном потоке нелепых заявлений явно просматривалась антиамериканская направленность — все они так или иначе исходили из того, что Вашингтон всегда врал, врет и будет врать.

На эту ахиною можно было бы не обращать внимания. Но два момента его привлекают. Во-первых, в распространении подобного рода измышлений участвуют не только люди, страдающие психическими отклонениями, но и российские пропагандистские ведомства. Достаточно упомянуть показанный 17 мая 2011 г. Первым каналом российского телевидения сюжет о смерти бен Ладена в Чечне где-то в середине 2000-х гг. Учитывая нравы в московских коридорах власти, понятно, что подобный сюжет мог появиться в эфире только по указанию кого-то из высшего эшелона Кремля или Белого дома. Возникает вопрос: кому и зачем это понадобилось? Во-вторых, подавляющее большинство комментаторов уверено, что успешная ликвидация бен Ладена почти автоматически обеспечивает победу Барака Обамы на будущих президентских выборах в США, а следовательно, данная операция была задумана и осуществлена специально с этой целью. Вот об этом стоит поговорить подробнее.

ПЕРСПЕКТИВЫ БАРАКА ОБАМЫ

В результате акции американского спецназа общий рейтинг нынешнего американского президента действительно повысился, но не намного. С мая 2010 г. и до объявления о ликвидации бен Ладена доля тех, кто положительно оценивал деятельность Обамы на посту президента, была в среднем примерно равна доле тех, кто оценивал ее отрицательно. К концу мая 2011 г. доля позитивных оценок возросла до 49–50 %, а доля отрицательных снизилась до 45–46 %. Разница составила всего 5%. Но важнее другое. По-прежнему, как и год назад, около 60 % американцев считают, что страна движется по неверному пути, тогда как обратной точки зрения придерживаются менее 30 %. Доля тех, кто негативно относится к политике демократической администрации в области экономики и здравоохранения, намного превышает долю тех, кому эта политика нравится. Лишь относительно внешней политики Белого дома голоса американцев разделились примерно пополам. В свете этого предполагать, что ликвидация бен Ладена обеспечила победу Барака Обамы на следующих президентских выборах, было бы, по меньшей мере, наивно.

Таблица 1. Усредненные оценки деятельности Барака Обамы на посту президента США, 20–21 мая 2011 г., %⁵

Сфера деятельности	Положительно	Отрицательно	Затрудняются ответить
Экономика	39	56	5
Здравоохранение	38	55	7
Внешняя политика	44	44	12

Решающее влияние на голосование за или против действующего президента имеет отношение избирателей к его экономической политике и, в случае Обамы, к реформе здравоохранения. А результаты деятельности нынешней американской администрации печальны. Известный российский экономист А.Н. Илларионов оценил их следующим образом:

«То, до чего довела администрация Обамы американскую экономику с дефицитом бюджета двузначным, с увеличением, удвоением государственного долга, заталкиванием американской экономики в долговую петлю, — это вызывает изумление в самих Соединенных Штатах Америки. Никто не может себе представить, что такое в принципе возможно в США. Если показать основные макроэкономические показатели для США без подписи три-четыре года назад,

ни один серьезный экономист не сказал бы, что это возможно в Америке. Назывались бы страны Африки, может быть, Латинской Америки в период расцвета популизма. Никто не мог представить, что западные страны, англосаксонские страны могут проводить такую безответственную политику»⁶.

Наконец, американские избиратели в большинстве своем вполне здравомыслящие люди. Они прекрасно понимают, что главная заслуга в устранении ключевого врага Америки и всего цивилизованного мира принадлежит не президенту, следившему за развитием событий из ситуационной комнаты Белого дома, а разведке и группе спецназа, блестяще осуществившей рейд в глубину Пакистана. Роль Обамы заключалась лишь в том, что он санкционировал эту операцию.

CERTUM EST, QUIA IMPOSSIBILE

Знаменитая формула Тертуллиана «Это верно, потому что невозможно» лишь на первый взгляд кажется бессмысленным набором слов⁷. Суть ее в том, что божественное откровение недоступно обыденному человеческому разуму, который в силу своей приземленности требует рациональных доказательств. К размышлениям Тертуллиана близко учение гностиков, восходящее к вавилонским жрецам и халдейским магам. Они верили, что обладают скрытым, только им доступным знанием, почерпнутым из древних книг или полученным в результате мистического откровения. Один из основных постулатов гностической доктрины заключается в том, что мир по своей природе дуалистичен: в нем идет постоянная борьба сил добра и света с силами зла и тьмы.

Немало современных политиков и публицистов, сами того не подозревая, являются скрытыми последователями Тертуллиана и служителей бога Мардука. Не утруждая себя ни поисками истины в пыльных текстах незапамятных времен, ни анализом современных международных процессов, они, тем не менее, без каких-либо доказательств и вопреки разуму свято верят, что международные отношения определяются все той же извечной борьбой света и тьмы. В частности, антиглобалисты, поклонники Че Гевары и Уго Чавеса, сторонники Аль-Каиды, иранские аятоллы, палестинские террористы и российский истеблишмент патриотического толка убеждены в необходимости священной войны со слугами тьмы, то есть правящими кругами США, к которым иногда добавляют масонов и иудейский синедрион. Эти зловещие порождения преисподней, утверждают названные выше *слуги света*, плетут постоянные заговоры и интриги, выстраивают хитроумные комбинации на шахматной доске глобальной политики, добиваясь мирового господства.

Плохо то, что такого рода конспирологическими теориями подчас руководствуются люди, стоящие во главе крупных и влиятельных государств. Так, например, президент России Дмитрий Медведев в феврале 2011 г. публично прокомментировал события в арабском мире:

«Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире. Она тяжелейшая. Предстоят очень большие трудности. В ряде случаев речь может пойти о дезинтеграции больших густонаселенных государств, об их распаде на мелкие осколки. Надо смотреть правде в глаза. Такой сценарий они раньше готовили для нас, а сейчас они тем более будут пытаться его осуществлять»⁸.

В этом пассаже интересен не столько тезис о «распаде на мелкие осколки» больших густонаселенных государств Ближнего Востока (речь, видимо, шла о Египте, хотя подобная перспектива там никак не просматривается), сколько упоминание о неких таинственных силах, именуемых «они», которые готовили и намерены осуществить дезинтеграцию России. Исходя из контекста выступления президента России — оно было произнесено на заседании Национального антитеррористического комитета во Владикавказе — можно предположить, что речь идет об исламских радикалах. Но тогда непонятно почему и зачем российская дипломатия заигрывает с террористами из Хамаса или, например, до последнего времени пыталась облегчить положение

ние Каддафи, который на протяжении многих лет финансировал и направлял террористические акции. Нельзя исключать, однако, что российский президент имел в виду США, НАТО и другие западные страны и институты, которые традиционно считаются в России наиболее вредной эманацией мирового зла. В этом случае непонятно, как и почему Кремль поддерживает, по крайней мере на словах, *перезагрузку* отношений с Соединенными Штатами.

Хуже другое. Приведенные только что слова Медведева свидетельствуют об органической неспособности творцов российской внешней политики адекватно оценивать происходящие в мире события. Действительно, представление о могущественных анонимных силах, намеревающихся расчленить Россию или вообще стереть ее с карты мира, характерны не только для президента Медведева, роль которого в формировании международной стратегии страны пренебрежимо мала, но для политического мышления современной российской элиты в целом. Это проявление хорошо известного психологам и психиатрам *конспирологического менталитета*. Суть его, как писал один из крупнейших современных социологов Карл Поппер, в том, что

«любые социальные явления, особенно такие, как война, безработица, нищета, дефицит и т. п., которые, как правило, вызывают сильные негативные реакции, представляют собой результат целенаправленных действий некоторых могущественных индивидуумов или групп. В современных формах конспиративизм является типичным результатом секуляризации религиозных предрассудков. Вера в гомеровских богов, заговорами которых объясняли историю Троянской войны, прошла. Боги изгнаны. Однако их место заняли могущественные индивидуумы или группы — злонамеренные группы, порочные замыслы которых ответственны за все то зло, от которого мы страдаем. Это могут быть и сионские мудрецы, и монополисты, и капиталисты, и империалисты»⁹.

КРИЗИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ?

О «закате Европы» в последние годы написаны сотни книг и тысячи статей. Распространяется представление о ней как о Римской империи времен упадка, говорится, что современная европейская цивилизация поражена неким социально-политическим иммунодефицитом, неспособна противостоять натиску *новых варваров*, надвигающихся на нее как с юга, так и с востока. Такие алармистские оценки преувеличены, но далеко не полностью. Перед Европой стоит сегодня очень непростая задача кор-

Андрей Картунов (Россия), президент фонда Новая Евразия — по телефону из Москвы: В вопросе о вступлении России в ВТО наметились новые *подводные камни*, и российско-грузинские разногласия, казавшиеся принципиальными, отошли на второй план. Главный торговый партнер России — Евросоюз — выразил недовольство условиями промсборки иностранных машин в России. В частности, в Евросоюзе сочли, что льготы, предоставляемые иностранным инвесторам, работающим в России на промышленной сборке, не соответствуют требованиям ВТО. Это может стать новым барьером на пути вступления нашей страны в ВТО. С сожалением приходится констатировать, что не все проблемы разрешены, а многократные обещания Запада посодержать России во вступлении в эту организацию снова оказались словами, *брошенными на ветер*. Хотелось бы верить, что этот вопрос будет решен до конца года. В то же время вступление России в ВТО — не самая популярная тема внутри самой страны, поэтому не думаю, что у Москвы хватит политической воли решить этот вопрос до конца года.

рекции социально-экономической модели, позволяющая сохранить ее достижения и, одновременно, устранить источники приближающегося кризиса. В последние месяцы появились признаки того, что в европейском политическом классе пересматриваются некоторые стратегические установки. Это создает начальные предпосылки для преодоления наметившегося тупика. Но будет эта задача решена или нет, остается неясно. А потому вопросительный знак в названии этого раздела не случаен.

Кризис Европы имеет несколько измерений. Чрезмерные масштабы приобрело перераспределение общественного богатства, создаваемого эффективно работающими экономическими субъектами, в пользу малоимущих слоев, а также государств, неспособных сбалансировать социальные расходы с экономическими возможностями страны. Такое перераспределение было необходимо для того, чтобы сократить разрывы в уровнях развития различных стран и регионов европейского континента, а также смягчить остроту социальных проблем. Без этого невозможно было бы создать в Европе исключительно комфортную и приспособленную к интересам подавляющего большинства населения технологическую, социальную и культурную среду. Но, в результате образовалась разросшаяся и малоэффективная евробюрократия, занимающаяся регулированием экономических и социальных процессов. Одновременно в политическом мышлении европейского политического класса широко распространились взгляды и идеи социалистического толка. Возникли мощные паразитические настроения и экспектации части населения, живущей фактически за чужой счет. Левые круги и профсоюзы провоцируют такие настроения, в том числе для укрепления собственных политических позиций. Усиливается напряженность в межгосударственных отношениях в результате растущего недовольства стран, вынужденных выделять крупные средства на нужды плохо работающих партнеров по Европейскому союзу.

Другое проявление кризиса Европы состоит в том, что ее военный потенциал все менее соответствует реалиям XXI в. В итоге, политика в отношении стран, представляющих реальную или потенциальную угрозу европейской безопасности, становится излишне мягкой и уступчивой. Во многом это является побочным следствием того, что в период холодной войны безопасность европейских государств была обеспечена гарантиями США. Эти гарантии позволили, в частности, сократить расходы на оборонные нужды, что благоприятно сказалось на экономике европейских государств, но привело к их отставанию от Соединенных Штатов и сохранению зависимости от Америки в военной и военно-технологической областях. В частности, в 1990-е гг. европейские страны не имели достаточных возможностей для принуждения к миру режима Милошевича и были вынуждены обращаться к США за военной помощью в решении этой сугубо европейской и, по сути дела, не слишком масштабной проблемы. Между тем американское руководство, и это особенно ясно проявляется в деятельности нынешней администрации, далеко не всегда склонно учитывать интересы безопасности отдельных стран — членов НАТО или Европы в целом. Достаточно вспомнить отмену соглашений о размещении в Польше и Чехии элементов американской ПРО.

Военная слабость Европы сочетается с политической и психологической неготовностью значительной части европейского общественного мнения и политического истеблишмента применять военную силу там и тогда, где и когда это требуется объективными обстоятельствами. Как и другие проявления кризиса Европы, это является своего рода оборотной стороной крупнейшего достижений европейского общества, в данном случае — превращения Европы в зону мира. Тяжелейшие разрушения и огромные потери человеческих жизней во Второй мировой войне привели европейское общество к осознанию жизненной необходимости исключения войн из отношений европейских государств. Эта цель была достигнута. Необходимыми предпосылками этого были глубокие политические перемены, в том числе европейская интеграция, а также серьезные сдвиги в общественном сознании. В нем, в частности, утвердились гуманистические ценности, принципы политкорректности, ориентация на поиски компромисса как наилучшего способа решения конфликтных проблем внутри отдельных государств и в отношениях между ними.

Вместе с тем успешный опыт решения межгосударственных проблем и конфликтов между демократическими европейскими странами проецируется на их отношения со всеми другими государствами, в том числе теми, которые, правильно или неправильно, называют звеньями *оси зла*. Между тем общества и элиты, не принадлежащие к евроатлантическому миру, руководствуются, как правило, иными ценностями и используют в своей внешней политике иные методы, чем европейские государства. В частности, за пределами евроатлантического ареала ориентация на компромисс и ненасильственные методы воспринимается как слабость, а политика, как внутренняя, так и международная, считается игрой с нулевой суммой.

Наконец, в Европе увеличивается прослойка иноэтнических и инокультурных групп, в массе своей находящихся в самом низу социальной иерархии, предъявляющих растущие требования и готовых к протестным действиям. Особое место среди них занимает быстро растущая исламская диаспора. В силу особенностей мусульманской политической культуры ее носители с трудом адаптируются к европейской системе ценностей, норм и институтов. Особую тревогу вызывает распространение среди мусульманского населения Европы радикальных, в том числе джихадистских взглядов. Между тем европейские элиты, руководствующиеся, по мнению многих, *ультралиберальными* концепциями, не в состоянии выработать и реализовать разумную политику в отношении миграции из стран третьего мира и преодолеть надвигающийся острый кризис в межэтнических и межрелигиозных отношениях. Недавние заявления британского премьера, французского президента и германского канцлера о «кризисе мультикультурализма» свидетельствуют о том, что в европейских правящих кругах признают необходимость отказа от идеи о том, что глубоко различные по своей культуре группы могут мирно сосуществовать и эффективно сотрудничать в рамках одного и того же государства, сохраняя свою идентичность. Это первый, но необходимый шаг в выработке новой, отвечающей реальностям европейской миграционной политики.

В целом же, *кризис Европы* стал своего рода побочным, видимо, неизбежным результатом глубоких и жизненно необходимых преобразований европейского общества после Второй мировой войны. Он не приобрел, по крайней мере к настоящему моменту, необратимый характер. Его преодоление требует не столько изменений структур и институтов, что крайне сложно и болезненно, сколько серьезного пересмотра политики и стратегий. Похоже, сегодня в Европе началось осознание необходимости такой коррекции.

Финансовый кризис в Греции, Португалии и Ирландии подтвердил, что европейская модель социально ориентированной экономики себя исчерпала. Ее можно поддерживать на плаву еще несколько лет, но чем дольше она сохраняется, тем больше вероятность краха европейской финансовой системы, в том числе распада зоны евро. Необходимость ужесточения финансовой политики, сокращения раздутых социальных расходов и дерегуляции экономики находит все более широкое признание в политических, экономических и академических кругах Европы. Вместе с тем левые и социалистические круги в Европе сопротивляются и будут сопротивляться необходимым переменам, а лидеры государств, над которыми нависает дефолт, будут угрожать выйти из зоны евро и вернуться к национальной валюте, если Евросоюз и международные финансовые институты не предоставят новые займы.

В экономике чудес не бывает: без смены экономической стратегии кризис Европы будет углубляться и может принять необратимый характер. Поэтому чем сильнее будет сопротивление левых кругов коррекции финансовой и, в целом, экономической политики, тем более тяжелым будет их политическое фиаско. Похоже, вторая половина десятилетия будет периодом доминирования в Европе правых партий. Что же касается потенциального выхода Греции или другой страны, находящейся в сходном положении, из зоны евро, то это скорее укрепит, а не развалит европейскую финансовую систему, основой которой являются мощные экономики Германии, Франции и ряда других крупных государств.

Антонио Рамальо (Бразилия), профессор института международных отношений Национального университета Бразилии — по электронной почте из Бразилии: В Латинской Америке весной 2011 г. состояние региональной безопасности улучшилось. Борьба бразильских властей с городской преступностью дала первый позитивный результат. В Рио-де-Жанейро несколько спала острота проблем наркотрафика и нелегальной торговли оружием. Но временное затишье криминальных групп — не повод для спокойствия. Важно закрепить успех и продолжать бороться с преступностью, но не усилиями одной страны, а всего региона. Например, Мексика и Гватемала — это страны, где уровень городских преступлений самый высокий в регионе, но власти бездействуют. Это провоцирует всплеск народных возмущений и выводит на улицы толпы граждан с требованием защитить их от криминала. В Колумбии повстанцы Революционных вооруженных сил испытывают правительство на прочность и проверяют его способность поддерживать порядок в стране. Относительно спокойно прошли выборы на Гаити. Нахождение в стране представителей бывшей власти Аристида и Жан-Клода Дювалье, способных спровоцировать народные волнения, не помешало ходу голосования. Выборы были признаны состоявшимися. Приход новой власти должен стать этапом кардинальных перемен на Гаити. В случае эффективности реформ Миссия ООН по стабилизации на Гаити может быть реорганизована за счет снижения военного аспекта деятельности в пользу политического и гуманитарного сотрудничества. Но этот сценарий возможен в случае, если новый президент страны Мишель Мартелли докажет свою состоятельность как гаранта мира и безопасности. Выборы в Перу не стали очередной сенсацией. Все кандидаты в президенты тяготели к Бразилии как центру политического и экономического влияния. Это благоприятно для дальнейшего углубления региональной интеграции.

О возможном пересмотре отношения европейских стран к использованию военной силы свидетельствует операция против режима Каддафи. Если бы европейские страны и США воздержались от вмешательства в гражданскую войну в Ливии, Каддафи одержал бы победу над своими противниками. Никакой угрозы *прагматически понимаемым* интересам Запада это не представляло. Ливия по-прежнему экспортировала бы нефть и газ, а сам Каддафи еще более, чем ранее, был бы заинтересован в нормальных отношениях с Западом. Поэтому войну в Ливии нельзя объяснить какими-либо иными причинами, кроме стремления ряда европейских лидеров, поддержанных значительной частью политического класса, восстановить способность Европы силой добиваться утверждения собственных политических и моральных ценностей и норм за пределами европейской ойкумены.

И ОПЯТЬ ПРО...

При подготовке этого обзора мне очень хотелось избежать обсуждения проблем, связанных с европейской ПРО. Казалось бы, все, что нужно, уже написано: у России нет технической возможности перехватывать ракеты на высотах более 30 км и неизвестно, появится ли такая возможность в обозримом будущем. Траектории ракет, летящих из Ирана в Европу, практически не захватывают территорию России. А лидеры тех стран, над которыми они проходят, например Украины и Молдовы, вряд ли

согласятся на размещение у себя российских системы ПВО и ПРО. Радиолокационная станция раннего предупреждения в Габале, предназначенная для обнаружения ракетных пусков из района Большого Ближнего Востока принадлежит Азербайджану. Если США или НАТО будут заинтересованы в информации, продуцируемой этой станцией, им проще будет договариваться напрямую с азербайджанским руководством, но не с Москвой.

В свете этого идея так называемой секторальной обороны была изначально обречена на провал, а предложение Вашингтона и НАТО о сотрудничестве с Россией в области ПРО, похоже, не более чем жест вежливости в адрес Кремля и демонстрация того, что *перезагрузка* скорее жива, чем мертва. Российское же руководство воспользовалось предложением Запада о сотрудничестве в области ПРО тогда, чтобы разрушить саму идею развертывания противоракетной обороны. В частности, в начале апреля 2011 г. российский вице-премьер С.Б. Иванов заявил: «Мы настаиваем только на одном: на том, чтобы быть ее равноправным участником. В практическом смысле это значит, что наше представительство разместится, скажем, в Брюсселе и будет давать согласие на нажатие на «красную кнопку» для любого запуска противоракеты — все равно из Польши, из России или из Великобритании»¹⁰. Не нужно быть экспертом в военно-политической области, чтобы понять, что ни НАТО, ни США никогда не согласятся с таким подходом как по техническим, так и по политическим причинам. Действительно, единственным результатом откровений российского вице-преьера стал призыв американских сенаторов к президенту Обаме не давать России права голоса в глобальной системе противоракетной обороны.

Ситуация резко осложнилась после того, как 3 мая 2011 г. было подписано румыно-американское соглашение о развертывании ракет-перехватчиков *SM-3* на румынской военной базе Девеселу, которое должно произойти в 2015 г. Это вызвало поток воинственных заявлений из Москвы. Начальник Генерального штаба Н.Е. Макаров 5 мая 2011 г. заявил: «Мы намерены требовать максимально твердых гарантий ненацеленности европейской системы ПРО против российского ядерного потенциала»¹¹. Неясно, правда, чем именно генерал Макаров намерен подкрепить это требование. Через несколько дней заместитель министра обороны России А.И. Антонов сообщил, что «мы не можем равнодушно смотреть на появление вблизи наших границ систем противоракетной обороны США, зона перехвата которых покрывает территорию России практически до Урала»¹². Это — типичный *argumentum ad ignorantiam*, то есть довод, основанный на невежестве аудитории. В Девеселу планируется развернуть нынешние модификации ракеты-перехватчика *SM-3*, радиус действия которых составляет 500 км. В силу этого «покрывать территорию России до Уральских гор» они никак не могут. Последнее возможно, правда сугубо гипотетически, лишь в том случае, если в Европе будут развернуты ракеты-перехватчики типа *GBI (ground based interceptor)* или разрабатываемые сегодня ракеты *SM-3 Block IIB*, о которых, правда, ничего не известно. Однако если это и произойдет, то не раньше 2020 г. Наиболее впечатляющим, однако, было утверждение российского представителя в НАТО Д.О. Рогзина. Он поведал, что «ПРО в Европе без России — это блеф», и добавил, что в вопросе размещения ЕвроПРО Россия добьется своего «не мытьем, так катаньем»¹³. Комментировать эти заявления без нарушения правил политической корректности, свойственных всем публикациям ПИР-Центра, невозможно. Вспомним лишь Козьму Пруткову: «Бывает, что усердие превозмогает и рассудок».

Хуже другое. Президент Д.А. Медведев не удержался от прямых угроз инициировать новую гонку ядерных вооружений, если НАТО и США не пойдут навстречу российским требованиям, то «нам придется принимать ответные меры, чего бы очень не хотелось, и тогда речь пойдет о форсировании развития ударного потенциала ядерных средств. Это был бы очень плохой сценарий, это был бы такой сценарий, который отбросил бы нас в эпоху холодной войны»¹⁴. А заместитель министра иностранных дел С.А. Рябов потребовал заключения «между Россией и США юридически обязывающей договоренности, в которой фиксировались бы принципы и рамки взаимодействия в этом направлении»¹⁵. Далее он намекнул, что в противном случае Россия может выйти из договора по СНВ и предпринять еще какие-то «ответные действия»¹⁶.

Невольно возникает впечатление, что Кремль воспользовался первым попавшимся под руку предложением для того, чтобы резко ужесточить позицию по отношению к Западу и, особенно, США. Скорее всего, расчет делается на то, что виртуальная перезагрузка является единственным (правда, столь же виртуальным) достижением президента Обамы на международной арене, и для того, чтобы ее сохранить, он пойдет на очередные уступки. Это, по расчетам Москвы, будет означать, что Запад не способен дать отпор российским ультимативным требованиям в отношении других регионов и других проблем. В этом случае можно ожидать нарастания российского давления на Грузию, вплоть до новой агрессии, на Прибалтику и Восточно-Центральную Европу. Если же США и НАТО отвергнут российские притязания, что, собственно и происходит, то новое обострение отношений с ними послужит предлогом для увеличения военного бюджета и дальнейшего закручивания гаек внутри страны. Как заметил однажды В.С. Черномырдин, «нас никто не может упрекнуть в добрых намерениях»¹⁷.

ИТАК

В Европе появились первые признаки переосмысления устоявшихся взглядов и стратегических установок. Но произойдет ли такое изменение и если да, то когда именно, пока неясно. На Ближнем Востоке назревает обострение арабо-израильского конфликта. Не видно перемен во внешней политике демократической администрации США. Москва нагнетает напряженность в отношениях с Западом. Иными словами, причин ожидать, что международная политика в ближайшие месяцы изменится к лучшему, нет. Все может даже измениться к худшему.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: НУЛЕВЫЕ ПОЗАДИ — ВРЕМЯ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ

— У вас есть Твиттер?

— Нет, я его вылечил.

Если считать, что XXI в. начался 11 сентября 2001 г. — а это, думается, правильная точка отсчета, если не хронологически, то уж точно с политической точки зрения, — то можно считать, что первое десятилетие нового века закончилось хронологически почти в срок, что для исторического процесса, согласитесь, редкость. К примеру, XX в. начался с Первой мировой войны, а закончился в декабре 1991 г., после чего началось мучительное и стратегически бессмысленное, жестокое и какое-то, да простят мне этот термин, муторное выстраивание *нового мирового порядка*.

Теперь события начинают приобретать присущий мировой истории динамизм, а с ним и остроту, которую подчеркивают многочисленные и, возможно, неслучайные стихийные бедствия, то тут, то там проверяющие на прочность национальные государства, которые с момента прекращения противоборства наднациональных идеологических систем, которое было по праву символом века XX, остаются основой системы международных отношений. Стоит согласиться, наверное, и с тем, что течение исторического процесса в последние полгода начинает приобретать явную осмысленность. То есть осмысленным оно было вообще-то и раньше, просто еще год назад логика вуалировалась разного рода событийной и информационной *шелухой*. Теперь же логика нового века предстает во всей красе, нравится она нам или нет.

В какой-то мере мы можем говорить о том, что ближайшее время — полтора, два, может быть, три года станут своего рода проверкой национальных государств, пусть даже объединенных в наднациональные союзы, на прочность, на адекватность современных политическим и экономическим вызовам. Что самое главное и что, вероятно, является ключевой посылкой нынешнего обзора — это существенный рост значения

не просто военно-политических вызовов, а вызовов силовых как в глобальном масштабе, так и применительно к нашей стране. Так что наступает действительно интересное время для политиков и политологов. Вот только жить в нем обывателю, кажется, будет куда менее комфортно.

НОВЫЙ МИР: ПОСТБЕНЛАДЕНОВСКИЙ ИЛИ ПОСТФУКУСИМСКИЙ?

Казалось бы, вопрос странный: очевидно, что смерть *террориста номер один* в мире и авария на японской АЭС, пусть даже и с тяжелыми последствиями, по своему влиянию на проблематику военно-политической безопасности в мире не могут даже сравниваться. Но это только на первый взгляд. Достаточно начать разбираться в деталях, и картина становится существенно более сложной.

История с *ликвидацией* (и в данном случае этот термин как никогда точно отражает существо дела) человека, внешне похожего на бен Ладена (который, правда, судя по *домашнему видео*, оказался правой, а не левой, как известный террорист), замечательна и даже где-то забавна. Особенно ее завершающая часть, которую с полной уверенностью можно назвать, да простят мне этот каламбур, *концы в воду*. Мы даже не будем сейчас рассуждать, действительно ли это был бен Ладен и действительно ли его убили в пригороде Исламабада. Хотя вообще-то версия иранских источников о том, что он умер своей смертью еще год назад, выглядит правдоподобно. Во всяком случае, думаю, иранцы знают, что говорят. Но не это главное. Поговорим о том, что меняет смерть бен Ладена в глобальном масштабе.

И выясняется, что, в сущности, она не меняет ничего. Ведь уже несколько лет Усама бен Ладен — и, к слову, объявленные обстоятельства его ликвидации это только подтвердили — утратил все основные возможности руководства террористической деятельностью. Невозможно руководить не то, чтобы террористическим интернационалом, но даже мелкой группировкой из бункера, в котором нет ни интернета, ни мобильного телефона. Показательно и то что последние два года об Аль-Каиде если и было что-то слышно, то только о том, что она вроде бы где-то что-то готовит, да и приходили эти сведения, как нарочно, из американских источников. Только вот ни одного действия эта могучая Аль-Каида не совершила, если не считать попыток *примазаться* постфактум к действиям каких-то более мелких группировок. А реальное оживление радикальных исламистских тенденций отмечено как раз в результате *сетевых революций*, которые наши американские партнеры и стимулировали. Кстати, то же касается и судьбы муллы Омара, лидера талибов, которого якобы убили в конце мая на северо-западе Пакистана. Интересно, как он руководил действиями талибов в Афганистане, в которых явно видны признаки наличия единого координирующего центра, находясь где-то в отдаленной местности Пакистана? Смс-ки посылал?

То есть, подводя итог, ничего стратегически важного в устранении Усамы бен Ладена (даже если принять американскую версию событий) не было. Если, конечно, не считать сравнительно высокой вероятности возникновения нового культа мученика, но и это происходит как-то натушно. Уж больно личность бен Ладена была мутной даже по меркам издававших виды радикальных исламистов. И обстоятельства его якобы гибели только подчеркнули степень этой мутности. Как говорится, мутно жил и мутно умер...

Напротив, ситуация вокруг АЭС *Фукусима-1* формирует принципиально новый геополитический контекст, причем не только и не столько на Дальнем Востоке, сколько во всей Азии. Назовем только два аспекта этой геополитической новизны. Стало совершенно очевидно, что экономический рост в регионе (возможно, исключая Индию) в обозримой перспективе будет поддерживаться на основе углеводородной энергетики. Думается, что даже Китай, не говоря уже о других странах, пересмотрит свое сверхоптимистическое отношение к перспективам развития собственной атомной энергетики. А это значит, что нас ожидает продолжение — даже с учетом возможности второй волны глобального экономического кризиса — роста спроса на класси-

ческие углеводороды и, как следствие, обострение вопроса о *справедливых ценах на нефть*, т. е. фактически контроле над углеводородами. А контроль над углеводородами — это политика. И политика, как правило, силовая. Кто сомневается — может спросить у Муаммара Каддафи.

Но самое главное то, что по господствовавшей в последние 60 лет в Японии идее о возможности *локального коммунизма*, т. е. обустройства жизненного пространства для японцев исключительно в пределах самой Японии, нанесен тяжелейший удар. Японское общество почувствовало себя абсолютно уязвимым, если не сказать — беззащитным, хотя действия японской элиты вызывают уважение, особенно на фоне того, что мы видели прошлым летом в России. И как японское общество сможет с ним справиться — большой вопрос, учитывая, что на уровне японской элиты уже лет 15 слышны очень разные мысли относительно новой региональной роли Японии. И теперь у этих мыслей появляется весьма мощный фундамент — *по-старому* японское общество жить не только не хочет, но уже и не может.

Из нынешнего состояния у Японии есть, пожалуй, только три очевидных выхода: рывок в постиндустриальное общество, что будет крайне сложно как технологически, так и с точки зрения необходимости сброса избыточных социальных обязательств, да и сама концепция постиндустриальных анклавов сейчас выглядит более чем спорно, глубокое партнерство с Россией и создание некоей ресурсно-технологической *ксении* (этнологический термин, означает сожительство, сосуществование без ассимиляции), на что японская элита не способна ни политически, ни психологически, или, наконец, возврат к традиционным моделям японской геоэкономики, а значит и геополитики. Что они представляют собой, любой желающий может прочитать в учебнике истории. И если Япония выберет в итоге (а это станет ясно года через три-четыре — глубочайшие структурные проблемы японской экономики — последствия последнего землетрясения — заставляют японскую элиту действовать в условиях цейтнота) именно этот, последний вариант, мало не покажется никому.

А вы говорите, Усама бен Ладен...

СЕТЕВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Кажется, про сетевые революции в арабских странах сказано уже все или почти все. И чем дольше продолжается этот *революционный подъем*, тем скучнее на него смотреть и комментировать. В конечном счете, уже понятно, как и какими инструментами формируются условия для *сетевых революций*, как и кто ими управляет. Более того, примерно понятно, как с ними бороться, не доводя дело до бойни, подобной той, что происходит в Ливии и кровопускания по пятницам, которое захватило Сирию. Единственно в этой, согласимся, грандиозной и имеющей глобальное значение истории, что продолжает оставаться интересным, значимым, является то, где, как и когда сетевые революции будут остановлены и могут ли они быть остановлены в принципе.

И тут встает главный вопрос: насколько у США получится ограничить *сетевой эффект* только теми странами, режимы которых США приняли решение менять на данном историческом этапе. Уже сейчас видны очень жесткие попытки американцев и саудовцев не допустить сетевых революций в Бахрейне, Катаре, да и в самой Саудовской Аравии, которая как-то внезапно перестала выдавать туристические визы в принципе. И это симптом, как симптомом является экстренное выделение саудовцами Египту 4 млрд долл. помощи. Насколько эти действия будут успешны, сказать сложно; в конечном счете у таких процессов, как политическая дестабилизация, есть отложенный эффект, когда ситуация может взорваться как бы *на ровном месте* через год-два после того, как все неприятности, казалось бы, завершились.

И, вероятно, в США это прекрасно понимают. Именно поэтому как продолжение *сетевых революций* появилась идея *перезагрузки* отношений с арабскими страна-

ми, вернее не со странами, поскольку государственные структуры арабских стран в современных условиях вещь довольно условная и зыбкая, а с арабскими обществами. Общества эти, как мы понимаем, до известной степени трансграничны, до известной степени политизированы, а главное — до известной степени глобализированы. Я говорю не о доставке свежего мороженого и клубники из Парижа к обеду для супруги тунисского президента. Прежде всего я говорю о наличии весьма диверсифицированных инвестиций, источником которых является арабский мир, и речь здесь не только о нефтедолларах, хотя и о них тоже. Эта финансовая система, если разобраться, является на сегодняшний день единственной реальной альтернативой долларовой экономике и контролируемой из США мировой финансовой системе. В условиях нарастающих проблем во внутренней американской экономике именно наличие альтернативы господству доллара и каналов, обеспечивающих его циркулирование по миру, становится ключевой опасностью для американцентричной системы мировых финансов. Так что США пошли на сценарий дестабилизации Ближнего Востока неспроста — вероятно, это был единственный вариант нейтрализации крайне опасных для них долгосрочных тенденций на финансовом рынке.

Конечно, на первый взгляд *перезагрузка* отношений с арабским миром пока что выразилась в выдвигании лозунга свободных выборов и провозглашении забытого лозунга об уходе Израиля со всех оккупированных (или лучше сказать завоеванных?) в 1967 г. земель. Понятно, что про демократию в арабском мире, скорее всего, сказано *для фона*, хотя, как знать — нынешнюю администрацию порой посещают различные экзотические мысли. Так что главное — решение территориального вопроса на базе резолюции СБ ООН 242. И если наш диагноз верен, то не является ли идея *перезагрузки* отношений с арабскими странами попыткой *приручить* разбухшие сетевыми революциями силы, пожертвовать малым, чтобы сохранить контроль над процессами в регионе в целом. Конечно, США не собираются жертвовать Израилем как таковым — рано пока, черед пожертвовать Израилем придет как раз если нынешняя стратегия окажется провальной. А пока военное превосходство Израиля над арабами слишком велико, да и нынешняя вашингтонская администрация на столь значительную жертву пойти не сможет по внутриполитическим соображениям. Пожертвовать придется сущим пустячком: ощущением геополитического комфорта, которое у Израиля есть в последние 20 лет и к которому израильское руководство привыкло настолько, что забыло, что когда-то было по-другому. Ну а после *жертвы качества* и на фоне неизбежной истерики израильской элиты с обвинениями Обамы в том, что он скрытый мусульманин и вообще антисемит, можно будет попытаться, втянув арабские элиты, включая исламистов нынешней — четвертой — волны в диалог, дожидаться, когда под грузом внутренних противоречий и экономических проблем они сами согласятся на главенство Вашингтона, забыв об обещаниях разобраться с *американским Сатаной*. Так можно выиграть еще лет семь, а то и 10. А это в нынешних условиях существования США — почти вечность.

Но самое главное, что, кажется, прошло мимо взора наблюдателей, так это то, что, по сути, происходит девиртуализация американской внешней политики применительно к конкретному региону, к конкретному, как говорят *эффективные менеджеры, кейсу*. США — если у них получится данный маневр — дадут *прогрессивному человечеству*, обвешенному *iPad*'ами и *iPhone*'ами, красивый урок того, как конвертировать виртуальное влияние в реальные внешнеполитические дивиденды. Во всяком случае, как попытаться это сделать.

Мораль: наличие *айпода* не свидетельствует о способности политика оперировать в современной системе миропорядка. В принципе, даже если этот анализ верен, это не говорит о том, что ситуация с сетевыми революциями выходит из-под контроля вашингтонских кукловодов, хотя отдельные признаки этого имеются в некоторых странах Персидского залива. Но есть и приятная новость: если диагноз верен, то значительная часть дипломатических, силовых и финансовых ресурсов США будет в ближайшие годы, вероятно, на протяжении всего второго срока президентства Барака

Чун-Шэн Тян (Китай), исполнительный директор Китайской ассоциации экономических и политических исследований России и Центральной и Восточной Европы — по электронной почте из Пекина: Возрастающие глобальные экономические риски — основная угроза безопасности Китая. Несмотря на постепенное выздоровление мировой экономики снизить инфляционное давление так и не удалось. Для Китая в одиночку сложно сдержать темпы инфляции. Это в свою очередь ведет к снижению темпов роста китайской экономики. В 2011 г. рост экономики Китая не превысит 10%. Валютные резервы Поднебесной составляют более трех трлн долл. США, а это — 50% от общего объема ВВП Китая в 2010 г. Возникает сложность управления такими объемами валютных резервов, учитывая, что они практически полностью находятся в американских долларах. Снижение обменного курса Китая — это прежде всего проблема безопасности валютных резервов в Китае. Главной проблемой мировых финансовых рынков станут неустойчивые валютные курсы. Американский доллар и другие основные валюты вступают в период флуктуации, что отразится на обменном курсе юаня. Политические риски также начинают оказывать все большее воздействие на мировую экономику.

Обамы (кто-то сомневается, что его переизберут?) задействована именно на этом направлении. Что, надеюсь, даст нашей стране еще некоторое время, чтобы разобраться со своими внутренними делами.

ЗАБЫВАЮЩАЯСЯ РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ЧТО ДАЛЬШЕ

Создается впечатление, что люди, которые в России отвечают за развитие вооруженных сил, поставили тем, кто назначен отвечать за информирование сограждан об их реформировании и о том, что теперь *броня крепка*, задачу сделать так, чтобы все поскорее забыли о том, что такая реформа в принципе была и что вооруженные силы в России в принципе есть. Вероятно, эту задачу не дает выполнить только мощная фигура *любимца публики* министра А.Э. Сердюкова, веселящего народ очередной новацией, и периодические скандалы с воинами-кавказцами, наводящими в армии порядок. Однако если говорить серьезно, то, вероятно, стремление *забыть реформу* связано не столько с ее неудачным исходом, сколько с тем, что вообще-то по окончании любой военной реформы вооруженные силы принято начинать развивать. А у нас среди военного руководства, судя по всему, никаких вменяемых идей относительно того, куда дальше развивать сокращенные вооруженные силы, просто нет. И если раньше этот концептуальный вакуум можно было скрыть масштабом сокращений, теперь он становится все более очевидным.

При всей объективности происходящих в российской военной системе изменений и сокращений, назревших, безусловно, мы проходим мимо вопроса о том, зачем России нужны вооруженные силы. А вообще-то этот вопрос предшествует рассуждениям на тему того, какие России нужны вооруженные силы. Иными словами, сперва необходимо определить спектр ситуаций, в которых Россия будет вынуждена применять свои вооруженные силы и только затем определить их структуру и, как принято говорить в военной среде, *наряд сил и средств*. Ничего подобного сделано не было, и именно отсутствие проработки вопроса о целях и задачах российских вооруженных сил позволяет с относительной легкостью ставить под сомнение проведенную с постсоветской армией вивисекцию.

Понимаю, что какого-то внятного ответа от российского военного ведомства в ближайшее время получить не удастся. И наше Министерство обороны можно понять: современные российские вооруженные силы являют собой иллюстрацию пошловатой песенки «я его слепила из того, что было» хоть и одетую в одинаковые береты и странного полутюремного вида робы. И закупать вооружение наше Министерство обороны еще некоторое время будет не то, которое нужно для войны, а то, которое нужно по другим соображениям.

Однако все же хочется сформулировать некоторые вопросы, ответы на которые мы надеемся получить когда-нибудь:

- ❑ Мы действительно считаем, что сформировавшееся в середине 1960-х гг. понимание сухопутных войск как сочетания мотострелковых и танковых войск (кстати, и названия были приняты именно тогда) адекватно той структуре потенциальных вооруженных конфликтов, в которые Россия может быть вовлечена?
- ❑ Допускается ли возможность возникновения угрожающего России конфликта, по своим параметрам превышающего масштабы локального? Иными словами, прорабатывались ли вопросы боевого применения российских вооруженных сил в региональном и/или трансрегиональном конфликте (а не только в локальном, для которого бригада — действительно оптимальная форма организации сил и средств)? Еще проще: каковы количественные параметры основного для российского военного планирования конфликта, сколько, как предполагается, в нем может принимать участие войск, танков, самолетов?
- ❑ С учетом ответа на предыдущий вопрос: может быть магическая цифра в 1 млн личного состава наших вооруженных сил нуждается наконец-то в пересмотре? Мне, например, кажется, что иметь сухопутные войска более 350–400 тыс. человек сейчас совершенно нецелесообразно.
- ❑ Допускается ли ситуация, в которой российским вооруженным силам придется противостоять одновременно более чем одной военной угрозе, или же наше военное планирование основано на идее о том, что российские силы общего назначения будут способны решать одну силовую задачу за раз? А при возникновении необходимости параллельно нейтрализовать вторую Россия прибегнет к ядерному оружию или помощи наших испытанных союзников?
- ❑ В какой форме, в каких организационных рамках и в каких масштабах Россия готова оказывать союзническую помощь государствам — членам Договора по коллективной безопасности? Это, конечно, мелочь и непосредственно на вопросы воинской организации данный аспект влияет слабо, однако он крайне важен с точки зрения организации штабной работы. И, кстати, а какие обязательства перед Россией несут наши союзники?
- ❑ Рассматривается ли в российском военном планировании возможность противостояния крупной коалиции, имеющей явное преимущество над Россией по ключевым видам боевой техники? Иными словами, допускаем ли мы возникновение в отношении России такой же ситуации, как сейчас возникла в отношении Ливии, и если да, то как мы думаем действовать: воевать на обозначенном нашими противниками театре военных действий или попытаться перенести боевые действия на национальную территорию стран-агрессоров? И кстати, мы действительно уверены, что для такого противостояния нам хватит бригадной формы организации войск?
- ❑ Допускается ли применение тактического ядерного оружия в отношении противника, использующего только обычные вооружения? И если допускается, то при каких условиях? Это, кстати, полезно было бы знать и нашим партнерам в НАТО. Так, на всякий случай, чтобы не питать ненужных иллюзий.

- Допускается ли российским военным руководством применение ядерного оружия в сценариях, не достигающих по масштабу до тотального ответного применения стратегических ядерных сил. Нет, не я не прошу продемонстрировать конкретные сценарии ограниченного или дозированного применения ядерного оружия. Пусть это будет важнейшей государственной тайной. Просто скажите — да или нет?

Ответы на эти вопросы, конечно, дело небыстрое. Однако именно это станет показателем внятности, если не сказать вменяемости российского военного руководства и соразмерности его усилий по реформированию Вооруженных сил реальным потребностям страны. И, может быть, руководство страны, посмотрев мудрым взором на ответы на поставленные вопросы, все же придет к суровому, но еще более мудрому выводу, что нам все же нужна несколько иная военная реформа.

ЕВРОПА НА ЗАДВОРКАХ ИСТОРИИ

Начну с вопроса: не показалось ли читателям странным то разительное изменение контекста, в том числе и информационного, в котором существует современная Европа? Если еще 10 лет назад говорилось о Европе как о противовесе США; если еще пять лет назад все были убеждены в том, что Европа является глобальной силой, постоянно укрепляющейся за счет присоединения окраин Советского Союза; если еще три года назад никто не сомневался, что Европа после выхода из кризиса станет сильнейшим экономическим игроком, то за последние полгода маргинализация Европы как глобального игрока становится настолько очевидной, что этого не замечает только ленивый. И если раньше все можно было списывать на временные экономические трудности и на то, что руководство стран *группы PIGS* (Португалия, Ирландия, Греция и Испания) заигралось в социальное государство. Однако теперь с признанием краха мультикультурализма (шутки — шутками, а мультикультурализм был основой общеевропейской идеологии) все более явными становятся признаки стратегического тупика.

Что до мультикультурализма и борьбы за права меньшинств, которые перемежаются введением то в одной стране, то в другой элементов *полицейского государства*, это процесс забавный, бессмысленный и бесконечный. Но современное состояние Европы к военно-политическим вопросам имеет самое непосредственное отношение. И в данном случае правомерен вопрос: насколько России именно с военно-политической точки зрения выгодны процессы, происходящие в настоящее время в Европе? И прийти к однозначным выводам пока не получается.

С одной стороны, чем сильнее будет давление *пояса нестабильности* на Ближнем Востоке и в Северной Африке, тем меньше у евробюрократии, да и у национальных элит будет возможностей и ресурсов, чтобы готовить крестовый поход против нашей страны. Придется все больше заниматься собственными социальными проблемами, усмирением нелегалов, которые уже рассматривают Европу как *свою* территорию, а также проведением разного рода умиротворительных акций в Средиземноморье с ограниченным кровопусканием. И это не говоря уже о том, что степень террористической угрозы для Европы существенно возросла.

С другой, при всех издержках Европейский союз начала XXI в. был настолько аморфным и внутренне вялым образованием, что только в глубокой фантазии можно было бы представить возникновение с его стороны какой-либо значимой военной или даже военно-политической угрозы России. В самом крайнем случае все ограничилось бы нытьем о необходимости гуманитарной интервенции в Россию и поддержкой, впрочем, как правило, не очень значительной, различных проходимцев, циркулирующих вокруг Брюсселя и Страсбурга. И эта ситуация, согласитесь, позволяла российским властям чувствовать себя вполне комфортно. Конечно, нарастание геополитической изоляции Европы, ее втянутость в болезненную и бессмысленную борьбу за мультикультурализм вкупе с все более забавными экономическими и политическими процессами внутри нее (и самый интересный — сочетание усиливающегося экономиче-

ского и политического национализма) России выгодно. Тут важно постоянно выражать готовность к партнерству и, не зевая (что у нас получается существенно хуже), ловить все то ценное в экономическом и технологическом плане, что вываливается из европейского котла. Я не имею в виду особняки и футбольные клубы.

Однако теперь, когда тенденции организационного разлада в ЕС становятся видны уже невооруженным глазом, встает вопрос, насколько ЕС, очищенный от разношерстного балласта и представляющий собой агрессивно-послушных сателлитов Вашингтона (вероятно, сформированных вокруг традиционной линии Великобритания–Франция–Польша; кстати, ничего не напоминает?), будет для России безобиден? В конечном счете в этой европейской *оси добра* есть деньги (Лондон), военные технологии (Париж), пушечное мясо на случай крупного и опасного конфликта (Польша) и, наконец, открыто неумные поджигатели собственной квартиры в надежде на большую страховку (прибалтийские лимитрофы). А это, как мы помним — идеальная комбинация для большой европейской беды. И эта беда, несомненно, затронет Россию, причем в масштабах существенно больших, нежели в период между Первой и Второй мировыми войнами.

Конечно, пока преждевременно говорить о том, что ситуация в Европе начинает трансформироваться из *вызова* в *угрозу*. Пока для этого недостаточно оснований. Хотя три промежуточных вывода сделать все же можно:

- Европа, прежде всего структуры евробюрократии, конечно, будут пытаться продолжать имитировать укрепление глобальной роли и влияния. Однако на деле в ближайшие полтора-два года степень геополитической мобильности и самостоятельности Европы в любой конфигурации резко сократится. Вопрос, что будет потом и какой тренд — конфедерализация Старого Света или возвращение к национальной политике — возобладает, но на него пока решатся дать ответ только записные храбрецы.
- Европа в обозримой перспективе вряд ли будет представлять собой значимую величину с точки зрения силового потенциала. Конечно, возможности вооруженных сил европейских стран велики. Однако абсолютно невероятно, чтобы в организационном и политическом плане этот потенциал представлял бы собой отдельную от США величину. А тему «European defense identity» можно считать закрытой на очень длительный срок, если не навсегда.
- Управляемость военной силовой политики европейских государств достигла той степени, когда территория Европы может сравнительно легко использоваться США в качестве плацдарма для осуществления силового давления на другие страны, в том числе и Россию. И так называемую *европейскую ПРО*, которая в действительности является ПРО США на территории Европы, надо рассматривать именно как фактор политического и силового давления. То есть ответные меры должны быть нацелены не на бессловесную *площадку*, коей являются европейские страны, а на США, где и принимаются основные решения.

Иными словами, России настоятельно требуется выработка новой политики в отношении Европы, в которой интегральной частью должна быть новая стратегия противодействия военно-силовым угрозам, которые исходят с европейского ТВД. Так, на всякий случай.

АФГАНИСТАН: В ОЖИДАНИИ НЕЯСНОГО НЕИЗБЕЖНОГО

В Афганистане становится уже откровенно скучно. Нет, конечно, талибы ведут боевые действия против многонациональных сил, происходят каждодневные теракты, где-то наступают американские спецназовцы, где-то отступают. Но все это мы видели неоднократно уже на протяжении последних почти 10 (!) лет. Конечно, если судить по данным формальной статистики, после резкого взлета активности талибов в прошлом году в нынешнем наблюдается существенный ее спад. Картина не то чтобы благоприятная, но не в пример более спокойная. Однако едва ли это можно воспринимать как индикатор приближения эпохи стабильности в Афганистане.

Конечно, спекулировать по вопросу о том, действительно ли США начали подготовку к тому, чтобы покинуть территорию Афганистана, все же пока бессмысленно. Однако ясно одно: все предыдущие попытки американцев переломить ситуацию оказались, мягко говоря, не очень удачными. Да, конечно, американцам удалось предотвратить занятие талибами южных провинций Афганистана осенью-зимой 2010 г., хотя вообще-то иной исход противоречил здравому смыслу. В конечном счете, талибы не настолько сильны, а американцы не настолько слабы и беспомощны (и к тому же численно превосходят талибов), чтобы отдавать целые провинции. Ведь если разобратся, талибы представляют собой мощную силу, но до того, чтобы стать предоставителями настроений всего афганского народа, им далеко. Более того, они сами многое сделали, чтобы не стать таковыми. Однако какого-то перелома, о котором раз за разом говорили американские генералы, в Афганистане так и не произошло. Год за годом в одних и тех же местах проводятся операции, регулярно посылаются brave рапорты о разгроме еще одной талибской группировки, американские беспилотники крушат все подряд в соседнем Пакистане, нанося, кажется, больше вреда США, нежели пользы. Но все это создает впечатление абсолютного замкнутого круга. Не более того.

В конечном счете, американцы, если они, конечно, рассматривали возможность превратить Афганистан в своего умеренно-стабильного союзника по образу и подобию Пакистана (хотя никаких признаков таких идей нет ни в официальных, ни в полуофициальных материалах), не смогли решить базовых составляющих такой задачи. Например, не созданы никакие основы новой экономики; более того, американцы практически не интересовались экономической инфраструктурой Афганистана, а разговоры о прокладке трансафганского газопровода носили, видимо, теоретический характер. Все, что смогли сделать американцы, так это запустить механизм создания — на традиционной для Афганистана коррупционной основе — многочисленных структур и механизмов гражданского общества (насколько этот термин в условиях данной страны в принципе применим) и политической жизни. И этот механизм существенно усилил традиционные тенденции трайбализации страны и ее разобщения по национальному и религиозному принципу. И надо признать, действия наших американских партнеров были совершенно правильными: в конечном счете, главным идейным оружием против талибов с их общеисламскими лозунгами являются не концепции демократии и прав человека, а испытанная веками национальная и религиозная рознь афганцев, равно как и покровительство наркомафии. И именно использование подобного оружия позволяет американцам сохранять видимость контроля над территорией Афганистана.

Хотя, объективно, при всех тактических достижениях американцев в Афганистане — а их, повторю, достаточно — стратегическую борьбу, борьбу за *умы и сердца* афганцев они проиграли и проиграли вчистую. Другой вопрос, что эту борьбу за последние 150 лет не выиграл никто, даже талибы и те оказались на поверку идеологическими временщиками. Так что вопрос тут только в том, чтобы знать меру и вовремя, используя красивый повод, выйти из ситуации, в которой триумфальной победы уже, видимо, не будет. И, к слову, исчезновение с политической арены Усамы Бен Ладена дает американцам блестящий шанс, использовав процесс *национального диалога* с талибами, которые вне тени основателя Аль-Каиды выглядят уже не как ближневосточный вариант *красных кхмеров*, а всего лишь как неумные религиозные радикалы, объявить о своей стратегической победе и покинуть Афганистан. Причем не удивлюсь, если объявление об эвакуации войск подгадают к ноябрьским 2012 г. выборам президента США.

Совет российским политикам: учись у классиков.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЖИЗНИ НА ЗЫБУЧИХ ПЕСКАХ ПОЛИТИКИ

Думается, прошедшего полугодия вполне достаточно, чтобы попытаться обрисовать контуры системы международных отношений, которая начинает вырисовываться в последние месяцы. В конечном счете в рамках этих парадигм нам, вероятно, придется жить еще очень и очень долго. Итак, попробуем сформулировать основные тенден-

ции в развитии ситуации в мире, которые стали очевидными в последние 3–4 месяца и которые, боюсь, просуществуют долго.

Первое. Окончательное забвение принципа национального суверенитета как основы политики. Вероятно, это естественное следствие развития глобализации, тем более что о том, что принцип национального суверенитета утрачивает свое значение, говорили многие еще в самом начале 1990-х гг. Однако сейчас — причем в последние несколько месяцев это стало все более очевидно — глобализация применительно к международным отношениям как-то внезапно обернулась *правом сильного*. Но дело не в этом. Ключевая тенденция заключается в том, что даже критики Запада, в том числе и за операцию против Муаммара Каддафи, почему-то почти перестали упоминать *национальный суверенитет* в числе своих аргументов. Да и термин *суверенная демократия*, вокруг которого еще пару лет назад ломались копыя интеллектуалов и не очень, как-то странно вышел из употребления. И это не просто еще один виток глобализации. Это признание того, что политика в новом мире не просто трансгранична, как трансгранично большинство политических и экономических вызовов современности. Это признание того, что политические процессы в современном мире будут развиваться без учета тех границ, которые нарисованы политиками прошлого. Ибо суверенитет основывается на краеугольном камне границ. А границы на Ближнем Востоке — классический пример рукотворных политически мотивированных гра-

Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса:

Экономический рост и нормализация политических отношений между основными региональными силами повысили безопасность Латинской Америки. Ключевым фактором стабильности в регионе стало снижение напряженности между Венесуэлой и Колумбией. Чавес и Сантос в ходе третьей по счету личной встречи дали ясно понять, что заинтересованы в развитии двусторонних отношений. Подписаны договоры о сотрудничестве в сферах энергетики, здравоохранения, туризма, науки и техники, совместной охраны приграничных районов и борьбы с наркотрафиком. Эти шаги к примирению двух стран дали импульс для усиления интеграции во всем регионе. Устойчивый рост экономик Бразилии и Аргентины усилил центростремительные тенденции в Латинской Америки. Выборы в Перу, независимо от исхода, станут важным этапом для интеграции страны в различные региональные экономические проекты. Между тем, главная угроза для безопасности Латинской Америки — это рост криминала. Вся Центральная Америка во власти наркокартелей. Наибольшую опасность представляет деятельность *Лос-Зетас* — криминальной группировки в Мексике, занимающейся международной торговлей наркотиками. Влияние группировки усиливается в Гватемале. Это увеличивает риски для других государств региона. Территориальный спор между Боливией и Чили стал причиной обострения двусторонних отношений. Боливия претендует на аннексированные Чили территории во время войны в Тихом океане и настаивает на пересмотре заключенного тогда договора в Международном суде. Дислоцирование британского военного корабля на Фолклендских островах и начало разведки нефтяных месторождений в территориальных водах, принадлежащих Аргентине, вызвало негативную реакцию Буэнос-Айреса. Правительство Аргентины расценило действия британцев как нарушение национального законодательства страны.

ниц. И, кстати, есть регион, в котором границы не менее, если не более, рукотворны, политически мотивированы, а главное — являются продуктом уходящей эпохи. Речь о Европе.

Второе. Рост значения военной силы по сравнению с экономическими инструментами и атрибутами силы и внешнеполитического влияния. Не исключено, что мы присутствуем при весьма специфической трансформации идеи глобальной экономической взаимозависимости. Живым воплощением этой тенденции является скрывавшийся по средину мая 2011 г. то ли в пустыне, то ли в бункере полуживой и полубезумный Муаммар Каддафи. Казалось бы, человек столько сделал, чтобы стать частью западноевропейской экономической системы, хранил деньги только в указанных европейских партнерами банках, практически остановил перевооружение армии (так что разговоры о том, что Россия якобы потеряла десятки миллиардов долларов на военных заказах в Ливии — от лукавого; если кто-то что-то реально в Ливии и потерял, так это РЖД), встраивался в западные, прежде всего в западноевропейские, экономические процессы, отправлял своих детей учиться в Европу. Иными словами, был, при всех изъянах, суперлояльным партнером европейских стран. Но при этом партнером, совершенно безоружным перед лицом внешней военной интервенции, причем не самыми могучими силами. И какой страшный финал... Но судьба Каддафи — а согласимся, к логическому завершению своей карьеры он шел сам, судьбу свою выбирал сам и мировой империализм с сионизмом здесь совершенно не причем — есть в какой-то мере индикатор нового состояния системы международных отношений. По сути дела, если отрешиться от различных деталей и особенностей, речь идет о том, что ключевым принципом, стратегией во взаимоотношениях *первого мира* (и, если так можно сказать, *полуторного* — не считать же Грецию, Португалию, Испанию, да и Италию полноценной частью *первого мира*) и *третьего* становится гуманитарный неокOLONиализм. А там, где колониализм, пусть даже гуманитарный, там немедленно появляется канонерка. Или авианосец — тут уж как кому нравится. А там, где появляется авианосец, глобальная экономическая взаимозависимость и концепция прав человека начинают приобретать весьма причудливые формы.

Третье. Нарастающая беспомощность наднациональных политических институтов. Ни один наднациональный институт в последние два с половиной года не сыграл значимой роли ни в одной крупной международной ситуации. А в последние два-три месяца беспомощность наднациональных институтов стала уже неприличной. Конечно, беспомощность ООН можно списать на личность нынешнего генсека, который ведет себя скорее как мелкий чиновник американского Госдепа. Невнятность общеевропейских структур — на бесцветность их руководителей Дурана Баррозу и Ван Ромпея. Но что делать с остальными глобальными структурами, которые, казалось бы, должны переживать период расцвета? Например, скажем, НАТО или *семерка*, которая, конечно, не стала *восьмеркой*, как бы этого не хотелось хозяевам Кремля, но которая и без этого превратилась в бессмысленную тусовку, интересную разве что антиглобалистам? А МАГАТЭ? И не являются ли персональные проблемы не причиной, а всего лишь следствием общей ситуации, когда реально работающие глобальные и наднациональные структуры просто не нужны? Когда они довольно быстро теряют основания для своего функционирования? А ведь основанием для функционирования подавляющего большинства наднациональных институтов в современном мире, нравится это кому-то или нет, является ялтинско-хельсинская система мироустройства. Так вот, по мере того как эта система международных отношений вместе с принципами суверенитета уходит в небытие, неэффективными, а иногда и попросту бессмысленными становятся созданные в ее рамках институты.

Четвертое. Американско-китайское противостояние, которое развивается исподволь, негласно, тем не менее становится все более очевидным фактором международных отношений. Кстати, не обратили ли читатели внимание на тот странный факт, что сетевые и не только сетевые революции (если считать таковой французскую вооруженную интервенцию в Кот-д'Ивуаре) возникали в тех странах, где наши китайские друзья начинали готовить себе геополитические плацдармы? И в Ливии, и в Египте, и в Йемене, в том же Кот-д'Ивуаре в последние несколько лет существенно активизи-

ровались китайские политические и экономические структуры. Если добавить к этому прямое противоборство проамериканской и прокитайской партий в Таиланде, укрепление проамериканской направленности режимов в Узбекистане и Киргизии с вытеснением прокитайских элементов, а также нарастание антикитайских настроений в Индонезии и Малайзии, то вырисовывается вполне внятная картина. А если дополнить ее усиливающимся давлением на Поднебесную по поводу прав человека и свободы Интернета, а также попытками организовать в Китае сетевые сообщества проамериканского толка (вернее, имитировать, не слишком вкладываясь в эти проекты, однако в достаточной степени для того, чтобы напугать наших китайских друзей), то картина становится вполне законченной. Еще более законченной, я бы даже сказал *залакированной*, картина станет, если в ближайшее время *сетевые революции* или что-то подобное начнет происходить в некоторых странах Африки, к которым китайцы в последние годы проявляли большой интерес. Иными словами, Китай, который так мощно выступает на экономическом фронте, начинают явственно политически *обкладывать*. В целом, ничего неожиданного не происходит: никто, надеюсь, и не предполагал, что США так легко согласятся на восстановление так попортивший им нервы bipolarности, тем более, bipolarности с элементами прямой экономической конкуренции, чего в период холодной войны не было и в помине. Так что пока американцы с неизменным успехом показывают Пекину, что никакого другого ключевого рынка, кроме рынка США, у Китая не будет, надежды на торгово-экономическую гегемонию в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке наивны. А главное, единственной дверью, которая ведет Пекин к глобальному влиянию и присутствию, является дверь в особняке по адресу 1600, Пенсильвания авеню. Все попытки Пекина пролезть в мировые гегемоны без *американского батки* будут жестко, даже где-то демонстративно пресекаться. Ну а для того чтобы китайские руководители не чувствовали себя полностью униженными, они могут почитать статью о растущей мощи КНР в каком-нибудь американском еженедельнике. Мелочь, а приятно.

Пятое. Международная политическая ситуация развивается на фоне полной невнятности относительно будущего мировой экономики. Конечно, *постфукусимская* ситуация в мировой энергетике добавила хлопот, но, очевидно, что туманность глобальных экономических перспектив существовала и до этого прискорбного события. Кризис европейского социального государства (и дело тут не только в Греции, хотя именно эта страна являет собой наиболее яркий символ кризиса европейской социально-экономической системы), ожидание второй волны кризиса в американской экономике, образование одновременно двух финансовых пузырей: на золотом и нефтяном рынках (так и хочется сказать: «*Боливар не выдержит двоих*»), — все это не главное. Главное, что пока — и это «пока» длится лет 20 — не удается сформулировать то, что станет базовой глобальной технологической платформой на будущие 50 лет. Ибо вообще-то в мире всем вменяемым людям понятно, что Интернет-экономика находится *на излете* своих возможностей с точки зрения стимулирования глобального экономического роста. А значит, нельзя даже *вчерне* набросать контуры грядущей мировой экономической системы. Нет, конечно, можно и дальше верить в то, что можно назвать *твиттер-экономикой*, но чем дальше, тем более несерьезно все это выглядит.

А знаете, какое ощущение возникает после перечисления и попытки бегло проанализировать все эти тенденции? Ощущение зыбкости мира, обманчивости авторитетов, непрочности репутаций. Ощущение большой закулисной игры, которая вот-вот вырвется *из-под ковра*, и мы ужаснемся тому, насколько циничны, жестоки и подлы были те, кто еще минуту назад вещал с трибун о правах человека и развитии демократии.

А, кстати, мы готовы к тому, что *скелеты* могут выпасть и из нашего шкафа? Нет? Тогда пора *лечить Твиттер*, сиречь девиртуализировать свою политику и начинать заниматься делом.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

- ¹ Дословно Барак Обама заявил «my position has been misrepresented several times» и «Israelis and Palestinians will negotiate a border that is different than the one that existed on June 4th, 1967», <http://www.aipac.org/PC/webPlayer/2011-sunday-obama.asp> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ² Ответ Директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России С.В. Вершинина на вопрос СМИ относительно встречи палестинских организаций в Подмоскowie, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3557FCC70B2D9B11C325789B00361EEB (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ³ Там же.
- ⁴ Лавров призвал ФАТХ и ХАМАС осуществить примирение на практике, <http://rian.ru/politics/20110523/378824503.html> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁵ Entitlement Cuts Opposed By Americans, Poll Finds, http://www.huffingtonpost.com/2011/07/07/pew-research-americans-fa_n_892445.html (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁶ Илларионов Андрей. Есть ли альтернатива грузинским реформам? *Время свободы*, <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24183259.html> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁷ Эта формула крупнейшего христианского мыслителя Квинта Септимия Тертуллиана обычно известна в искаженном виде «Credo, quia absurdum est» (верю, потому что это противно разуму). Оригинальный же текст выглядит несколько иначе: «certum est, quia impossibile» (это верно, потому что невозможно).
- ⁸ Дмитрий Медведев провел во Владикавказе заседание Национального антитеррористического комитета. — 22 февраля 2011 года, <http://www.kremlin.ru/news/10408> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁹ Карл Поппер, *Открытое общество и его враги*. М. 1992. Т. II. С. 112–113.
- ¹⁰ Будущее российско-американских переговоров по ядерному разоружению. *Ядерный Контроль*. 2011, Вып. 5 (406), http://www.pircenter.org/data/publications/УК_5_2011.htm (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹¹ Генштаб РФ требует от НАТО гарантий ненаправленности ПРО против России. *Ядерный Контроль*. 2011, вып.7 (408), <http://www.pircenter.org/data/publications/ук7-2011.htm> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹² Олег Владыкин. ПРОпащая инициатива. *Независимая газета*. 2011, 16 мая.
- ¹³ Д. Рогозин уверен, что создание ЕвроПРО без участия России невозможно. *РБК*. 2011, 16 мая, <http://www.rbc.ru/rbcfreenews.shtml?/20110516182724.shtml> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁴ Пресс-конференция Президента России. 2011, 18 мая. Москва, <http://www.president.kremlin.ru/news/11259> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁵ РФ разочарована отказом США дать гарантии по ПРО в Европе. *РИА-Новости*. 2011, 16 мая, http://www.rian.ru/defense_safety/20110516/375332923.html (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁶ Что и требовалось доказать: «Перезагрузка» пойдет прахом? *Фонд Стратегической Культуры*. 2011, 16 мая, <http://www.fondsk.ru/news/2011/05/16/chto-i-trebovalos-dokazat-perezagruzka-poidet-prahom.html> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁷ Передача «Утренний Разворот». *Эхо Москвы*. 2009, 12 июня, <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/598443-echo> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).

ПОСЛЕ ПЕРЕЗАГРУЗКИ

Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М. Московский центр Карнеги — РОССПЭН, 2011. 511 с.

Рецензия — Владимир Орлов

Есть книги, которые *должны* быть на книжной полке специалиста: it's a must! У специалистов по нераспространению оружия массового уничтожения из таких книг на русском языке — Тимербаев первый. Новый труд Арбатова–Дворкина, безусловно, займет там свое место. А если потребуется, он заслуживает того, чтобы потеснить соседей.

«Ядерная перезагрузка» — это коллективная монография. Работа системная, полноохватная, актуальная — качественный баланс отстраненности от конъюнктуры при постоянном рассмотрении примеров *на злобу дня*, — требующая внимания и вдумчивого чтения.

Заголовок рискует дезинформировать. Казалось бы, он отсылает нас к российско-американским отношениям. Книга совсем не про то. Или, вернее, лишь в незначительной степени, словно информационный повод, — о российско-американском двустороннем диалоге по проблемам сокращения ядерных вооружений. Только подзаголовок позволяет точно определить ее охват: авторы и редакторы шаг за шагом рассматривают все значимые аспекты современного состояния дел в ядерном нераспространении, включая контроль над ядерными вооружениями и атомную энергетику.

Безусловная звезда этой книги — ее соредактор Алексей Арбатов. Она — его бенефис. «Ядерной перезагрузкой» он подтверждает свое ключевое место как мыслителя и практика в тех аспектах международной безопасности, которые связаны с ядерными вопросами. Причем это заметно как в общей редакции (если угодно, *режиссуре* этой монографии, грамотно выстроенной, классической, строгой, требовательной к каждому из авторов), так и в собственных главах Арбатова, которых в книге десять (включая совершенно авторские введение и заключение и две главы в соавторстве) — если разобраться, треть всей книги. Арбатов аккумулирует в написанных им главах те наработки, которые у него была возможность сделать за последние годы и в Московском центре Карнеги, и в ИМЭМО, и на Люксембургском форуме и, не в последнюю очередь, в группе Эванса–Кавагути.

Перед нами — и хладнокровный ученый, и страстный *пропагандист* идей всеобщего и полного ядерного разоружения. То, что подчас невозможно совместить *под одной крышей*, особенно если не добавить изрядной доли цинизма, Арбатову удастся красиво, больше того — убедительно, так же убедительно, как в недавней памятной полемике с Сергеем Карагановым¹, по изяществу которой — в сочетании с твердостью — я буду учить молодых специалистов.

При этом Арбатов не упрощает своей задачи. Говоря о пути к ядерному разоружению, он совершенно уместно предостерегает (держа, вероятно, в уме даже не столько российских, сколько отдельных американских партнеров-оппонентов): «Тут недопустимы *неолуддитские* подходы с призывами немедленно запретить ядерное оружие, поставить его вне закона, быстро сократить его запасы в десятки раз, с навязыванием произвольных дат достижения всеобщего и полного ядерного разоружения. Вот

такого рода упражнения — верный способ в очередной раз дискредитировать саму идею и привести к очередному тупику или попятному движению процесса под нажимом сторонников ядерного оружия» (с. 18).

Далее Арбатов разъясняет: «Мир без ядерного оружия — это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие, а международное сообщество, организованное на иных принципах, обеспечивающих безопасность всех стран независимо от их размера, экономической и военной мощи» (с. 341). Там же, попутно, он дает краткий и блестящий анализ роли ядерного оружия в обеспечении статуса и безопасности России (с. 340).

Арбатову удастся эта полемическая часть, связанная с ядерным разоружением, думаю, в том числе и потому, что он не поленился — в отличие от некоторых своих оппонентов, которые выразительно вещают, но не утруждают себя изучением фактов — тщательно *прошерстить* всю правовую базу, весь сегодняшний значимый дискурс, связанные с проблематикой ядерного нераспространения — и на полных основаниях анализирует вопросы ядерного оружия и ядерного разоружения именно в более широком контексте ядерного нераспространения, в силу свободного владения предметом, не рискуя поскользнуться, как на банановой кожуре, на тех подробностях, которые его оппоненты не удосужились рассмотреть, предпочитая *выезжать* за счет *старого багажа*.

Наиболее удались редакторам и авторскому коллективу, на мой взгляд, начальная и завершающая части книги — «Ядерное вооружение и стратегия после холодной войны» (часть 1) и «На стыке разоружения и нераспространения» (часть 5).

В начальных главах авторы (Алексей Арбатов и Владимир Дворкин) делают классический анализ теории ядерного сдерживания, внимательно анализируют факторы, влияющие на стратегическую стабильность, применительно к России и США: степень выживаемости СНВ; системы ПРО; ядерные вооружения третьих стран; высокоточное оружие с неядерным оснащением; космическое оружие; противолодочная оборона (с. 30). Делается, на мой взгляд, справедливый вывод о том, что «ядерное сдерживание остается эффективным по отношению к наименее вероятным и надуманным угрозам, среди которых ядерное или широкомасштабное нападение с использованием обычных вооружений великих держав друг на друга. Но оно бесполезно против новых, реальных угроз...» (с. 44).

Анализ современных ядерных арсеналов *ядерной девятки* (так предпочитают говорить авторы) содержит в концентрированном виде аккуратное, актуализированное описание этих арсеналов. Особенно любопытен взгляд авторов на саму Россию. Так, нельзя не отметить взвешенности анализа действующих российских доктринальных документов — прежде всего Военной доктрины 2010 г. и меткого авторского вывода: «...вопреки акцентированию ядерного оружия в качестве главной опоры безопасности в разнообразных российских политических декларациях на разных уровнях новая Военная доктрина выражает более сдержанное отношение к роли и задачам ЯО» (с. 57).

Правда, говоря об американском арсенале и взглядах США на ядерное оружие, авторы несколько теряют чувство меры, перехваливая демократов (есть такая традиция и в вашингтонской штаб-квартире Фонда Карнеги) и схематично ругая республиканцев — так, утверждение, что в *нулевые годы* в результате действий республиканской администрации США «режимы ядерного разоружения и нераспространения... стали быстро распадаться» (с. 17) — все-таки перебор, тем более что дальше, говоря о современном состоянии ДНЯО, авторы верно указывают на его устойчивость даже к самым негативным воздействиям и на отсутствие его *распада*.

Часть книги, написанная Алексеем Арбатовым совместно с Владимиром Дворкиным, посвященная сокращению ядерного оружия, не сомневаюсь, должна стать, и уже в ближайшие месяцы, отправной точкой для серьезной экспертной дискуссии в России, прежде всего по вопросу об опасности непреднамеренного обмена ударами.

Глава Владимира Дворкина «Стратегические наступательные и оборонительные вооружения» помогает с дефинициями, а также приоткрывает (может быть, и гипертрофированно) завесу над внутрироссийскими дискуссиями по ПРО: «В Москве гражданские и военные чиновники традиционно препятствуют углублению сотрудничества

по ПРО из-за устойчивого недоверия и опасений утраты чувствительных технологий. Однако российское технологическое отставание оставляет мало шансов для подобной утраты» (с. 195) — по крайней мере, как характер этой дискуссии видится нашему видному эксперту, всегда отличающемуся ясностью и откровенностью своих позиций — что, конечно, делает его точку зрения особенно уязвимой для критики. Ведь после такой фразы вообще закрадывается *неудобный* вопрос: а может быть России и нечего предложить США для реального сотрудничества в области ПРО? Впрочем, дальше автор поясняет, что возможности для сотрудничества все-таки есть.

Глава «Нестратегическое ядерное оружие» Алексея Арбатова — пожалуй, лучшее, что написано по вопросу о ТЯО на сегодняшний момент в научной литературе на русском языке. И не беда, что это всего-то полтора десятка страниц. Автор не вязнет в дискуссиях о том, что же такое «нестратегическое ядерное оружие», сразу предлагая внятное определение: «все те ядерные вооружения, которые не охвачены существующими договорами по СНВ и РСМД». Еще одним достоинством главы является то, что Арбатов не спешит механистично откликнуться на зов европейцев (а теперь и американцев), что именно ТЯО теперь должно встать в центр разоруженческих дискуссий, определяя его значимое, но все же не первостепенное место в вопросах ближайших переговоров по дальнейшему сокращению всех типов ядерных вооружений.

Читатели не должны пройти мимо тех глав, которые затрагивают вопросы, сейчас не столь важные для США, но приоритетные для России — «Высокоточное обычное оружие» Евгения Мясникова и «Космическое оружие и проблемы его запрещения» Алексея Арбатова и Владимира Дворкина.

Примечательно, что когда книга выходит с разоруженческой *тропы* на нераспространенческие *просторы*, тон тоже задает Арбатов — главой 13 «Системный анализ нераспространения» (особенно с. 252–256).

По его убеждению, «одна из самых серьезных проблем для укрепления режимов нераспространения — это отсутствие системного подхода» (с. 252). И далее следует, на мой взгляд, один из основных выводов книги, рискующих затеряться на ее страницах: «Чаще всего на различные инициативы [государств, негосударственных структур] главное влияние оказывает отношение к той или иной стране или заинтересованность в том или ином проекте или контракте» (с. 252). В самую — болевую — точку попал! Сколько отсюда бед, сколько ненужного соперничества, сколько двойных стандартов. Да и просто сколько подчас сил вхолостую.

Вопрос *громких, глобальных*, а по существу холостых инициатив мог бы стать одним из серьезных новаторских элементов данной книги. Наталия Калинина (в главе 24) дает выразительную иллюстрацию по программе «Глобальное партнерство»; здесь тщательно проработанный фактический материал, помноженный на огромный опыт автора и вдумчивые выводы. А вот глава 17 «Институты нераспространения», грамотно описывая эти институты, не дотягивает до той высокой планки полемики научного задора, которую поставил Арбатов.

В отличие от частей, посвященных контролю над вооружениями и их сокращению, часть «Распространение ядерных вооружений» — менее ровная. Она нуждалась бы в большем внимании на стадии редактирования.

Как всегда, эталон — две главы Роланда Тимербаева (глава 14 «Гарантии МАГАТЭ» и глава 21 «Производство делящихся материалов»). Ни убавить, ни прибавить. Полезная содержательная глава Анатолия Дьякова «Ядерный топливный цикл».

Хороши главы по КНДР лучших российских экспертов по этой теме Александра Воронцова и Георгия Толорая, по Ирану Антона Хлопкова — особенно описание поступательного интереса Тегерана к использованию атомной энергии (с. 87–94), на основании чего понятен, логичен и достоин пристального внимания, казалось бы, парадоксальный вывод автора о том, что «задачи Ирана в рамках использования атомной энергии в интересах государства во многом сохранились с 1970-х годов» (с. 99); более спорным, но при этом интересным является вывод Хлопкова о том, что сегодня «Иран по-прежнему в значительной степени полагается на иностранную помощь в обла-

сти ядерных технологий» — для продолжения дискуссии здесь, как говорится, хотелось бы побольше мяса, то есть фактов; Впрочем, разнообразие источников в этой главе оставляет особенно благоприятное впечатление.

На этом фоне глава по Южной Азии не оставляет такого же яркого впечатления, а рассуждения о международной системе экспортного контроля в контексте дела А.К. Хана вообще выглядят сырыми — особенно когда автор вводит вдруг понятие «стран... руководимых авантюристическими режимами» (с. 131); здесь вообще создается ощущение, — надеюсь, ложное, — что целые абзацы — это калька с английского; скорее, просто неряшливость, часто, к сожалению, встречающаяся еще в отечественной литературе как отголосок девяностых, но для этой книги совершенно не характерная.

Интересна глава «Ракетные технологии» Сергея Ознобищева. Тема, значимая для понимания угроз ядерного нераспространения и редко подробно раскрываемая. Ознобищев подробно рассказывает об иранских ракетах, о северокорейских; хотелось бы, конечно, побольше узнать об израильских, прежде всего об *Иерихоне-2*, о которых упоминается (к сожалению, тоже бегло) в главе 2 (с. 63), — ведь здесь мы говорим не о потенциале и не о планах, а о реально имеющихся ракетах с дальностью, которая северокорейцам и иранцам разве что только снилась.

Ознобищев высказывает идею о повышении действенности режима ракетного нераспространения (сейчас ограниченного РКРТ и Международным кодексом поведения) — «вплоть до разработки проекта договора, объединяющего два эти документа» (с. 150). Хотелось бы рассмотреть реалистичность такого подхода. Слишком много попыток «расширить договоренности» уже кануло в Лету. Может быть, лучше сосредоточиться на продвижении ранее озвученной Россией (и поддержанной США) идеи превратить двусторонний договор по РСМД в многосторонний... только вот возни с этим много, а результат не гарантирован; и еще одна российская гранд-инициатива пылится, вызывая усмешку тех, кто уже много таких наших инициатив, не доведенных до ума, повидал на своем веку.

Полуфабрикатной выглядит критически важная, архиактуальная сегодня глава — по перспективам атомной энергетики. В результате конструкция монографии накреняется. Все-таки режим ядерного нераспространения — это три равновеликих столпа — собственно нераспространение, разоружение и, конечно, мирное использование атомной энергии. Последний *столп* в монографии досадно укорочен.

Книгу Арбатова–Дворкина специалистам стоит читать и перечитывать. Студентам, аспирантам профильных специальностей — изучать. А международным экспертам — как можно скорее получить ее, как минимум, на английском языке, а еще лучше — на французском и китайском.

Ну а нам, пировцам, со своей стороны приятно, что большинство авторов этой книги имеют самое непосредственное отношение к нашей организации. Они — либо члены Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра (как, например, оба соредатора), либо читают лекции на пировских образовательных программах (как, например, Александр Воронцов, Наталия Калинина), либо вообще стояли у истоков ПИР-Центра (как Роланд Тимербаев). Узок круг...

Примечания

¹ Караганов Сергей. «Глобальный ноль» и здравый смысл. *Россия в Глобальной Политике*. 2010, 1 июля, <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Preodolet-sderzhivanie-15163> (Последнее посещение — 1 июля 2011 г.).

Арбатов Алексей. Здравый смысл и разоружение. *Россия в Глобальной Политике*. 2010, 12 августа, <http://www.globalaffairs.ru/number/Zdravyi-smysl-i-razoruzhenie-14971> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).

БРИКС: ЗАПЯ НОВОЙ ЭРЫ ИЛИ BUSINESS AS USUAL?

BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, India and China (Ed. Nandan Unnikrishnan and Samir Saran). New Delhi. 2010.

БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. Сборник докладов и выступлений на международной конференции. Под общей редакцией проф. В.М. Давыдова и доц. Ю.Н. Мосейкина. ИЛА РАН / РУДН. М. 2010.

Рецензия — Борис Мартынов

С тех пор как эксперты *Голдман Сакс* выпустили в свет акроним БРИК, в Амазонке, Волге, Янцзы и Ганге утекло немало воды. Прошли два саммита БРИК (Екатеринбург, 2009 г. и Бразилиа, 2010 г.), к акрониму добавилась буква «С» (вступление ЮАР, 2010 г.), расширились и приобрели регулярный характер контакты по линии заинтересованных ведомств. Многократно умножились ряды сторонников и противников нового формата (так называемых *БРИКС-оптимистов* и *БРИКС-пессимистов*), ведущих бесконечные интеллектуальные битвы вокруг его будущего. И в нашей стране, и за рубежом появилось немало работ, где с разной силой отразились сполохи этих сражений.

Научное сопровождение форумов БРИКС — вещь, ставшая привычной. И это внушает оптимизм. Вниманию читателя предлагаю сборник выступлений экспертов, собравшихся в Дели в мае 2009 г., незадолго до первого саммита в БРИК в Екатеринбурге, и близкое ему по духу российское издание, обобщившее материалы научной конференции, которая состоялась в ноябре 2009 г. в РУДН за несколько месяцев до проведения второго саммита в Бразилиа.

Сначала зафиксирую одно важное отличие: в индийском сборнике *пессимисты* представлены несколько шире, чем в российском. Это неудивительно, ведь выход нового формата на уровень уже *второго* саммита хотя бы *формально* должен был добавить задора тем, кто изначально с энтузиазмом отнесся к его появлению, и приглушить сомнения скептиков.

Но значит ли это, что дальнейший процесс *форматирования* БРИКС (его институционализация с закреплением собственной *ниши* в ареопаге существующих международных структур), или, проще говоря, его *одомашнивание* в условиях нынешнего миропорядка (а для кого-то — беспорядка), будет равнозначен его усилению? Вряд ли. Скорее всего, БРИКС станет *еще одной* глобальной структурой, которых у нас накопилось уже немало. Причем их количество никак, или почти никак, не коррелирует с решением умножающихся с каждым годом глобальных проблем. В этом смысле слова выступавшего в Дели видного бразильского дипломата М. Азамбужа о том, что предназначение БРИК — в том, чтобы «стать *modus operandi* XXI в., лишенным бюрократической параферналии, столь типичной для структур, которые появились в ином историческом контексте»¹, хотелось бы считать провидческими. Большая часть *оптимистов* в своем желании видеть реальные перспективы нового формата как раз и упирает на его новизну, своеобразие и непохожесть на старые схемы, отмечая при этом у скептиков присутствие «инерции восприятия того, что можно квалифицировать как международное объединение»².

Если оставить в стороне выкладки относительно их растущего потенциала, доли в мировой торговле, опережающего развития по сравнению с *Большой восьмеркой* и т.д. (о чем было сказано немало и что, собственно, легло в основу самой парадигмы), то нельзя не отметить следующее.

Во-первых, растущая взаимозависимость производителей (Россия, Бразилия) и потребителей (Китай, Индия, ЮАР) углеводородного сырья совсем не обязательно способна гарантировать их безоблачное сосуществование в будущем. Учитывая предшествующую мировую практику, она может вылиться в *разброд* БРИКС по традиционным *квартирам*, где одни будут косо смотреть на других.

Во-вторых, несмотря на отмечаемые многими колоссальные перспективы, как в торговле традиционными товарами³, так и в новых областях сотрудничества⁴, нельзя игнорировать усиление их взаимной конкуренции на региональных и мировых рынках⁵. Экспансия товаров из Поднебесной в Латинской Америке привела к тому, что главным оппонентом Бразилии в ВТО на сегодняшний день является Китай (8 споров из 18). «Для многих бразильских экспортеров Китай стал главной угрозой. Он способен заполнить своими товарами рынок самой Бразилии и вытеснить ее с международных», — отмечал бразильский эксперт Данте Мендес⁶. Недалеко ушла Индия, конкурирующая с латиноамериканским *гигантом* в области металлургии и программного обеспечения. Становление России как мирового сельхозпроизводителя зависит от пятерки аграрных *монстров* (где третью строчку в *табели о рангах* занимает Бразилия), а они отнюдь не склонны радостно принимать в свои ряды *новичков*. Список реальных и потенциальных объектов для разногласий можно было бы продолжить и далее. Итак, вновь сталь, куры, свинина, самолеты и детские игрушки встают на пути давно назревших перемен в мировой экономике и политике?

Нет, это *пока* не так. В условиях кризиса на основе общего подхода БРИКС удалось обеспечить *боевитость* новой международной структуры — *двадцатки*, добиться принятия на ее саммите в Лондоне в сентябре 2009 г. решения о перераспределении 5 % голосов в МВФ и 3 % голосов во Всемирном банке от старых членов в пользу новых *восходящих* экономик. Вопрос не закрыт, и перераспределение (далеко не достаточное, особенно, с учетом превращения Китая во вторую экономику мира), наверняка, продолжится. К тому же на саммите в Бразилиа ведущие банки *четверки* подписали меморандум о сотрудничестве, который стал первым практическим документом, ориентированным на создание ими *собственной* финансовой инфраструктуры.

Но спросим себя откровенно: а достаточно ли будет нынешних и грядущих изменений в пользу БРИКС на мировом финансовом небосклоне и даже принятия Бразилии и Индии в состав постоянных членов СБ ООН для утверждения нового формата «в качестве фактора роста и стабильности в мире на десятилетия вперед», каким хотят видеть его *оптимисты*? С учетом повышенных ожиданий, связанных с появлением БРИКС, перераспределение голосов в международных финансовых организациях и реформа Совбеза не могут рассматриваться иначе, как достижение этими странами своих *сугубо тактических, конъюнктурных целей*. Вслед за чем вполне может последовать стагнация и медленное исчезновение очередной созданной *ad hoc* новой структуры либо ее дезинтеграция под воздействием усилившихся торгово-экономических противоречий. Промежуточный характер этих целей очевиден, равно как для многих очевидно и то, что стратегическая направленность БРИКС должна быть гораздо содержательнее и перспективнее тактических целей ее отдельных участников. Об этом как раз и говорят сторонники создания «более справедливого, демократического и безопасного мироустройства, которое отражало бы культурно-цивилизационное многообразие современного мира»⁷.

О *цивилизационном* подходе к БРИКС забывать не следует хотя бы в силу невозможности абстрагироваться от того простого и непреложного факта, что эта *чет-*

верка (а теперь уже *пятерка*) представляет все основные — за исключением западной и исламской — мировые цивилизации. При том, однако, что сами эти страны по отдельности «различаются по степени и характеру своей заинтересованности. Россия в большей степени обеспокоена вопросами безопасности. Китай — тем, что он, как и Восток в целом, недостаточно представлен в ключевых организациях, причастных к регулированию мировой экономики, Бразилия и Индия пока не нашли своего места на глобальной экономической и политической арене. Способна ли группа БРИК в этих условиях предлагать новаторские идеи, адекватно определять пути мирового развития?» — спрашивает профессор Университета Джавахарлала Неру Абдул Нафей⁸.

Пожалуй, наиболее концентрированно скепсис по отношению к перспективам БРИКС нашел отражение в статье, опубликованной в одном из российских журналов в 2009 г.⁹ Там говорилось, что эти страны «в принципе не интегрируемы в глобальную иерархическую систему без их предварительного преобразования, снижающего (хотя бы частично) потенциал их развития и самостоятельности. Элиты ведущих региональных держав слабо интегрируемы в элиту западного сообщества. «Эти государства не готовы к созданию собственных устойчивых сфер влияния за пределами сопредельных регионов. Они не очень стремятся брать кого-нибудь под свою опеку и тем более делать это в противовес действиям США и их союзников. В отличие от СССР, они не являются сверхдержавами в полном смысле и не стремятся распространять свои идеологические установки и политическое влияние в глобальных масштабах, открыто бороться за раздел сфер влияния с США в тех регионах, которые не входят в зону их жизненно важных интересов. Не обладая соответствующими возможностями и идейно-политической мотивацией, они не стремятся вести игру с «нулевой суммой» в которой каждый проигрыш оппонента является победой, а собственный проигрыш — победой противника»¹⁰.

В ответ хочется воскликнуть: «Вот и прекрасно!». Мир давно уже нуждается в достойной альтернативе дискредитировавшим себя принципам и методам, а в принципиально новом формате БРИКС просматривается хорошая возможность добавить *свежую кровь* в мировую экономику и политику. Любая коррекция политики БРИКС хотя бы в одном из тех направлений, на которые указывалось выше, наверняка поставила бы крест на самой идее этого нового формата, автоматически превратив его в подобие старых, ибо «БРИК нельзя воспринимать исходя из стереотипов XX в., отличавшегося жесткой биполярной структурой. БРИК — реакция на новую реальность, на переходную ситуацию XXI в., ведущую к многополярному миропорядку»¹¹. Главное на сегодняшний день преимущество БРИКС — в том, что «это не группа будущих членов G-8. Его философия и ориентация совершенно иные»¹².

Перспективы БРИКС, по мнению многих сторонников этого формата, заключаются не только в необходимости формального исправления исторически сложившегося *прозападного* крена в составе и деятельности современных структур глобальной экономики и политики с учетом возросшего влияния *восходящих* стран. Они — в назревшей *цивилизационной* коррекции *всей философии, системы и методов* глобального мироустройства с целью адекватного комплексного прочтения глобальных проблем современности и выработки адекватных мер для их решения. Повышенный интерес мировой общественности и прессы к БРИКС¹³ не случаен и связан не только с их экономическими успехами или перипетиями по поводу перераспределения голосов в МВФ. Его скрытая или открытая мотивация — в поиске ответа на вопрос: способно или неспособно *восхождение* новых глобальных игроков, не относящихся к цивилизации Запада, *перенастроить* мировой оркестр в направлении большей сырности.

При всей закономерной разнице конкретных политических и экономических интересов *пятерки* стремление к построению многополярного миропорядка — именно то, что на сегодняшний день объединяет все эти *страны-цивилизации* на международ-

ной арене. При этом новая модель *врастания* БРИКС в верхние эшелоны глобального экономического и политического влияния, в отличие от парадигмы становления всех без исключения *великих держав* в XX в., до сих пор основывалась на использовании *мягкой силы*. Задача сохранения и приумножения *мягкой силы* не предполагает действий по отработанным схемам. Она, как известно, зависит не столько от военно-силовых факторов, сколько от целого комплекса иных — экономических, политических, информационно-культурных и пр., которые формируют благоприятный внешний имидж страны и способствуют осуществлению ее лидерских амбиций. Поэтому вслед за целым рядом экспертов, которые высказывали аналогичную точку зрения, как в Дели, так и в Москве, можно предположить, что для БРИКС характерен совместный (возможно, интуитивный) поиск *альтернативной модели глобальной развития*, основанной на утверждении многополюсности в политике, сбалансированности в мировой экономике и торговле и попытках внедрения элементов социальной справедливости в свою внутреннюю жизнь.

Похоже, что процесс обострения глобальных проблем — экологической, изменения климата, выработки природных ресурсов, терроризма, наркоторговли и т. д. — должен все сильнее *подталкивать* восходящие страны к следованию именно по такому пути. «Возрастание политического влияния БРИК прямо пропорционально их совместным выступлениям в пользу установления нового миропорядка», — отмечал профессор Цзи Пин из китайского Центра исследования мировых проблем. «Четыре страны, которые представляют различные цивилизации со своими уникальными культурами, идеологиями и дипломатическими традициями, имеют много общего, как, например, непринятие диктата третьих стран и следование собственным интересам, как во внутренней, так и во внешней политике. Все это может помочь им не только перераспределить существующий баланс экономического влияния в мире, но и ускорить процесс реструктуризации основ глобальной экономики, политики и безопасности¹⁴. Но будут ли столь едины *страны-цивилизации* в своем порыве *изменить мир* и какие полезные новации в связи с этим могло бы ожидать от них лишившееся многих своих прежних ориентиров человечество?

Специалисты-цивилизационщики довольно уверенно отвечают на эти вопросы. Например, В.Г. Хорос (ИМЭМО РАН) считает, что мировую политическую практику способны серьезно обогатить индийская идея *сатьяграхи* (ненасильственного сопротивления) и китайские культ знания, конфуцианская этика и жизнелюбивый китайский прагматизм. Что касается «сравнительно молодой цивилизационной общности», к которой принадлежит Бразилия, то здесь этот автор обоснованно говорит о *тенденции к синтезу культур* различных населяющих ее рас и народов в процессе ее цивилизационного становления, обнаруживая схожесть с другой отдельной локальной цивилизацией — российской¹⁵. При этом В.Г. Хорос прав, когда утверждает, что на фоне растущего цивилизационного самоутверждения Китая, Индии и Бразилии (в странах Латинской Америки это утверждение ценностей социальной справедливости в форме *левого поворота*), Россия переживает *серьезный цивилизационный кризис*. Более низкие темпы роста, глубокое падение производства в период кризиса — причины того, что именно Россию до последнего времени было принято считать слабейшим звеном *четверки*. Ибо «без утверждения жизненных ценностных ориентиров, адекватных отечественным традициям, России не справиться с нынешним социальным, политическим и идейным разбродом. Только установление общественного консенсуса по поводу действительно значимых ориентиров и целей, духовных и нравственных опор поможет объединить тот креативный потенциал российского общества (ученые, инженеры, квалифицированные рабочие, сельчане, желающие нормально трудиться на земле), который в России пока еще не существует, но который политически и морально дезорганизован и постепенно размывается»¹⁶. Не в этом ли заключается одна из причин того, что российский крупный бизнес, кругозор которого по-прежнему зашорен односторонним *западничеством*, все еще очень

медленно осознает свои интересы на восточном и латиноамериканском направлениях, в то время как Китай (а также Бразилия и Индия) сделали *разумный выбор* в пользу преференциального сотрудничества с партнерами по новому формату?¹⁷

В пользу БРИКС *работает* еще один фактор, который со временем будет только усиливаться. Сегодня акцент мирохозяйственного развития постепенно переносится с вопросов торговой либерализации на проблемы, связанные с *публичными ценностями*, в первую очередь — с запасами энерго- и экоресурсов планеты, которые, по мнению специалистов, в отличие от ценностей *частных*, «вряд ли могут быть решены на базе стихийно формирующихся рынков»¹⁸. С этой точки зрения специфика переживаемого момента, благоприятствующая восхождению БРИКС, в том, что *крепкое государственническое начало* в странах-гигантах глобального Юга, а также в России, было традиционно, *по-цивилизационному* укоренено, являясь неотъемлемой составной частью национальной истории и культуры. В этом смысле *цивилизационная синергия* — сплав государственного и частного, прагматического и *визионерного* начал — способна, по мнению *энтузиастов БРИКС*, создать в мире такой особый креативный настрой, который выдвинет страны-гиганты в авангард назревших перемен и поможет им занять более заметные места в мировом ареопаге¹⁹.

Нельзя забывать и о проблемах безопасности, которые (за исключением финансовой и энергетической), почему-то не были достаточно отражены в дискуссиях в Дели и Москве. А ведь именно они начинают привлекать к себе все большее внимание даже в отношениях таких отдаленных друг от друга стран, как Россия и Бразилия (создание в 2008 г. совместной Рабочей группы по безопасности, проведение регулярных консультаций). Возможно, это происходит потому, что БРИК изначально намеренно позиционировали себя не в качестве *противовеса* кому-то? Этот тезис сегодня многократно повторяется как всеми лидерами БРИКС, так и всеми без исключения их адептами.

Политкорректность такого подхода можно понять, однако реальность не позволяет предаваться иллюзиям. Спрашивается, о какой *гармонии* может идти речь на фоне *восхождения* одних стран и *относительного заката* других, в период, когда *вестернизация* постепенно замещается *истернизацией* и *саутизацией*? Хочется согласиться с В.М. Давыдовым, когда он говорит, что переход к многополярному миропорядку «неизбежно чреват определенными рисками, которые неоднократно продемонстрировала история при перераспределении сил и влияния на мировой арене»²⁰. Допустим, БРИКС станет дополнением существующих глобальных институтов. Однако, учитывая, что им рекомендуют не входить «даже на самых выгодных условиях» в *эсклюзивный клуб* Запада и «стараться выдвигать альтернативы тем ценностям, которые он воплощает»²¹, трудно отделаться от мысли, что намерение *не дружить против кого-то* на практике останется лишь благим пожеланием, поскольку не выдвигать им таковых (альтернатив) никак нельзя.

Масла в огонь подливает А. Шеел — секретарь Департамента по экономическим вопросам Министерства финансов Индии, когда напоминает, что корни нынешнего кризиса лежат в области, «которая традиционно не является предметом для дискуссии» (мало кто сомневается в том, что это область *цивилизационных ценностей*). Индийский автор предвидит в этой связи неизбежное приближение *идеального шторма* в мировой финансовой системе, если человечество не найдет разумную равнодействующую между госрегулированием и свободной рыночной экономикой²². Что уж говорить о планах создания БРИКС альтернативной Бреттон-Вудской самостоятельной валютной системы! Какие *войны духа* (выражаясь словами Фрэнсиса Фукуямы), наверное, породят попытки претворения в жизнь этих планов!

Опасаемся, что не только духа. Стоит обратить внимание на рост военных расходов во всех (кроме ЮАР) *восходящих* странах-гигантах. Расходов, оправдываемых с их стороны ростом непредсказуемости и разбалансированности в мировой экономике и политике, а также распространившимися повсеместно опасениями, что новое столетие приведет к усилению борьбы за перераспределение источников энергии и природных ресурсов²³. Размеры территорий и природно-ресурсный потенциал БРИКС (одни только Россия и Бразилия располагают почти половиной мировых запасов пресной воды) не позволяют им *расслабляться*, уповая на *гармоничность* отношений с ныне власть придержащими. И вот даже не имеющая никаких потенциальных противников Бразилия, военные расходы которой все XX столетие редко превышали 1,5% ВВП, в 2007 г. увеличивает свой военный бюджет вдвое и принимает программу радикального переоснащения вооруженных сил! Своеобразной эпитафией по программе *бесконфликтности*, сгоряча заложенной в основу БРИК, могут служить слова М. Вену: «История знает, чем и как добиваться своего от тех, кто не замечает ускользающей из под их ног почвы»²⁴.

Но, оставляя на время безопасность как, по-видимому, более отдаленную область сотрудничества БРИКС, посмотрим, что предлагают эксперты в качестве *прорывных* направлений на сегодня, помимо выработки «альтернативной по отношению к США линии по финансовым вопросам»²⁵. Это те области, где на сегодняшний день сильна *взаимодополняемость* БРИКС. Среди них фигурируют авиационно-космическая и фармацевтическая промышленности, реализация совместных программ запусков ИСЗ как в целях аэрофотосъемки их гигантских территорий, так и «в дальнейшем, возможно, в интересах обороны» (*sic!*). Среди них и сотрудничество в области альтернативной энергетики (эти и другие сферы взаимодействия перечислены в материале С. Кургиняна).

Об альтернативной энергетике необходимо сказать особо. Здесь как ни у кого сильны позиции Бразилии, которая начиная с 70-х гг. прошлого века занимается получением этанола из отходов переработки сахарного тростника. В материале Д. Толедо (Институт перспективных исследований, Университет Сан-Паулу) подробно излагаются перспективы сотрудничества между БРИКС в дальнейшем изучении альтернативных источников энергии и совместном освоении перспективного мирового рынка этанола и биодизеля²⁶. Немалый потенциал сотрудничества, как выясняется, заложен также в сфере *правового* взаимодействия БРИКС²⁷.

Что же остается в *сухом остатке*? Практически для всех, кто так или иначе занимается проблематикой БРИКС, ясно, что эта глобальная структура стоит сегодня перед непростым выбором: утвердиться в системе власти сейчас или сделать ставку на *отложенное влияние*? Первый вариант (он, по мнению И. Сафранчука, более вероятен) может помочь БРИКС частично адаптировать к своим интересам существующие правила игры. После этого, надо полагать, эта структура выполнит свою историческую роль, и надобность в ней отпадет. Второй «тоже не стоит сбрасывать со счетов» в том случае, «если США не согласятся на более плюралистический и многополюсный мир и будут продолжать утрачивать свое лидерство или если в США возобладают изоляционистские тенденции и с уходом этой страны из глобальной политики в мире образуется вакуум силы»²⁸.

В такой расстановке акцентов усматривается следствие характерной именно для России раздвоенности отношения к БРИКС, в основе которой — ее специфическое состояние ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН, этакого своеобразного *не-Запада и не-Востока*, особенно рельефное на фоне еще не иссякших упований части нашей правящей элиты на возможность полноценного альянса с США и встраивания в *коллективный Запад* (вот тогда — прощай нелюбимый БРИКС!). Это иллюстрация того самого «диссонанса политических амбиций и экономических возможностей России», о котором говорилось на встрече в Москве²⁹.

Думается, все же, что использовать БРИКС для шантажа США и коллективного Запада не стоит. Их лидерство уже давно под вопросом, а образование в мире вакуума силы журнал *Экономист* зафиксировал еще в 2007 г. Неизвестно, какие конкретно перспективы ожидают БРИКС по второму, *отложенному* варианту, но уже сейчас ясно, что он более желанен для экспертного сообщества, почти в унисон предостерегающего лидеров объединения от его дальнейшей бюрократизации, политизации и формализации и превращения в очередную структуру *как все*. Большинство выступают и против неоправданного расширения уже существующего формата за счет новых *восходящих* стран (но не *стран-цивилизаций!*). Это наверняка размышло бы тот *цивилизационный message*, с которым многие связывают сегодня возможность кардинальных (а не паллиативных) перемен в мировой экономике и политике. Но будем реалистами. Если *заря новой эры* в мировых делах когда-нибудь и забрезжит, то это наступит не раньше, чем БРИКС окончательно оправдают прогноз *Голдман Сакс*, то есть выйдут на передовые позиции в мировой *табели о рангах*, потеснив привычных *мэтров*. А пока — наберемся терпения.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

В ближайшее время наверняка будет появляться еще немало интересных экспертных материалов по БРИКС. Это и неудивительно в условиях новизны этого формата и отмеченных выше обстоятельств, связанных с *вакуумом силы*. Было бы некорректно сейчас говорить о недостатках рассмотренных здесь сборников: реальное развитие событий, наверное, пока еще опережает способность экспертного сообщества осмыслить перспективы этого формата в полной мере. Однако объем затрагиваемых в них проблем и накал дискуссий в полной мере позволяют читателю сформировать собственное представление об этих перспективах. 🐘

В ближайшее время наверняка будет появляться еще немало интересных экспертных материалов по БРИКС. Это и неудивительно в условиях новизны этого формата и отмеченных выше обстоятельств, связанных с *вакуумом силы*. Было бы некорректно сейчас говорить о недостатках рассмотренных здесь сборников: реальное развитие событий, наверное, пока еще опережает способность экспертного сообщества осмыслить перспективы этого формата в полной мере. Однако объем затрагиваемых в них проблем и накал дискуссий в полной мере позволяют читателю сформировать собственное представление об этих перспективах. 🐘

Примечания

¹ Azambuja M. Making the BRIC Project Work: Institutional Aspects. *BRIC in the New World Order: Perspectives from Brazil, India and China* (Ed. Nandan Unnikrishnan and Samir Saran). New Delhi. 2010. P. 5.

² Давыдов В. М. БРИК — виртуальный проект или закономерная реальность? *БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия*. М.: ИЛА РАН/РУДН, 2010. С. 27.

³ Khatua A. Changing Scenario of the World Trade: Potential of BRIC countries. *BRIC in the New World Order*. P. 180.

⁴ Кургинян С. Укрепление БРИК через сотрудничество в промышленности и торговле. *BRIC in the New World Order*. P. 168–171.

⁵ Gonçalves J. BRIC — Cooperation in Trade and Industry. *BRIC in the New World Order*. P. 165.

⁶ Mendes D. The Global Financial Crisis and the New Financial Architecture. *BRIC in the New World Order*. P. 35.

⁷ Кадышев Л. О факторе БРИК во внешней политике России. *БРИК: предпосылки сближения...* С. 91

⁸ Там же. С. 109.

⁹ *Международные процессы*. 2009. № 1. С. 12–13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Давыдов В. М. Цит. соч. С. 34.

¹² Нафей А. Индия: подходы к функциям и задачам БРИК. *БРИК: предпосылки сближения...* С. 110.

- ¹³ Ивановский З. В. БРИК в зеркале мировой печати. *БРИК: предпосылки сближения...* С. 114–123.
- ¹⁴ Ji Ping Some Observations on the BRIC Engagement. *BRIC in the New World Order*. P. 22.
- ¹⁵ Хорос В. Г. О цивилизационной совместимости в рамках БРИК. *БРИК: предпосылки сближения...* С. 156–157.
- ¹⁶ Там же. С. 158.
- ¹⁷ Титаренко М. Л. БРИК: предпосылки взаимодействия, подходы и оценки сторон. *БРИК: предпосылки сближения...* С. 46.
- ¹⁸ *Foreign Affairs en Español*. 2007. № 3. P. 115.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Давыдов В. М. Цит. соч. С. 35.
- ²¹ Сафранчук И. Повестка дня и инструменты БРИК. *BRIC in the New World Order*. P. 9.
- ²² Sheel A. Looking Beyond the Global Financial Crisis. *BRIC in the New World Order*. P. 49.
- ²³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.
- ²⁴ Venu M. Framework for an Alternative Global Financial Architecture: A BRIC Perspective. *BRIC in the New World Order*. P. 80.
- ²⁵ Мосейкин Ю. Н. Факторы восхождения и взаимодействия стран БРИК. *БРИК: предпосылки сближения...* С. 126.
- ²⁶ Toledo D. Prospects of Scientific Cooperation Amongst BRIC: Energy, Development and S, T&I Collaboration in Biofuels. *BRIC in the New World Order*. P. 111–117.
- ²⁷ Мартынов Б. БРИК: потенциал взаимодействия в формировании нового международного правопорядка. *БРИК: предпосылки сближения...* С. 160–168.
- ²⁸ Сафранчук И. Цит. соч. С. 8.
- ²⁹ Мосейкин Ю. Н. Цит. соч. С. 127.

Белозеров В. К. Политическое руководство Вооруженными силами Российской Федерации: институциональное измерение. М.: Издательский дом «АТИСО», 2011. 376 с.

Сегодня, в пылу страстей вокруг перспектив современного военного строительства, не так часто — и в России, и за рубежом — можно встретить монографию, проникнутую академическим спокойствием и духом классической науки, для которой первично *знание*, а не грант, интерес почтенной публики или другие мотивы. К такому редкому типу относится исследование Белозерова В.К. «Политическое руководство Вооруженными силами Российской Федерации», изданное под эгидой Ассоциации военных политологов и при поддержке Института политического и военного анализа.

Предмет изучения четко определяет теоретико-методологическую базу работы — неoinституционализм, поскольку механизмы политического руководства армией основаны не только на формальных установлениях, но и проистекают из представлений общества о войне, его традиций и исторического опыта.

За отправную точку исследования В. Белозеров берет основательно подзабытый широкой общественностью, но непреложный и важнейший тезис: вооруженные силы являются инструментом государственной власти, производной политической жизни. Именно поэтому они должны изучаться не сами по себе, но в контексте политологии, с применением соответствующего инструментария. А отсюда ученый определяет объект своего внимания как «организуемую органами государственной власти специфическую деятельность, направленную на создание, подготовку и применение вооруженных сил, поддержание их в определенном состоянии в интересах достижения политических целей» (С. 42–43).

Этот, казалось бы, очевидный и простой тезис (в очередной раз убеждаешься, что все гениальное просто) имеет большое прикладное значение. Он предоставляет нам инструмент как для сопоставления организационного развития вооруженных сил страны и эволюции политики ее руководства, так и для ограниченного прогнозирования результатов оборонной политики государства на основе комплексного анализа его целеполагания, конкретных шагов по достижению поставленных целей и *институционального дизайна* военно-политической системы.

Далее, В. Белозеров в своей монографии разбирает и сравнивает основные модели институтов политического руководства вооруженными силами, исторически сложившиеся на сегодняшний день в мире. И здесь он опять же берет за основу следующую классификацию: модель президентской республики (США), модель парламентской

Е
Ъ
И
Ж
Н
О
К

республики (ФРГ) и модель авторитарной республики (КНР). Такой подход вполне обоснован, ведь в современном мире конституционные монархии родственны парламентским республикам, а монархии абсолютистского типа и теократии являют собой редкие и нерепрезентативные явления. На этом фоне рассматривается российский вариант институционализации политического руководства вооруженными силами, опять же с учетом исторического опыта нашей страны. При этом, если в СССР модель институционализации военного управления строилась на принципах, свойственных авторитарной республике, то в сегодняшней России ее сложно соотнести с каким-либо из указанных типов. Даже вектор происходящего перехода не очень ясен, что видно хотя бы на примере отсутствия в нашей стране артикулированного понимания предназначения имеющейся регулярной армии.

Именно поэтому автор посвятил третью часть своего исследования концептуальным подходам к модернизации института политического руководства Вооруженными силами РФ. И здесь В. Белозеров не изменяет своей основательности — в первую очередь необходимо определить национальные интересы страны, их иерархию и критерии реализации, поскольку только они должны быть императивами для политического руководства Вооруженными силами. В нынешней России этого фактически не происходит.

Вот поэтому автор четко и жестко обозначает необходимость публичного (экспертного) контроля принятия властных решений в сфере военного строительства, лишения *силовики* их *монополии* на организацию института политического руководства армией, введения правил ответственности конкретных должностных лиц и, шире, представителей политической элиты (читай — открытых и понятных правил ее ротации). Непосредственно для процесса институционализации изучаемой сферы России требуется создание целостной иерархии доктринальных документов (разумно предположить, что такие документы не должны меняться каждые год-два), осуществление правовой регламентации политического руководства, обязательной для исполнения на всех его уровнях, а также выработка надежного механизма реализации политических установок. Вывод из этого таков: успешность трансформации политического руководства Вооруженными силами РФ зависит сегодня и от эффективной организации (реорганизации?) российских органов государственной власти.

В целом, монография В.К. Белозерова будет полезна и интересна отечественному интеллектуальному сообществу: от студентов, специализирующихся в сферах международных отношений и политологии, для которых эта книга будет еще и высококлассным пособием по научной методологии, до профессионалов-практиков, включая представителей политического истеблишмента. К слову, наличие визуальных материалов (схемы и таблицы) и *summary* после каждой из глав делает эту книгу максимально удобной для ознакомления даже в условиях ограниченного времени. 🐼

Павел Лузин

Мавланов И. Р. Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка. Т.: УМЭД, 2010. 362 с.

Стереотип о том, что сила и мощь государства сокрыты в его армии и вооружениях, а театр военных действий — это лучшая площадка для межгосударственного взаимодействия, утрачивает былую актуальность и присущий временам Карла фон Клаузевица циничный подход к войне. В современном мире, где правит глобализация, а интернет рушит барьеры на пути межцивилизационного диалога, государства все больше отвергают методы военной дипломатии.

После окончания холодной войны подавляющее большинство государств перешло к открытой рыночной экономике и либерализации мировых торгово-экономических обменов. Экономика приобрела центральную роль в дипломатических отношениях, а преимущества свободного рынка доказали очевидное — *дружить экономикой*

выгоднее, чем *воевать армиями*. Продвижение экономических интересов государства на внешние рынки — задача, которая в условиях глобализации приравнена к факторам обеспечения национальной безопасности. Безопасность в экономической сфере предполагает укрепление национальной конкурентоспособности, содействие технологическому развитию и инновационной деятельности, улучшение условий доступа на внешние рынки, привлечение в страну зарубежных инвестиций и технологий. Практическое решение этих задач возложено на такую область международных отношений, как экономическая дипломатия.

Концептуально-методологические особенности и тенденции развития экономической дипломатии в условиях трансформации мирового порядка рассматривает узбекский ученый И. Р. Мавланов в своей работе «Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка». Экономическая дипломатия — сравнительно новое научное направление в области международных экономических отношений и примечательно, что эта монография — одна из первых попыток комплексного и системного исследования проблем в данной сфере.

В работе анализируются основные концептуальные понятия экономической дипломатии, исследуются ее наиболее известные объекты: привлечение инвестиций, развитие торговли, продвижение официальной помощи развитию, обеспечение экономической безопасности и национальных интересов. Большое внимание, уделяемое в работе вопросам теории, обусловлено тем, что в научном и экспертном сообществе еще не до конца сложилось единое понимание предметной области экономической дипломатии и механизмов реализации национальных экономических интересов государств.

Общепринятой составной частью внешней политики большинства стран является переговорная дипломатия. Автор исследует модификацию традиционных видов дипломатии под воздействием новых трендов в мировой политике. На основе разработанной теоретической модели системы международных отношений ученый выделяет в ней несколько подсистем. Это подсистемы двусторонних, многосторонних отношений, региональных, межрегиональных, транснациональных организаций и подсистема новых международных структур. Взаимодействие и взаимозависимость этих подсистем, по мнению автора, оказывает определяющее воздействие на мировой политический и экономический процессы. Но центральной сферой этой системы исследователь считает двусторонние отношения и основных ее участников — государства.

В основе образования новых подсистем в международных отношениях лежат стимулы к экономическому сотрудничеству. Все участники, независимо от форм государственного устройства, стремятся *вкусить* преимущества свободного рынка, зачастую не до конца осознавая, что он может *поглотить* их. Усиление международной экономической конкуренции требует активного участия государства в продвижении и защите национальных интересов. Государственная поддержка в различных формах служит важным фактором успешной деятельности компаний, и страны в целом на мировом рынке. В данной связи показателен опыт Индии, который можно охарактеризовать как уникальный симбиоз участия государства и бизнеса в экономике. Во многом этот подход позволяет Индии претендовать не только на роль ведущей региональной, но и мировой державы.

Индия до независимости находилась под властью колониальных правителей, которые вели свободную экспансию в колонии под лозунгами невмешательства государства в экономику и свободную торговлю. Не контролируемый никем рынок привел к определенным *перекосам* в экономическом развитии. Период независимости характеризуется различной степенью и разными формами государственного участия в экономике. Сегодня главный акцент правительство страны делает на проведении политики импортозамещения, формировании ориентированной на экспорт экономики и постоянной либерализации и модернизации экономической деятельности.

ш ≈
Ъ ≈
И И
Ж ≈
≈ в
И О
≈ И

В 1991 г. в Индии была принята Новая промышленная политика. Она позволила выработать основные приоритеты модернизации отраслей экономики, направленные на большую свободу рынков, частного предпринимательства, открытость и интернационализацию экономики. Это означало переход к новой модели развития — экспортоориентированной. Примечательно, Индия — одна из немногих стран, где экономическая дипломатия получила свое институциональное закрепление. В стране действует целая система государственных институтов и организаций. Стоит особо выделить деятельность Департамента промышленной политики и развития министерства торговли и промышленности, Комитет по привлечению иностранных инвестиций, Секретариат по содействию промышленности и Совет по содействию иностранным инвестициям. Таким образом, опыт Индии подтверждает, что самая прочная позиция страны на мировой арене складывается в результате кумуляции положительных факторов всех форм и моделей экономической дипломатии.

Активное использование инструментов экономической дипломатии позволяет государству усилить свое политическое влияние на мировые процессы. Рост экономики, интеграция в различные экономические форумы и организации подтолкнули Индию к участию в региональных и межрегиональных структурах в сфере безопасности. Взаимодействии с ШОС, АСЕАН примеры вовлечения Индии в разрешение политических конфликтов.

Автор заключает, что трансформация мирового порядка привела к тому, что воздействие экономики на глобальные процессы усилилось. Экономика приобрела центральную роль в дипломатических отношениях и создала основу для формирования и развития новой междисциплинарной науки экономической дипломатии. Умение профессионально использовать методы и инструменты экономической дипломатии станет определяющим фактором развития государств в новых условиях глобального развития, считает автор.

Галия Ибрагимова

Avner Cohen. The Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb. New York. Columbia University Press. 2010. 370 p.

Книги любого автора, регулярно публикующегося в *Foreign Affairs*, работавшего в разное время в Массачусетском технологическом институте и Институте мира США и в настоящее время являющегося старшим научным сотрудником в Центре исследований проблем нераспространения им. Джеймса Мартина однозначно заслуживают прочтения. Но, кроме этого, последняя книга Авнера Коэна «Секрет, скрываемый хуже всего: договор между Израилем и Бомбой» интересна еще по целому ряду причин. Начать стоит с того, что Коэн — один из ведущих специалистов по военной ядерной программе Израиля. Учитывая, что программа эта секретная и официальная информация по ней практически отсутствует, можно сказать, что он также — один из немногих специалистов в этой сфере. Сложно представить себе серьезную работу по израильскому ядерному вопросу, которая бы не ссылалась на его ставший классическим труд 98-го года «Израиль и Бомба». И вот 12 лет спустя Авнер Коэн представляет читателям свою новую книгу.

Хочется сразу отметить, что, в отличие от «Израиля и Бомбы», выход «Секрета, скрываемого хуже всего» обошелся без серьезных неприятностей для автора (в 1998 г. публикация привела к обвинению Коэна со стороны института израильской цензуры, после чего он, гражданин Израиля, испытывал сложности с въездом в страну). Но это не показатель низкого качества новой книги, «Секрет» является прямым продолжением работы 12-летней давности. И если «Израиль и Бомба» подробно описывал зарождение военной ядерной программы Тель-Авива и закончился описанием секретной ядерной сделки между президентом США и премьер-министром Израиля Голдой Меир в 1969 г., то «Секрет, скрываемый хуже всего» берет этот момент

за отправную точку и пытается ответить на вопрос: «что позволило принципу ядерной двусмысленности (*nuclear ambiguity*) настолько укрепиться как внутри страны, так и на международной арене?». Именно исследованию положения, при котором официальный Тель-Авив и израильское общество в целом не признают наличие ядерного оружия, несмотря на то что этот факт давно не является секретом, положению, которое Коэн называет *amimut* (неоднозначность, неопределенность на иврите), и посвящена эта книга.

Тематически работа разбита на десять частей. В первых трех — «Рождение двусмысленности» (*amimut* у Коэна), «Причины для двусмысленности» и «Ключевые решения» — автор во многом пересказывает и дополняет свою предыдущую книгу, четвертая часть — «Инфраструктура двусмысленности» подробно описывает механизмы обеспечения данной политики Израиля, включая механизм военной цензуры, знакомый Коэну не понаслышке. Но для Коэна, философа по образованию, этого недостаточно, ему важно влияние *amimut* на израильское общество. Это отношение раскрыто в трех следующих частях, показывающих, как рядовые граждане Израиля стали хранителями ядерного табу и какова стоимость *amimut* для демократического развития страны и системы управления. В этих частях подробно рассматриваются случаи отхода от политики двусмысленности отдельными гражданами Израиля. И если случай Мордехая Вануну, передавшего в 1986 г. фотографии израильских ядерных объектов журналистам, широко известен, то дело отставного бригадного генерала Ицхака Яакова 2001 г. показывает, что современный Израиль не менее ревностно реагирует на попытки развеять *amimut*. Для специалистов-международников наибольший интерес будет представлять девятая часть книги, в которой Коэн касается влияния политики двусмысленности на ситуацию с Ираном, Договором о запрещении производства расщепляющихся материалов и другие смежные вопросы.

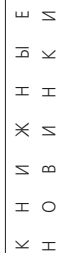
В целом, для специалиста в области международных отношений (а именно для них, как и для специалистов по Израилю и самим жителям страны «Секрет, скрываемый хуже всего» предназначен в первую очередь) книга может показаться чересчур исторической, литературной и даже философской, с постоянными заходами в области общественного устройства. Часть написанного основана на косвенных данных (что неудивительно, учитывая деликатность рассматриваемого вопроса), часть на личных интервью автора и, конечно, не обладает стопроцентной достоверностью. В то же время именно работы Коэна заложили прочный фундамент под исследование военной ядерной программы Израиля и они по-прежнему не имеют аналогов. Кроме того, ядерная двусмысленность Израиля так глубоко укоренена в общем социально-политическом контексте еврейского государства, что полностью понять ее без полной картины вряд ли возможно.

Таким образом, книга однозначно рекомендуется к прочтению всем, кто хочет получить полную картину о ядерном оружии в Израиле и на Ближнем Востоке и его влиянии на общественные процессы. 🐘

Андрей Баклицкий

Deradicalizing Islamist Extremists. Angel Rabasa, Stacie L. Pettyjohn, Jeremy J. Ghez, Christopher Boucek. Published 2010 by the RAND Corporation — 1776 Main Street, P. O. Box 2138, Santa Monica, 214 p.

Тема международного исламского терроризма вновь приковала к себе внимание мировых СМИ в связи с ликвидацией идеологического лидера Аль-Каиды Усамы бен Ладена. Впрочем, для России, где борьба между радикальным исламистским подпольем и структурами федеральной и местной власти на Северном Кавказе уже несколько лет балансирует на грани локальной войны, данная проблематика вовсе не утрачивала актуальности. В совокупности эти факторы придают дополнительный накал

горячей и болезненной теме исламского радикализма и связанного с ним исламского экстремизма.

Вместе с тем борьба с экстремизмом и исламским радикализмом обладает рядом измерений и направлений, практически неизвестных широкому обывателю и не фигурирующих в повестке международных встреч, форумов и саммитов, однако от этого не теряющих своей значимости. Одним из таких направлений является дерадикализация, или перевоспитание сторонников радикальных исламистских взглядов. Именно эта проблема, представляющая подлинную *terra incognita* для среднестатистического российского читателя, оказывается в центре внимания авторов монографии *Deradicalizing Islamist Extremists*, выпущенной осенью 2010 г. коллективом авторов Research and Development Corporation (RAND), одного из самых авторитетных аналитических центров в США.

Углубляясь в изнанку проблемы международного исламского экстремизма и исламского радикализма, авторы исследования ставят перед собой достаточно амбициозные цели. Так, поднимается вопрос о том, какой формат деятельности предпочтителен на самом общем уровне — дерадикализация, то есть, по сути, перевоспитание сторонников радикальных взглядов, или принуждение приверженцев экстремизма к прекращению вооруженной борьбы. Однако вывод авторов о том, что прекращение вооруженной борьбы в отсутствие отхода от радикальных взглядов не может быть окончательным и гарантированным, а экстремистские группы в таком случае сохраняют возвратный потенциал, звучит достаточно предсказуемо.

Для эффективного отхода от радикальных взглядов необходимо разрушить несколько типов связи между радикальной исламистской группой и ее членом. Ключевой из них является идеологическая связь, наличие которой и выделяет исламских радикалов из числа прочих приверженцев радикальных групп, таких как секты, банды, культы. Авторы исследования не стесняются указывать на тот факт, что идеология исламского экстремизма своими корнями уходит в ислам как одну из мировых религий, вследствие чего основания, питательная среда радикализма не могут быть уничтожены окончательно, безвозвратно.

Одной из широко распространенных и состоятельных практик противодействия распространению экстремистской идеологии под видом религиозной доктрины является модель богословского диалога, разработанная в Йемене и активно применяемая в ряде стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сущность данного подхода заключается в том, что власть привлекает лояльное исламское духовенство для общения с экстремистами с целью убедительного развенчания псевдоисламских идеологических конструкций. Описанная практика позволяет правительствам стран с преобладающим мусульманским населением решать одновременно две задачи — решать критически важную (например, для Йемена, Саудовской Аравии, Малайзии) проблему дерадикализации, в то же время укрепляя позиции того течения ислама, которое наиболее отвечает интересам правящего режима.

Однако, несмотря на относительную эффективность богословского диалога, значительную ему присущи недостатки и огрехи, способные свести на нет самую суть дерадикализации. Так, в некоторых странах Ближнего Востока, включая Саудовскую Аравию, месседж, адресуемый исламским экстремистам религиозным духовенством, сводится к недопустимости насилия в своей стране, на святой земле ислама. В то же время ведение вооруженной борьбы и иной экстремистской деятельности за пределами национальных границ признается допустимым, а нередко и поощряется. Результатом такого подхода становится не дерадикализация, а реканализация и экспорт доморощенного исламского экстремизма за рубеж — и в первую очередь в такие конфликтные регионы, как Ирак, Афганистан, Северный Кавказ, Кашмир. Характерно, что эта проблема до сих пор не решена — лидерам государств — невольных импортеров экстремизма не хватает рычагов для давления на ближневосточные правительства, которых, в свою очередь, сложившаяся ситуация в основном устраивает.

Принципиально иным подходом к дерадикализации руководствуются органы власти в европейских государствах. Власти в европейских странах не только избегают описанной выше модели богословского диалога, не будучи заинтересованными в утверждении какой-либо единой официальной версии ислама на своей территории, но и испытывают трудности с адекватным выбором представителей исламского духовенства, привлекаемых к программам дерадикализации. Кроме того, европейская дерадикализация не сфокусирована на перевоспитании уже состоявшихся исламских экстремистов и в целом, можно сказать, носит превентивный характер. Целевой аудиторией программ является мусульманская молодежь, обратившаяся к радикальным взглядам, однако еще не преступившая закон и не успевшая пополнить ряды активных экстремистов. Отдельную проблему европейской дерадикализации представляет размытость системы показателей, предназначенных для оценки воплощаемых программ.

Нельзя не согласиться с логикой авторов, выносящих в качестве отдельного объекта анализа коллективную дерадикализацию. Подобная практика обычно становится результатом масштабных и успешных акций властей против радикальных исламистских движений, в результате чего последние оказываются обезглавлены, а их члены в массовом количестве попадают под арест. Первоочередной задачей в данном случае выступает обработка поддающихся воздействию радикальных лидеров, а также изоляция неисправимых экстремистов. В противном случае все усилия по дерадикализации рядового состава группы оказываются тщетными, подобно борьбе с многоголовой гидрой.

Выводы исследования носят достаточно конкретный, прикладной характер, хотя и содержат почву для критики. Трудно упрекать авторов американского аналитического центра в чрезмерной ориентации на национальные интересы США. В этом смысле прагматичные и даже эгоистические рекомендации, предполагающие учебу США на чужих ошибках и расширение собственных возможностей за счет международного сотрудничества по дерадикализации выглядят достаточно уместными.

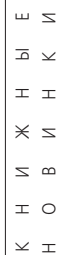
Вместе с тем не совсем логичен уход от поиска решений названной проблемы экспорта исламского экстремизма, которому прямо содействует риторика и программы дерадикализации в Саудовской Аравии и ряде других государств региона. Достаточно отметить тот факт, что одними из первых от такой практики страдают сами США, а также их союзники по иракской и афганской кампаниям. Кроме того, в выводах авторского коллектива отсутствует четкий ответ на вопрос о том, стоит ли США выстраивать собственные программы дерадикализации для Ирака и Афганистана. Наконец, при анализе богословского диалога авторы полностью опускают современную конъюнктуру данной проблематики, а именно беспрецедентное обострение шиито-суннитских противоречий в мусульманском мире и обусловленный этим рост экстремизма. Впрочем, часть высказанной критики может оказаться излишней, если учесть тот факт, что мы рассматриваем не всестороннее фундаментальное исследование, а монографию с достаточно узкими, инструментальными задачами. 🐘

Олег Демидов

Доминик Моизи. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 216 с.

Искушенного читателя наверняка заинтересует название книги. Ее автор — старший советник Института международных отношений Франции Доминик Моизи предлагает взглянуть на современный мир сквозь призму эмоционального восприятия.

Не отрицая значимости устоявшихся теоретико-методологических подходов к изучению системы международных отношений, автор книги предостерегает читателя от сугубо умозрительного осмысления процессов, происходящих на международной

арене. Причина тому — глобализация, сделавшая наш мир прозрачным, постоянно меняющимся и таким невероятно страстным. Не принимать это во внимание — значит пятиться назад, с каждым шагом отдаляя перспективу разрешения глобальных конфликтов современного мира.

XXI в., по замечанию Д. Моизи, можно смело назвать веком эмоций и поиска национальной идентичности, в котором ориентиром могут послужить эмоции, наполняющие сознание народа. Взяв за основу три разновидности эмоций — страх, унижение и надежду — автор старается показать нам эмоциональную картину мира. Выбранные эмоции в наибольшей степени связаны с чувством уверенности в себе. А что есть кризис самоидентификации, если не отсутствие этой самой уверенности?

При этом не следует полагать, что те государства находятся в большем кризисе собственного восприятия, которые однажды испытали унижение. По мнению автора, в какой-то степени унижение существует во всех культурах и обществах. Некая степень унижения может стать побуждением к социальному росту за счет тяжелого труда, что, как следствие, выведет народ на тропу здоровых эмоций, важнейшей из которых признается надежда.

Отказываясь от стремления к упрощению при международном картировании эмоций, автор окрашивает в более светлые тона эмоциональный фон в преуспевающей Азии, в более темные на Западе и почти черные в некоторых местах Ближнего Востока, Россию при этом он относит к трудным случаям.

Российский народ, переживший почти полную смену нравственных норм и ценностей, испытавший резкую и шокирующую потерю международного статуса страны, погружен сегодня в сложное переплетение эмоций. Согласно Д. Моизи, основанием для возрождения надежды и веры в будущее России могут послужить экономические факторы, победы в спорте, проведение Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, популистские лозунги руководства страны о светлом будущем в 2020 г.

Однако способны ли сиюминутно испытанные эмоции радости и, отчасти, гордости перерасти в нечто большее? Беда эмоций в их кратковременности и непостоянстве. В отличие от них, чувства обладают отчетливо выраженным характером, устойчивостью и долговременностью, вызывает недоумение, почему автор с такой легкостью подменяет в своей книге эти два понятия?!

Практическая значимость эмоционального диагностирования, помимо предложенной автором возможности прогнозирования будущего, в большей степени заключается в том, чтобы поступательно формировать положительные эмоциональные установки в сознании народа. Здоровый экономический рост, стабильное социально-политическое развитие, верховенство права, постоянный и конструктивный диалог власти с обществом послужат залогом для зарождения чувства уверенности в себе и своем будущем, чувства гордости за страну, патриотизма и счастья.

Это тот рецепт, который поможет в борьбе с нестабильностью, конфликтностью и сверхэмоциональностью современного мира. Эмоции как положительные, так и отрицательные — могут стать мощным оружием в руках политических лидеров или их оппонентов. Народ, не обладающий внутренним стержнем, силой духа и не испытывающий положительных чувств к Родине обречен на роль марионетки в руках властвующих.

На международном уровне — последствия в разы страшнее. Эмоции (униженности, обиды, ненависти) являются базовым инструментом для осуществления международных террористических актов, разжигания межнациональной розни, обоснования обладания ядерным оружием в неядерных странах. 🐼

Лиана Когошвили

Винокуров В. И. История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М.: Инженер, 2009. Т. I. 392 с.

Винокуров В. И. История военной дипломатии. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. М.: Светлица, 2010. Т. II. 640 с.

Автор фундаментального исследования по истории военной дипломатии, Владимир Иванович Винокуров, не случайно заинтересовался данной темой. В.И. Винокуров много лет отстаивал интересы России на *военно-дипломатическом фронте*, будучи на военно-дипломатической службе в Дании (1971–1975, 1980–1983) и Латвии (1994–1999). Это объемный труд, который автор писал в течение 10 лет. В свет вышли два тома *Истории*, готовится к изданию третий.

Первый том охватывает период со времени правления Петра I до Первой мировой войны. Собственно приход Петра к царствованию и ознаменовал начало становления военной дипломатической службы в России. Изначально вопросами дипломатии занимался Посольский приказ. Однако, по возвращении из Великого посольства 1697–1698 гг., Петр начал реформировать государственный аппарат. Вместо приказа сначала появились Кабинет и Походная посольская канцелярия, а затем Коллегия иностранных дел, которая юридически положила конец существованию Посольского приказа.

Петр вел много войн, и русским дипломатам приходилось решать задачи по непрерывному и оперативному добыванию сведений о военном, политическом и экономическом положении иностранных государств. Такие условия привели к появлению предпосылок создания института военных и военно-морских атташе.

Полноценные органы военной дипломатии появились только в 1863 г., когда Александр II утвердил Положение и Штаты Главного управления Генерального штаба. Постепенно происходило его расширение и увеличение числа агентов. Всего к концу XIX в. Россия располагала военными атташе в 18 мировых столицах, а также морскими агентами в 10 странах, что способствовало дальнейшему развитию военно-дипломатической службы.

История военной дипломатии — это еще и история в лицах. Со страниц книги мы узнаем о выдающихся личностях — Адаме Вейде, первом русском офицере — военном атташе, которого считают предвестником русской военной дипломатии, светлейшем князе Александре Чернышеве, князе Александре Долгоруком и многих других.

Особый интерес вызывают приложения, в которых содержатся краткие биографии лиц, составляющих славу военно-дипломатической службы России, списки российских военных дипломатов, аккредитованных при дипломатических представительствах России за рубежом в период с 1893 по 1916 г. (прил. 4). Приведены также инструкции военно-морским агентам (прил. 10), проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу (прил. 9). Таким образом, автор предоставил вниманию читателей подборку архивных материалов, найти которые в одной книге раньше не представлялось возможным.

Второй том посвящен началу новейшего периода в истории военной дипломатии, основное содержание которого характеризуется борьбой двух систем — капитализма и социализма — и обострением международных противоречий.

Рождение советской дипломатии, тайная дипломатия в предвоенные и военные годы, учреждение института военных атташе, создание Отдела внешних сношений, деятельность абвера в странах Балтии, превращение дипломатического аппарата Германии в орудие шпионажа, деятельность советских дипломатов в период Второй мировой войны и многое другое изложено в деталях на страницах данной книги.

В приложениях ко второму тому содержатся интереснейшие телеграммы глав военных миссий, политические обзоры, доклады, подготовленные военными атташе, записи

ш ≈
ъ <
и и
ж ≈
≈ в
и о
< и

заседаний и бесед таких выдающихся личностей, как К. Е. Ворошилов, П. А. Коротких и Ж. Думенк.

Системный подход к исследованию позволяет автору представить материал на высоком научно-теоретическом уровне с использованием ясного и доступного языка. Таким образом, цель, которую поставил автор в своем исследовании — воспроизвести реальную картину становления и развития военной дипломатии — можно считать достигнутой. Автор дает много ссылок на достоверные источники, архивные документы и материалы, что обеспечивает беспристрастность и правдивость исследования.

Последовательность повествования, приведение ранее неизвестных фактов и наличие обширного справочного материала отличают данную работу от многих других многотомных изданий.

Недоработки связаны главным образом с комплексным характером труда: охвачен и исторический, и современный этапы развития военной дипломатии. В рамках исторического характера книги существует необходимость освещения соответствующего категориально-понятийного аппарата.

Издание сориентировано на руководителей федеральных органов исполнительной власти, депутатов Федерального Собрания Российской Федерации, сотрудников государственных внешнеполитических структур, а также студентов, изучающих международные отношения, внешнюю политику и дипломатию. Оно поможет лучше понимать механизмы взаимодействия военной дипломатии и официальной дипломатии, их связь с военной и военно-политической обстановкой, в которой эти службы являются одними из основных средств внешней политики. 🐾

Маргарита Колесниченко

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ *iSi* ТРЕБУЕТ ИНОЙ МЕТОДИКИ ПОДСЧЕТА

Главному редактору:

Я очень ценю деятельность ПИР-Центра, считая ее уникальной с точки зрения вклада в развитие знаний по ядерному нераспространению и нераспространению других видов оружия массового уничтожения (ОМУ). Считая ПИР-Центр одной из ведущих в мире неправительственных организаций в области нераспространения, я, тем не менее, хотел бы поделиться некоторыми критическими соображениями относительно одного из направлений его деятельности и предложить идею одного проекта, с тем чтобы приблизить усилия ПИР-Центра к *практике* нераспространения ОМУ и борьбы с ОМУ-терроризмом на этом направлении.

Индекс международной безопасности *iSi* — это проект, который, на мой взгляд, имел бы серьезную перспективу лишь в том случае, если бы в ближайшие десятилетия предвиделось создание мирового правительства, которое могло бы оперировать подобными показателями. Создание такого правительства вряд ли осуществится, что подрывает практическую значимость индекса. В то же время разработанные подходы к расчету этой величины могут найти применение для определения национальных рейтингов по физической ядерной безопасности (ФЯБ).

Я считаю, что в любом случае серьезное внимание необходимо уделить вопросам категоризации и значениям весовых коэффициентов, приписываемым тем или иным показателям суммы. В методике расчета *iSi* большое сомнение вызывает отнесение широкомасштабного конфликта Россия–НАТО к категории факторов регионального значения. Даже если подобным конфликтом будет охвачен меньший регион, последствия, несомненно, будут глобальными. Именно по последствиям, мне кажется, и надо судить о категории фактора, а не по географической привязке первой стадии конфликта. Разница между порядками величин весовых коэффициентов выбрана слишком большой. Потому в предложенной ниже формуле расчета *iSi* не решен вопрос взаимосвязи событий, которые, например, могут влиять и на локальную, и на региональную, и на глобальную безопасность одновременно.

Последние десятилетия характеризуются быстрыми изменениями в сфере глобальной безопасности, не в последнюю очередь вызванными стремительным нарастанием угроз терроризма и распространения ОМУ. При этом наиболее серьезные опасения вызывают ядерный терроризм и ядерное распространение. Чтобы более оперативно реагировать на эти изменения международное сообщество стало все шире использовать политически обязующие инструменты, такие как инициативы, договоренности, заявления о приверженности тем или иным принципам, участие в неформальных режимах и пр., более гибким по сравнению с юридически обязующими международными инструментами, требующими значительного времени для их разработки, подписания и введения в действие.

В то же время применение юридически не обязующих инструментов зависит от выполнения взятых государством на себя политических обязательств в условиях, когда механизмы их верификации или слабы, или отсутствуют. Очевидно, в такой ситуации при рассмотрении, каким образом реализуются политические обязательства государства,

например, в связи с присоединением к Глобальной инициативе по борьбе с актами ядерного терроризма (ГИБАЯТ), полнота их имплементации в национальном законодательстве и выполнение конкретных мероприятий на национальном уровне в значительной степени зависят от наличия *политической воли*.

Учитывая вышесказанное, хотелось бы привлечь внимание к суждению, которое достаточно популярно среди специалистов и экспертов по ФЯБ. Один из его вариантов звучит таким образом: «Глобальный режим физической ядерной безопасности силен настолько, насколько сильно его слабейшее звено». Если состояние ФЯБ в какой-то стране может создавать угрозы для остальных стран, в таком случае ее обеспечение не может быть исключительной ответственностью национального правительства. В то же время добровольное делегирование части своего суверенитета для повышения эффективности совместных контртеррористических усилий, реализуемое только в системах коллективной безопасности, встречается не так уж часто. Тем не менее международное сообщество, не нарушая национального суверенитета, может активизировать свою роль, применяя инструменты *мягкого* воздействия на то или иное государство.

Одним из таких *малоинвазивных* инструментов могло бы стать регулярное опубликование национальных рейтингов, отражающих состояние ФЯБ в странах мира.

Не секрет, что международный имидж отдельной нации формируется в результате действия ряда факторов, причем основными из них являются производные от военной и экономической мощи, уровня жизни народа, развития науки и технологий, состояния экологии, культурных и спортивных достижений и т.д. Очевидно, большинство национальных лидеров, руководителей правительств очень чувствительны к позициям, занимаемым их странами, в какой бы сфере ни определялся такой рейтинг. Опираясь на показатели подобных рейтингов, отслеживается прогресс в той или иной области, и это служит одним из дополнительных факторов общей оценки действия того или иного правительства, того или иного лидера. Тут хотелось бы сослаться на позитивный опыт международной организации *Transparency International*, публикующей ежегодные *индексы восприятия коррупции*. И хотя методика расчета национальных индексов несовершенна, поскольку уровень коррупции определяется по косвенным признакам, на рейтинги *Transparency International* постоянно ссылаются политики, официальные лица, руководители правительства, независимые эксперты и журналисты, оценивая их как надежные, то есть такие, которые могут быть использованы в процессе принятия решений на самом высоком политическом уровне.

Мое предложение заключается в том, чтобы перенести этот подход в сферу ФЯБ и учредить что-то вроде *Списка национальных индексов по физической ядерной безопасности (The List of National Nuclear Security Indexes)*, для его публикации на регулярной (в перспективе — ежегодной) основе. Конечно, для получения численных значений должна быть разработана специальная методика, очевидно, отличная от той, что используется для расчета индексов восприятия коррупции. Кроме того, ясно, что существенная часть данных по ФЯБ представляет чувствительную или, даже, секретную информацию. Тем не менее тут могут быть использованы не прямые методы и оценки и даже открытые источники информации, содержащие данные по имплементации международных документов, общепризнанных норм и стандартов, соответствующему национальному законодательству, результаты (даже в общем виде) соответствующих миссий МАГАТЭ, данные по реализации таких программ и мероприятий как, например, *Вторая линия защиты (Second Line of Defense)*, данные базы данных МАГАТЭ по незаконному обороту и др., данные по реализации гарантий МАГАТЭ, Дополнительного протокола и др.

С уважением,

Сергей Кондратов

Научный сотрудник

Национальный институт стратегических исследований

Киев, Украина

kondratov@niss.gov.ua

F R O M T H E E D I T O R

7 **The Basics of Security**

Nuclear safety and security is important for a country's military capability (security of nuclear arsenals) and for non-military applications (i.e. safety of nuclear power plants). After the Fukushima crisis in Japan nuclear safety is once again at the center of attention, and, just like in 1986, the future of nuclear energy is in question. A disaster of such a magnitude can also be caused by improper storage of nuclear ammunition. Another common problem is the risk of radioactive materials falling into the hands of terrorists. What are the solutions? Irina **Mironova**, assistant to editor-in-chief, has sought the answer from generals, nuclear physicists and energy specialists who contributed to this issue.

Key words: *nuclear safety, nuclear energy, nuclear renaissance, Fukushima, nuclear security.*

I N T E R V I E W

11 **The European Convention on Fighting Cybercrime Is Not Adequate to the Task** — *Ilya Rogachev*

How successful is the ongoing cooperation within the UN framework in countering terrorism? What role does Russia play in developing and implementing measures against terrorism? What is, and what should be, the role of non-government actors in anti-terror partnership? We have put these and other questions to the Head of the Russian Foreign Ministry's Department for new challenges and threats.

Keywords: *new security challenges, counterterrorism, drug trafficking, corruption, cybercrime.*

17 **Russia–Ukraine: There Is No Alternative to a Strategic Partnership** — *Vladimir Yelchenko*

A clash of interests in the Russia–Ukraine–EU triangle, the Customs Union, missile defense in Europe... What is the Ukrainian stance on these and other issues? What are the prospects for Russian–Ukrainian cooperation on key European security problems? What is the future of their trade and economic relations? The Ukrainian Ambassador to Moscow answers the questions of the *Security Index* journal.

Key words: *Russia–Ukraine, European integration, Customs Union, economic reforms.*

23 **The Council of Europe is Ready for Reform** — *Gérard Stoudmann*

The special representative of the Council of Europe's Secretary-General for Organisational Development and Reform talks about the main areas of activity of the Council of Europe and the priorities of the reform of the Council's organizational structure in an interview with our correspondent.

Key words: *human rights, democracy, new security threats, Council of Europe reform.*

D O S S I E R

27 **Steps Necessary to Sustain Partnership between Russia and the USA — Meeting of the Sustainable Partnership with Russia Council**

The Sustainable Partnership with Russia (SuPR) Council was set up on April 8, 2010, the day of the signing of the New START Treaty, by PIR Center (Russia) and Ploughshares Fund (USA). The Council held the latest of its regular meetings in Gstaad, Switzerland, in order to discuss the next steps that the two countries should take regarding nuclear disarmament.

Key words: *SUPR, arms control, disarmament, Middle East.*

33 **Policy Recommendations of the Sustainable Partnership with Russia Council**

The ratification and entry into force of the New START Treaty is a step in the right direction; it has helped the United States and Russia to reset their bilateral relations. This is just the first step towards nuclear disarmament. At this time there is a 50-percent chance that these relations will lose their impulse towards closer cooperation and lapse into another chill.

Key words: *New START treaty, missile defense, CFE, WMD-free zone in the Middle East, Iranian nuclear program.*

A N A L Y S I S

39 **Barak Obama's Nuclear Gambit — [Sergey Kortunov](#)**

Politically, the United States still claims the role of peacekeeper and the world's policeman. But militarily, US generals want to keep the *status quo*. That is the essence of Barak Obama's *nuclear gambit*: the United States will inevitably retain its overwhelming superiority in sixth generation high-precision weapons, leaving the other nuclear powers with their nuclear arsenals, including Russia, stuck in the 20th century. Sergey Kortunov was the head of the Chair of World Politics at the State University — Higher School of Economics.

Key words: *New START treaty, nuclear zero, US nuclear policy.*

57 **WMD-Free Zone in the Middle East: From Ideals to Reality — Ivan Trushkin**

There is no point in expecting the conference scheduled for 2012 to resolve the issue of creating a WMD-free zone in the Middle East immediately. What we should expect is a *road map*, a clear plan of how countries in the region must move toward a WMD-free zone. Eliminating nuclear weapons in the Middle East is primarily a question of political will. A huge amount of work has been done among the experts over the past 35 years. That work could serve as a solid foundation for the future WMD-free zone. Ivan Trushkin is the coordinator of the 'Nonproliferation and Russia' project at PIR Center and a PhD candidate at the State University — Higher School of Economics.

Key words: *Middle East, nonproliferation, NPT, WMD-free zone.*

R O U N D T A B L E

73 **Nuclear Security Challenges: Preparing For Seoul Summit — [Sergey Antipov](#), [Gennady Evstafiev](#), [Dmitry Kovchegin](#), [Evgeny Maslin](#), [Vladimir Orlov](#), [Sergey Pertsev](#), [Oleg Rozhkov](#), [Alexey Ubeev](#)**

The ways of ensuring the security of nuclear materials and countering nuclear terrorism will be at the center of the 2012 Nuclear Security Summit in Seoul. What is the link between nuclear nonproliferation and the security of nuclear materials? How different are the Russian and U.S. approaches to these problems? How can contemporary Russia adopt the international experience? These questions were addressed by the participants in the roundtable discussion.

Key words: *State system of nuclear facilities security, resilience to terrorism.*

P O L E M I C S

85 **Defeat in the War on Drugs? — [Yury Krupnov](#), [Lev Levinson](#)**

Countering drug trafficking is now an integral part of any national security policy. There are two main types of anti-drugs policy: prohibitive and differentiated. Which one is the more effective? What constitutes success in countering drugs? And is there an instrument that can help us win the war on drugs in the end? The *Security*

Index publishes correspondence between two experts who hold different views and ideas about the principles of the war on drugs.

Key words: *Global Commission on Drug Policy, drugs classification, drugs trafficking.*

C O M M E N T A R Y

- 99 **Never again: Proposals on Achieving the Crucial Goal of Nuclear Safety** — *Augustin Alonso, Vladimir Asmolov, Adolf Birkhofer et al.*

Nuclear energy will only be acceptable to the public if it poses no threat to public health and the environment. That requires greater efforts to prevent accidents involving the release of radioactive substances. The open letter outlines the safety problems that must be analyzed in every country operating nuclear power plants, without waiting for every minute detail of the Fukushima accident to be studied.

Key words: *serious nuclear accidents, nuclear power plant design, accident management strategies, safety culture.*

- 111 **Is the Nuclear Renaissance Over?** — *Mikhail Lysenko*

Up until the Fukushima crisis, issues of nuclear nonproliferation dominated the international agenda, while nuclear safety issues were relegated to the sidelines. IAEA conference on nuclear safety held in Vienna in June 2011 has concluded that security and safety should go hand in hand as equally important priorities. Mikhail Lysenko is the Head of the International Cooperation Department of *Rosatom* State Corporation.

Key words: *nuclear safety, IAEA ministerial conference, Fukushima crisis.*

- 113 **Europe's Attitude toward Missile Defense and Russian Proposal** — *Claire Lucien*

Since November 2010, the issue of missile defense has been high on the NATO-Russia Council's agenda. Two competing proposals are on the table: the idea of separate but coordinated systems, defended by NATO and the U.S., and a sectoral approach that includes a joint missile-defense system along the perimeter of the Euro-Atlantic region, proposed by Russia. Through a series of interviews with diplomatic corps of European countries, the French junior researcher analyzes the Europe's attitude toward missile defense and the main question – what makes the European states to reject the Russian proposal.

Key words: *Russia–NATO, missile defense.*

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

- 125 **iSi International Security Index in April–June 2011: The Spring Thunderstorms** — *Galiya Ibragimova*

The fall of the *iSi* Index in the spring of 2011 reflected the ongoing confrontation between government forces and NATO-backed rebels in Libya, as well as continuing anti-government protests in North Africa and the Middle East.

Key words: *Libya, Syria, Iran, Osama bin Laden, strategic stability, nuclear safety.*

- 133 **A View by a Russian Liberal: The Crisis in World Politics** — *Yury Fedorov*

Judging from the headlines dominating the world media, the epicenter of international politics remains firmly in the greater Middle East. Experts and journalists have been busily discussing the fall of the regimes in Tunisia and Egypt, the crackdown on the Syrian opposition, the unrest in Yemen, the civil war in Libya, the ongoing NATO operation against Colonel Qaddafi's troops, and, of course, the killing of Osama bin Laden. As interesting as these events in the Middle East are, they are a distraction from much more important developments.

Key words: *USA and conflicts in the Middle East; Islamism, Arab-Israeli conflict, upcoming US presidential elections, crisis of Europe.*

- 144 **A View by a Russian Conservative: The First Decade is Over — Time to Draw Conclusions** — *Dmitry Evstafyev*

World events are now gaining historic dynamism and acuteness underlined by the numerous and perhaps not accidental natural disasters that have been testing the strength of various nation states. It is these nation states that remain the cornerstone

of the international system since the end of the confrontation of the supra-national ideological systems, which were rightly seen as the symbol of the 20th century.

Key words: *Osama bin Laden, the Fukushima crisis, Arab revolutions, Russian military reform, Europe, Afghanistan.*

L I B R A R Y

157 **After the Reset** — *Vladimir Orlov*

There are books which every specialist simply must have on his bookshelf. For Russian-speaking nonproliferation specialists, the list of the must-have authors begins with Roland Timerbaev. The new work by Aleksey Arbatov and Vladimir Dvorkin deserves to take a prominent place beside Timerbaev — even if it means relegating some of the other authors to the stack on the floor. The President of PIR Center presents his view of the newly published book.

Key words: *Russia–USA, nuclear weapons, nonproliferation, disarmament.*

161 **BRICS: Dawn of a New Era or Business as Usual?** — *Boris Martynov*

A lot of water has flown under the bridges over the Amazon, the Volga, the Yangtze and the Ganges since *Goldman Sachs* coined the term «BRIC». There have been two BRIC summits. BRIC has turned into BRICS, with the S standing for South Africa, which joined in 2010. Contacts between the ministries and agencies in the five countries have become regular and increasingly extensive. The ranks of the opponents and advocates of the new format (the so-called *BRICS-optimists* and *BRICS-pessimists*) have swelled, with endless intellectual battles raging between the analysts over the organization's future. The Deputy Director of the Institute of Latin America, the Russian Academy of Sciences, reviews two books on BRICS and the views of optimists and pessimists.

Key words: *BRICS in the international system, BRICS prospects, integration within BRICS.*

B O O K R E V I E W S

169 *Andrey Bakliitsky, Oleg Demidov, Galiya Inragimova, Liana Kogoshvili, Margarita Kolesnichenko, Pavel Luzin* — interns, fellows and alumni of educational program of PIR Center prepare reviews of the new books in PIR Center library.

L E T T E R T O T H E E D I T O R

179 **iSi Security Index needs a new methodology** — *Sergey Kondratov*

181 SUMMARY

185 ABOUT THE AUTHORS

189 PIR CENTER ADVISORY BOARD

193 SUSTAINABLE PARTNERSHIP WITH RUSSIA GROUP

194 INTERNATIONAL EXPERT GROUP

FINAL QUOTES

Cov.III **On Time**

Антипов Сергей Викторович — заведующий отделом в Институте проблем безопасного развития атомной энергетики РАН. В 2004–2006 гг. — заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии РФ. В 2003–2004 гг. — заместитель министра Российской Федерации по атомной энергии. Дважды лауреат Курчатовской премии. Автор более 50 научных статей и докладов. Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Научный координатор проекта «Нераспространение» РНЦ Курчатовский институт. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Евстафьев Геннадий Михайлович — генерал-лейтенант (в отставке), старший вице-президент ПИР-Центра. Выпускник Ленинградского университета. Более 40 лет проработал в учреждениях государственного аппарата. Работал в советских посольствах в Пакистане и ряде других стран. В 1999–2000 гг. — член Комиссии по разоружению при Генеральном секретаре ООН. Последнюю должность занимал в Брюсселе. Курировал проблемы нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями. Участвовал в переговорах по разоружению, в выработке соглашений по правам человека. Постоянный автор журнала ПИР-Центра *Индекс Безопасности*.

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — директор Департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее — старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Ельченко Владимир Юрьевич — Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Российской Федерации. Окончил Киевский государственный университет имени Тараса Шевченко (факультет международных отношений и международного права). На дипломатической службе Украины работает с 1981 г. В 2003–2005 гг. — первый заместитель Министра иностранных дел Украины, руководитель аппарата МИД Украины. В 2005–2008 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Республике Австрия. В 2005–2010 гг. — постоянный представитель Украины при международных организациях в Вене.

Ибрагимова Галия Ринатовна — консультант ПИР-Центра, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Ташкенте. Научный сотрудник Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе MBA в Узбекско-японском центре развития людских ресурсов с присвоением международной степени Project Management Professional (PMP). Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной Летней Школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Ковчегин Дмитрий Алексеевич — консультант проектов российско-американской программы сотрудничества по усовершенствованию систем физической защиты, учета и контроля на российских ядерных объектах московского представительства компании *Буз Аллен Хэмилтон*. Ранее работал научным сотрудником в ПИР-Центре и Центре Белфера по науке и международным отношениям Гарвардского университета. Выпускник образовательной программы в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и нераспространения Московского инженерно-физического института. Адрес электронной почты: kovchegin_dmitry@bah.com

Кортунов Сергей Вадимович — заведующий кафедрой мировой политики ГУ–Высшей школы экономики (до 2010 г.). Доктор политических наук, профессор Академии военных наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса. Действительный член Международной академии информатизации. Окончил МГИМО (1979 г.). В 1982–1991 гг. работал в МИД СССР (участвовал в многосторонних переговорах по разоружению: СНВ-1, Конференция по разоружению в Женеве, Конвенция по запрещению химоружия, Первый комитет Генассамблеи ООН, Комиссия ООН по разоружению; в переговорах основных экспортеров оружия, переговорах по гармонизации национальных систем экспортного контроля). В 1994–1996 гг. — консультант, референт помощника Президента РФ по национальной безопасности. В 2003–2004 гг. — заместитель директора Института стратегических оценок, заместитель председателя экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам. Автор более 70 научных публикаций, статей, монографий.

Крупнов Юрий Васильевич — председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития, председатель *Движения развития*, лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса. Окончил сельскохозяйственный факультет Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (отделение агрономии, специализация «биофизика и физиология растений») в 1984 г. С марта 1989 г. по июль 2000 г. работал в Российской академии образования (РАО), откуда был приглашен на работу в Министерство образования Российской Федерации советником Управления информационных и образовательных технологий (2000–2002 гг.). В 2002–2004 гг. работал специалистом отдела инновационных проектов департамента внешних связей ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть», в 2004–2005 гг. — помощником депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ. С июня 2007 по август 2008 года — помощник полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе. Адрес электронной почты: kroupnov@gmail.com

Левинсон Лев Семенович — эксперт Института прав человека, руководитель программы «Новая наркополитика». Заведующий Библиотекой правозащитной литературы, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации. Адрес электронной почты: levlev@yandex.ru

Лысенко Михаил Николаевич — Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации по атомной энергии *Росатом*. До 2008 г. — посол РФ в Новой Зеландии. Ранее — директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР) Министерства иностранных дел РФ. В 1977 г. закончил МГИМО (У). С 1977 г. работал в Министерстве иностранных дел СССР и РФ. В 1992–1996 гг. — заместитель директора Департамен-

та Северной Америки МИД РФ. В 1996–2000 гг. — советник посольства России в Канаде. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Люсьен Клэр — выпускница Института политических исследований Университета Кента, специализация «политика и международные отношения», выпускница магистратуры факультета мировой экономики и мировой политики ГУ–Высшей школы экономики. В 2011 г. проходила практику в ПИР-Центре. В 2010 г. проходила практику в Министерстве обороны Франции (Дирекция стратегических вопросов, отдел России, Украины и Евразии). В 2008 г. участвовала в организации Летнего курса «Что будет в Ираке завтра?» в Женевском международном институте исследования проблем мира. Адрес электронной почты: cl.lucien@gmail.com

Мартынов Борис Федорович — заместитель директора Института Латинской Америки РАН, профессор МГИМО. Окончил Международно-правовой факультет МГИМО МИД СССР в 1975 г. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте Латинской Америки РАН (кандидат исторических наук). Степень доктора политических наук получил в 1998 г. Автор 6 монографий по истории и внешней политике стран Латинской Америки, а так же по отношениям России со странами региона. Адрес электронной почты: b.martynov@mtu-net.ru

Маслин Евгений Петрович — генерал-полковник (в отставке), член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Директор АНО *Аспект-конверсия*. Один из отцов-основателей международных программ содействия России в области утилизации избыточных вооружений, чьи достижения высоко отмечены рядом правительственных наград, включая орден «Красной звезды», «За службу Родине» и множество медалей. Лауреат Государственной премии РФ. Более 40 лет проработал в структурах Министерства обороны СССР/России, в том числе с 1992 по 1997 гг. начальником 12-го ГУМО РФ, отвечающего за сохранность ядерных боеприпасов. Автор многих публикаций на русском и английском языках, включая статьи по ядерной безопасности, программе Совместного уменьшения угрозы и ядерному нераспространению.

Орлов Владимир Андреевич — основатель и президент Центра политических исследований России (ПИР-Центр), главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Член Совета ПИР-Центра. Возглавляет Европейское отделение в Женеве — Centre russe d'études politiques. Кандидат политических наук. С 2007 г. — член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Является членом Российского Пагуошского комитета при президиуме РАН, членом Монтерейской группы по разработке стратегии в области нераспространения, членом Международного клуба *Триалог*. Член Совета по устойчивому партнерству с Россией (СУПР). Соредактор и автор учебника «Ядерное нераспространение». Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Перцев Сергей Федорович — профессор, контр-адмирал, начальник Федерального государственного учреждения 12-й Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны Российской Федерации.

Рогачев Илья Игоревич — директор Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ. В 1984 г. окончил МГИМО МИД СССР, факультет международного права. В системе МИД — с 1984 г. Работал на разных должностях в Правовом департаменте МИД до 2001 г. В 2001–2004 гг. — заместитель директора Департамента по вопросам новых вызовов и угроз, с 2004 по 2009 г. — заместитель постоянного представителя РФ при ООН в Нью-Йорке. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1 класса.

Рожков Олег Вячеславович — директор Отделения по инспекциям на местах временного секретариата Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ). В 1985 г. окончил МГИМО. С 1985 г. работает в МИД СССР/РФ. В 1994–1998 гг. участвовал в переговорах по ДВЗЯИ. С 1998 по 2002 г. — первый секретарь Постоянного представительства России при международных организациях в Вене. Советник, старший советник, а затем заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. В 2004–2005 гг. — руководитель

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ:

В связи с тем, что редакционный портфель журнала наполнен, а также в связи с подготовкой тематических номеров журнала, мы временно прекращаем прием рукописей, если только они не были заказаны нами по соответствующим авторским договорам.

Прием рукописей возобновится 21 мая 2012 г.

Редакционная коллегия

отдела по глобальному партнерству. В 2005 г. принимал участие в работе российской делегации на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО; на конференции 2010 г. — заместитель руководителя делегации России.

Трушкин Иван Владимирович — координатор программы ПИР-Центра «Ядерное нераспространение и Россия». Выпускающий редактор информационных бюллетеней *Ядерный контроль* и *Вена + Женева*. Аспирант факультета мировой экономики и мировой политики ГУ–Высшей

школы экономики. Выпускник исторического факультета Алтайского государственного университета. Выпускник Международной Летней Школы по проблемам глобальной безопасности (2009). Принимал участие в работе 22-й Международной конференции ООН по проблемам разоружения (Япония). Входил в состав российской делегации программы *Open World* по проблеме ядерного нераспространения (США). Автор и соавтор публикаций в журналах *Индекс Безопасности*, *Россия в глобальной политике*, *Politica Exterior*. Соавтор неправительственной Белой книги «ДНЯО–2010: как упрочить режим». Адрес электронной почты: trushkin@pircenter.org

Федоров Юрий Евгеньевич — научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. — заведующий сектором, а с декабря 2000 г. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Штудман Жерар — специальный представитель Генерального секретаря Совета Европы по вопросам развития и реформирования. Изучал право в Университете Лозанны и международные отношения в Институте международных исследований в Женеве. В 1977–1981 гг. работал в Министерстве обороны Швейцарии. В 1981 г. перешел на работу в Министерство иностранных дел. С 1982 г. работал в постоянном представительстве Швейцарии при Европейской комиссии. В 1995–1997 гг. — заместитель главы постоянного представительства Швейцарии при ОБСЕ. В 1997 г. стал директором Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека в Варшаве. С 2002 г. по 2006 г. — директор Женевского центра политики безопасности (GCSP). Почетный член европейского отделения ПИР-Центра в Женеве — *Centre russe d'etudes politiques*. Адрес электронной почты: gerard.stoudmann@coe.int

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 29 июня 2011 г.)

Айнхорн Роберт, специальный советник по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями, Госдепартамент, Вашингтон, США

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Пало-Альто, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., основатель Центра международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международно-договорного управления — заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.), Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., директор, Департамент общеевропейского сотрудничества, МИД РФ, Москва, Россия

- Геттемюллер** Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США
- Данапала** Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка
- Данилов** Дмитрий Александрович, к.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия
- Дворкин** Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия
- Джонсон** Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания
- Евстафьев** Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор Департамента стратегии коммуникаций, управление общественных связей, TNK BP, Москва, Россия
- Елеукенов** Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США
- Есин** Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия
- Женевский центр политики безопасности**, Женева, Швейцария
- Институт стратегической стабильности**, Москва, Россия
- Кириченко** Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия
- Кожокин** Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия
- Кортунов** Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия
- Краснов** Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия
- Лаверов** Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия
- Ладыгин** Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия
- Лебедев** Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия
- Лукьянов** Федор Александрович, главный редактор, журнал *Россия в глобальной политике*, Москва, Россия
- Лысенко** Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия
- Льюис** Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США
- Людекин** Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Мурогов Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО *Объединенная авиастроительная корпорация*, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

Решетников Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, МФТИ, Москва, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, постоянное представительство РФ при НАТО, Брюссель, Бельгия

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Венский центр разоружения и нераспространения, Вена, Австрия

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья, Международный уголовный трибунал по Руанде, Гаага, Нидерланды

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., старший сотрудник, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Шлыков Виталий Васильевич, председатель, Комиссия Общественного совета при Министерстве обороны РФ по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов, разрабатываемых в Минобороны России, Москва, Россия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия

СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

(по состоянию на 29 июня 2011 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международного договорного управления — заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.), Москва, Россия

Ганкин Леонид Эммануилович, заведующий отделом, отдел внешней политики, газета *Коммерсант*, Москва, Россия

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд МакАртуров, Москва, Россия

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукинга, Вашингтон, США

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Спасский Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США

Хоффман Дэвид, редактор международного отдела газеты *Вашингтон Пост* (2001–2009 гг.), Вашингтон, США

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Вашингтон, США

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 29 июня 2011 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международного договорного управления — заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.), Москва, Россия

Джаятиллека Дайан, посол Ши-Ланки во Франции, представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, Париж, Франция

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., директор, Центр исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Рамальо Антонио, профессор международных отношений, Университет Бразилиа, Бразилиа, Бразилия

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент *Sager Group Holding*, Дубаи, ОАЭ

Санаи Мехди, доктор политологии, руководитель, Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, Тегеран, Иран

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Толипов Фарход Фазилович, политолог, Ташкент, Узбекистан

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР

Уникришнан Нандан, директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник, исследовательский фонда *Observer*, Дели, Индия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия

Confidential

RUSSIA

The circulation of this report has been strictly limited.

This issue is for the personal use only.
Published monthly by *Triologue Company Ltd.*

22 августа 2011 г.

Источник в Москве сообщает:

ПИР-Центр и Международный клуб *Триалог* информируют о развитии аналитического проекта RUSSIA CONFIDENTIAL.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- аналитическое сопровождение новостей мировой политики;
- информирование читателей об особенностях и нюансах внешней политики России.

В основе каждого номера RUSSIA CONFIDENTIAL – эксклюзивные материалы, переданные в редакцию аналитиками из разных точек мира.

Бюллетень RUSSIA CONFIDENTIAL выходит ежемесячно; рассылка осуществляется по электронной почте членам Международного клуба *Триалог* и *Centre russe d'etudes politiques*.

По вопросам подписки на бюллетень и вступления в Международный клуб *Триалог* обращайтесь к координатору клуба Александру Колбину по e-mail: trialogue@pircenter.org

Предъявитель данного объявления получает скидку 10% на годовое членство в Клубе, а также полностью освобождается от уплаты вступительного взноса. Три последних номера бюллетеня RUSSIA CONFIDENTIAL за 2011 г. будут направлены новым подписчикам бесплатно еще до начала действия их членства в клубе *Триалог*.

Предложение действительно до 30 ноября 2011 г.

**В августовском номере бюллетеня читайте:
Чего ждать от кризиса в Белоруссии?**

